

Роберт Силверберг

Библиотека англо-американской классической фантастики

ЛОГОВИЩЕ ДРАКОПТИЦЫ

Роберт
Силверберг

Том 2

СБОРНИК
НАУЧНО-ФАНТАСТИЧЕСКИХ
ПРОИЗВЕДЕНИЙ

ЛОГОВИЩЕ ДРАКОПТИЦЫ

Библиотека англо-американской классической фантастики

ЛОГОВИЩЕ ДРАКОПТИЦЫ

Роберт Силверберг

том 2

СБОРНИК
НАУЧНО-ФАНТАСТИЧЕСКИХ
ПРОИЗВЕДЕНИЙ

«БААКФ»
2018

БААКФ-34 (2018)

Клубное издание

Роберт Сильверберг (2). ЛОГОВИЩЕ ДРАКОПТИЦЫ.
Сборник фантастики.
(а.л.: 9,81)

Составитель Андрей Бурцев.

Некоммерческий проект для ознакомления.
Предназначено исключительно для
культурно-просветительских целей.

© Бурцев А.Б., перевод, состав

© Бурцев А.Б., название серии: БААКФ — «Библиотека
англо-американской классической фантастики»

WORLD'S LEADING SCIENCE-FICTION MAGAZINE

AMAZING

ANC

STORIES

AUGUST
35¢

THE BEAST WITH SEVEN TAILS By Leonard G. Spencer

ЗВЕРЬ С СЕМЬЮ ХВОСТАМИ

(В соавт. с Р. Гарреттом, под псевд. Леонард Г. Спенсер)

ПО БЕЗГРАНИЧНЫМ пределам межзвездного пространства летел со скоростью света золотистый корабль. Ведомый межзвездной сетью подпространственных маяков, корабль безошибочно направлялся к месту назначения. При обычных условиях золотистая игла за сутки пролетела бы шестьдесят тысяч световых лет, управляемая автопилотом, ведущим ее по сигналу маяков.

Но даже лучшие системы могут дать сбой. Курс корабля был проложен мимо нестабильного солнца, которое вот-вот собиралось превратиться в Сверхновую.

Любые аварии вызываются совпадениями, когда что-то оказывается не в том месте, не в то время: морской корабль сталкивается с айсбергом, автомобиль — с коровой, а самолет таранит честолюбивого орла, забравшегося слишком высоко. Результат всегда имеет катастрофические последствия.

Именно в тот момент, когда корабль подлетел к нестабильной звезде, она решила взорваться, начав ужасающе быстро расширяться, извергая в окружающее пространство такую фантастическую прорву энергии, что выход излучения был равен сотне тысяч нормальных светил. И от распухающего ядра этой зезды начали отходить плотные, состоящие из плазмы слои поверхности, словно простые туманные оболочки. Температура их была такова, что по сравнению с ней центр взрыва водородной бомбы казался бы холодным. Иссиня-белые раскаленные оболочки на огромной скорости полетели в пространство, уничтожая любые материальные объекты на своем пути. Звезда уже не была просто звездой — она превратилась в Сверхновую.

Золотистый космический корабль пролетал слишком далеко, чтобы получить повреждения от этого колossalного взрыва, его не затронули пучки невероятно горячих газов, но все же он пострадал от потоков энергии, льющейся из взрывающегося ядра Сверхновой звезды. И этот взрыв имел далеко идущие последствия. Подпространственные маяки, держащие корабль своими лучами на курсе, были совершенно заглушены излучением взорвавшегося солнца. Это было так, словно железнодорожный поезд внезапно сошел с рельсов. Космический корабль сошел с курса, и не было подпространственных маяков, которые могли бы вернуть его обратно, поэтому он полетел, куда глаза глядят.

Потерявшееся и не знающее, куда летит, золотистое судно продолжало пронизывать космос. И, в конце концов, прежде чем автоматы корабля пришли в себя и смогли бы предотвратить катастрофу, перед ним возникла другая звезда. Корабль стал резко тормозить, автоматически ища место для посадки. Это заняло какое-то время, но, в конечном итоге, автоматы нашли планету – третью от желтого карликового солнца.

Корабль и направился к нему, ища место для приземления.

КОМУ: МЕЛЬВАРУ ДОССУ,

И. О. К. Г. ВИБАН III.

ОТ КОГО: ПЛОГЕЛЯ РЕММА С ДЭННИЗЕТА VI.

НЕ ПРИБЫЛ С ВАШЕЙ ПЛАНЕТЫ КОРАБЛЬ 1-69. ПОЖАЛУЙСТА, ПРОВЕРЬТЕ И ПОДТВЕРДИТЕ ЕГО ОТПРАВЛЕНИЕ. СДЕЛАЙТЕ ЭТО НЕМЕДЛЕННО, ПОТОМУ ЧТО НА ЕГО БОРТУ НАХОДИТСЯ КРРОБЕК. НЕМЕДЛЕННО – ПОВТОРЯЮ – НЕМЕДЛЕННО! 19/37/522

ПЛОГЕЛЬ.

ДЖЕНИС ХЭДЛИ сняла купальную шапочку и помотала головой, подставляя темно-каштановые волосы теплому тихоокеанскому бризу.

– Единственная проблема после купания в океане в том, – сказала она, – что соль высыхает, и от нее зудит кожа.

Дэниэл Торн, энергично растираясь большим, красно-белым пляжным полотенцем, усмехнулся, глядя на нее.

– Да, – согласился он, – но это приятный зуд.

– Фу! – сказала в ответ девушка.

Она подняла лицо, глядя на безоблачное калифорнийское небо, и широко распахнула руки, наслаждаясь нежностью мягкого ветерка и теплым вечерним солнцем.

Маленький пляж был коротким, простираясь не более чем на сотню шагов между высокими скалистыми утесами, окружающими его с обеих сторон. Тут всегда было полное уединение, и Дженис с детства любила это место. Это был ее персональный пляж, единственное имущество, доставшееся ей от отца, за пределами Арборвилля. Личный приют.

Дэн Торн был сильным мужчиной среднего роста, с телом, напоминающим тело Тарзана, и красивым лицом, заставляющим думать о кинозвездах, но сам Дэн не задавался, потому что всегда точно знал, кто он такой. Дэниэл Торн был мужчиной того же типа, что Берт Ланкастер и Стюарт Грейнджер. Закончив вытираться, он бросил Дженис пляжное полотенце.

– Открывай корзинку с ленчем, девчонка. Я голоден.

THE BEAST WITH 7 TAILS

By LEONARD G. SPENCER

The walking nightmare came apparently from nowhere, to prowl the world. Its burning eyes found Janice. Its hideous bulk barred her path to safety. What could she do? Trapped as she was between the monster and the deep blue sea?

— Еда, выходи, — улыбаясь, сказала Дженис.

Она опустилась на пекоc на колени, открыла большую плетеную корзину и начала рыться внутри. Из корзины появились сэндвичи, миска картофельного салата и банка с маленькими солеными огурчиками.

— А где у нас чай со льдом? — спросила она. — Ты что, не положил термос?

Дэн чуть нахмурился.

– Нет, я думал, ты положила. Наверное, он остался в машине. Хочешь, чтобы я сходил за ним?

– Пожалуйста, Дэн. Во рту у меня такой вкус, словно я нажевалась соленой промокашки. Я не могу есть, пока чего-нибудь не выпью.

– Ладно. Я сейчас вернусь.

И он пошел по песку к тропинке, ведущей на утес, легко и широко шагая сильными загорелыми ногами.

Автомобиль был припаркован в полукилометре от пляжа. Дэну потребовалось бы несколько минут, чтобы сходить к нему и вернуться с термосом. Дженис тем временем расстелила пляжное полотенце и легла на него, повернувшись к морю и глядя, как волны плещут на усыпанный галькой берег.

Долгое купание, а теперь теплое солнышко сделало ее сонной. Дженис закрыла глаза и наслаждалась мягко-грубым прикосновением полотенца под ней, и теплого пляжного песка, просачивающегося сквозь полотенце. Наверное, она задремала, потому что очнулась, услышав шаги по песку.

– Дэн? Дай же мне хоть глоточек чая, я просто умираю от жажды.

Не последовало никакого ответа.

Дженис села и открыла глаза.

И закричала от ужаса.

То, что приближалось к ней, не походило ни на что, когда-либо виденное ей. Даже создатели спецэффектов в кино не додумались до такого чудовища. Оно высились метра на четыре с половиной над песком. У него были четыре руки, двойные плечи, покрытые длинными темными волосами, а грудь и живот были серо-серебристыми, волосатые же ноги оканчивались ступнями, вооруженными подобными бритвам когтями.

Но самым ужасным было его лицо. Безносое, разделенное чуть ли не пополам широченным ртом с многочисленными клыками. А выше рта были два горящих, оранжево-красных глаза. И это чудовище молча стояло, глядя на Дженис.

Дженис в ужасе закричала, но еще пару секунд не могла шевельнуться, так была напугана. Затем вскочила на ноги, собираясь бежать. Но тут высоченный монстр шагнул к ней. Это для Дженис Хэдли было уже слишком. Она потеряла сознание и упала на песок.

А существо сделало к ней еще шаг.

КОМУ: ЛЛОГЕЛЮ РЕММУ С ДЭННИЗЕТА VI.

ОТ КОГО: МЕЛЬВАРА ДОССА,

И. О. К. Г. ВИБАН III.

**ПРОШУ ПРОЩЕНИЯ НАСЧЕТ ЗАДЕРЖКИ КОРАБЛЯ 1-69.
НАСКОЛЬКО МЫ СУМЕЛИ ПОНЯТЬ, ВНЕЗАПНЫЙ ВЗРЫВ
СВЕРХНОВОЙ В ТРЕТЬЕМ СЕКТОРЕ ЗАГЛУШИЛ СИГНАЛЫ
ПОДПРОСТРАНСТВЕННЫХ МАЯКОВ, И КОРАБЛЬ СБИЛСЯ С
КУРСА. МЫ ПРОВОДИМ ТЩАТЕЛЬНЫЕ ПОИСКИ И ПРИЛО-
ЖИМ ВСЕ УСИЛИЯ, ЧТОБЫ ВЕРНУТЬ КРОБЕКА НА ДЭННИ-
ЗЕТ VI 19/37/522.**

МЕЛЬВАР.

ДЭН ТОРН легко поднялся на скалистый утес над пляжем. Оглянувшись, увидел, что Дженис легла на расстеленное на песке полотенце, затем пошел туда, где стояла машина. Но не успел Дэн пройти и пару сотен метров, как вдруг заметил, что вдалеке на солнце сверкнуло что-то металлическое. Он остановился и прикрыл ладонью глаза от солнца, чтобы лучше видеть.

Сверкающая штука была не ближе, чем за километр, и довольно далеко от машины, однако, Дэн мог поклясться, что ее не было, когда они приехали сюда. Хотя, возможно, солнце тогда просто зашло за облачко? Но он подумал: что это еще за черт? Больше всего это походило на какой-то золоченый купол.

Дэн нахмурился. А нужно ли? Нужно ли идти посмотреть? Но не в силах подавить любопытство, он легкой трусцой побежал к золоченому объекту.

И чем ближе он подбегал, тем более странной начинала казаться эта штуковина. Она походила на удлиненное яйцо, насаженное на головку шатуна, и, казалось, было целиком золотое. Высотой оно было метров десять, и большое отверстие в боку показывало, что внутри оно полое – или, по крайней мере, имеет какую-то полость.

Вокруг штуковины не было видно никого живого, поэтому Дэн добежал до самой желтой, металлической башни.

– Эй! Там есть кто-нибудь? – позвал он.

Никакого ответа.

Он обошел вокруг непонятного сооружения, осматривая его со всех сторон. Не было видно никаких признаков жизни. Дэн задумчиво почесал голову.

Первым делом, к нему пришла мысль, что это какие-то декорации для фильма. Возможно, декорации космического корабля, какой использовался в недавней халтурке «Пираты звездной пустоты».

Затем Дэн усмехнулся. Зачем декорации для научно-фантастического фильма строить здесь, в глухи? И почему построена лишь одна декорация?

Никакая это не декорация, понял Дэн. Неужели это настоящее сооружение? Какой-то космический корабль? Дэн тряхнул головой. Какие сумасшедшие идеи лезут ему в голову.

Очевидно, это что-то, принадлежащее Военно-воздушным силам. Какой-то новый, экспериментальный, секретный самолет или ракета. Дэн решил осмотреть его получше. Он ухватился за странно холодный металл и полез, пользуясь неровностями на корпусе, к открытому люку в трех метрах над землей.

Металл был скользким, подниматься было трудно даже для такого опытного спортсмена, как Дэн, но все же он взобрался по выступам и достиг люка. Мгновение он висел на его краю, глядя внутрь.

Но там не было ничего. Вообще ничего. Золотая ракета оказалась лишь пустым корпусом. Дэн в замешательстве помотал головой и подтянулся повыше, чтобы получше заглянуть внутрь.

Ничего.

Еще несколько секунд он висел на кромке люка, затем спрыгнул на землю. Чем бы ни была эта штуковина, Дэн явно никогда прежде таких не видел. Очевидно, она находилась под грифом «Совершенно секретно».

Пожав плечами, Дэн отвернулся. Он решил, что позвонит в местное отделение Военно-воздушных сил. Но позже, когда они с Дженис закончат пикник. Не было смысла прерывать приятное времяпрепровождение только лишь затем, чтобы сообщить Военно-воздушным силам, что какой-то их объект оказался на пляже.

Дэн той же трусцой вернулся к машине, чтобы сократить бесмысленно потерянное время. Пробежав метров сто, он достиг высшей точки утеса, с которой была хорошо виден конец изрытой колеями дороги, ведущей к ранчу. Машина должна была стоять в самом ее конце. Вот только ее там не было. Машина исчезла!

**КОМУ: МЕЛЬВАРУ ДОССУ,
И. О. К. Г. ВИБАН III.**

ОТ КОГО: ПЛОГЕЛЯ РЕММА С ДЭННИЗЕТА VI.

САМОЕ МАЛОЕ, ЧТО ВЫ БЫЛИ ОБЯЗАНЫ СДЕЛАТЬ, ТАК ЭТО НЕ ДОПУСКАТЬ, ЧТОБЫ СВЕРХНОВЫЕ ЗВЕЗДЫ ОКАЗЫВАЛИСЬ В БЛИЗИ ПРОЛОЖЕННЫХ МАРШРУТОВ ЗВЕЗДНЫХ КОРАБЛЕЙ, И БУДЬТЕ УВЕРЕНЫ В СЕРЬЕЗНЫХ ПОСЛЕДСТВИЯХ ДАННОГО ИНЦЕДЕНТА. КОРАБЛЬ 1-69 ТАК И НЕ ПОЯВИЛСЯ, И Я НЕОФИЦИАЛЬНО ЗАЯВЛЯЮ ВАМ, ЧТО ПОЛЕТИТ МНОГО ГОЛОВ, ЕСЛИ КРОРОБЕК ВСКОРЕ НЕ БУДЕТ ЗДЕСЬ. НАЙДИТЕ ЗВЕРЯ С 7-Ю ХВОСТАМИ, КАК ТОЛЬКО СНОВА ЗАРАБОТАЮТ МАЯКИ, ИНАЧЕ...

ПЛОГЕЛЬ.

ПЕРВОЕ, ЧТО почувствовала Дженис Хэдли, было нежное покачивание, словно ее осторожно несли высоко над землей. Затем она ощутила, что ее талию обхватило что-то грубое и чешуйчатое.

Мгновение спустя все ее чувства смешались, когда она вспомнила, где находится и что случилось. Она вспомнила...

Чудовище четыре с лишним метра высотой, с четырьмя ужасными ручищами, свисающими чуть ли не до земли, волочило к ней волосатые ноги. Затем к ней протянулась рука, а затем... пустота.

Но теперь Дженис пришла в себя и приложила все усилия, чтобы сохранить способность мыслить, когда поняла, где находится.

Чудовище подняло ее и, покачивая на двух из своих четырех рук, перенесло ее на несколько метров в море, где стояло теперь, а сине-зеленые волны бурлили вокруг его массивных ног. Это объясняло то, что у нее обхвачена талия, а коснувшись рукой захвата, она почувствовала под пальцами нечто похожее на наждачную бумагу. Поняв же все это, Дженис не придумала ничего лучше, чем начать кричать и биться, колотя босыми пятками по серебристо-серой груди чудовища. Ощущение было такое, словно она била по каменной стене. При этом Дженис кричала, пока у нее не перехватило горло.

Чудовище поднесло ее поближе к себе. Дженис увидела, что оно подняло одну из своих свободных рук, и та повисла над ней. Потом чудовище медленно, словно задумчиво, стало опускать эту руку. Дженис в ужасе уставилась на длинный, блестящий черный коготь с острым, как бритва, краем.

У нее дыхание сперло, когда острие когтя приблизилось к ее горлу.

Дженис снова принялась извиваться во власти монстра.

— Дэн! Дэн! — попыталась крикнуть она, но в ответ услышала лишь тихий плеск волн, набегающих на пляж.

Дэн! Где же ты?

Никакого ответа.

Коготь уже коснулся ее горла. Дженис почувствовала острую боль, когда он коснулся ее, и немедленно коготь отпрянул сантиметров на десять от горла испуганной девушки.

Но затем снова приблизился, хотя и более осторожно, только затронув ее кожу. А затем медленно, с экстремальной точностью, монстр повел когтем вниз по телу девушки.

С горла коготь переместился в ложбинку между грудями, совершившими частые колебательные движения. Затем уперся в синюю материю ее лифчика и прорезал ее без малейшего затруднения. Внезапный порыв холодного ветерка подсказал Дженис, что обнажилась ее грудь, и тут коготь быстро и решительно прошелся по телу до конца, разрезав также и плавки...

Тонкие кусочки материи слетели с тела, явив ее во всем очаровании, и девушка снова истерично зарыдала и застонала.

Затем она почувствовала, что ее опускают, и мерзкое дыхание чудовища сменилось знакомым, чистым запахом соленой воды. Дженис почувствовала, как вода омыла ее тело, и сквозь завесу ужаса поняла, что монстр непонятно зачем опустил ее на мелководье.

Дженис в отчаянии взглянула на ужасную фигуру, спокойно нависающую над ней. Затем, дико рыдая, девушка вскочила и безумно побежала по воде, которая едва достигала ей колен.

Чудовище даже не попыталось последовать за ней. Дженис добралась до пляжа, едва держась на ногах, вслепую схватила махровое полотенце, плотно завернулась в него и обернулась. Монстр по-прежнему неподвижно стоял в воде, наблюдая за ней.

Трясясь от страха, Дженис, спотыкаясь, побрела по пляжу к тропе. Трудно сказать, как, но она все же дошла до машины, ввалилась внутрь, нащупывая ключ зажигания, повернула его и с диким ужасом рванула с места, желая лишь побыстрее убраться отсюда.

КОМУ: ПЛОГЕЛЮ РЕММУ С ДЭННИЗЕТА VI.

ОТ КОГО: МЕЛЬВАРА ДОССА,

И. О. К. Г. ВИБАН Ш.

ВСЕ ПОИСКОВЫЕ ДЕТЕКТОРЫ ИЩУТ КОРАБЛЬ 1-69, НЕТ НИКАКОЙ НУЖДЫ БЕСПОКОИТЬСЯ. УВЕРЯЮ ВАС, ЧТО КРОБЕК ДОСТИГНЕТ КОНЦА МАРШРУТА, ЗАПЛАНИРОВАННОГО НА ДЭННИЗЕТ VI. ПОЖАЛУЙСТА, ПРОЯВИТЕ ТЕРПЕНИЕ, ПОКА МЫ НЕ ОТЫЩЕМ КОРАБЛЬ.

МЕЛЬVAR

ДЭН ТОРН достиг того места, где еще полчаса назад стояла машина. После длительной пробежки он задыхался, его бронзовая кожа блестела от пота. Остановившись, он внимательно осмотрел песок. К востоку грунтовая дорога расширялась, направляясь к дому Хэдли. На запад никакой дороги не вело вообще, только песок и скалы. Дэн нахмурился, рассматривая песок у своих ног.

Следы от шин ясно говорили, что тут произошло. Одни следы немного пригладил ветер, они уже были не такие ясные и отчетливые. Этот были те следы, которые автомобиль оставил несколько часов назад, когда они с Дженис приехали на этот уединенный пляж.

Вторая дорожка следов была отчетлива и ясна. Машину развернули и уехали на восток, в направлении ранчо Дженис. Эти следы были глубокие, но песок расщырен в стороны, словно водитель с места нажал на акселератор, колеса пробуксовали, раскидывая песок, пока не добрались до твердой глины.

Дэн гневно прищурился. Машину кто-то угнал. Это было единственным объяснением. Дженис не уехала бы, бросив его в семи километрах от дома.

Нужно было идти за Дженис. Им предстояло сразу же пуститься в путь пешком, если они хотят вернуться домой засветло, так как кроваво-красное солнце уже близилось к прямой линии горизонта на Тихом океане.

Кому, черт побери, понадобилось приехать сюда, чтобы украсть машину? Старенький «универсал» вряд ли стоил таких усилий, да и машину проще угнать в большом городе. Дэн пожал плечами и пошел к утесу, откуда спускалась на пляж тропинка, и где ждала его Дженис. При этом он хмуро усмехнулся. Дженис сказала, что хочет пить, и Дэн теперь тоже почувствовал сухость во рту. А пока они пешком пройдут эти семь километров до дома, во рту у обоих будет сухо, словно они нажевались хлопка.

Добравшись до края утеса, Дэн глянул вниз на пляж. Но пляж был пуст. Куда же девалась Дженис? Может, где-то спряталась, чтобы подшутить над ним? Скал, за которыми можно укрыться, там было немного, но все же...

И тут Дэн увидел нечто, заставившее его ринуться вниз по тропинке, рискуя запнуться и свернуть себе шею. На желто-буром песке отчетливо выделялся кусочек синей материи, кусочек, который мог быть лишь купальником Дженис!

Когда Дэн, наконец, спустился с утеса, то со всех ног помчался к воде, разбрасывая ногами песок.

Купальник лежал на самом краю воды, прилив еще не добрался до него. Дэн поднял его и тут же сильно сжал зубы, поскольку увидел, что синяя материя аккуратно разрезана спереди. Затем он повернулся и посмотрел вокруг. На песке, разумеется, были его следы, идущие от утеса, но Дэна они не интересовали. Зато он тут же обратил внимание на огромные следы, тянувшиеся от утеса к морю. Эти следы не походили ни на что, виденное им прежде. Длинной они были, по меньшей мере, сантиметров шестьдесят, а шириной не менее восемнадцати! Они немного походили на следы босых ног человека, но были не столь правильной формы и слишком уж громадные.

Затем он увидел следы Дженис, ведущие к утесу. Он так был встревожен ее брошенным купальником, что сразу не увидел их. Все еще стискивая в руке рваную материю, Дэн побежал к утесу по следам Дженис.

Что тут произошло? Несколько раз он крикнул ее, но единственным ответом было искаженное эхо его голоса, отразившееся от зубчатых утесов.

Дэн снова поднялся по тропинке на вершину скалистого утеса, и на этот раз, поскольку специально искал их, увидел слабые следы босых ног Дженис, направляющихся к машине. Значит, машину взяла Дженис! Что-то произошло, пока он был у золотистой ракеты, и Дженис сбежала от этого, причем так испугалась, что даже не подумала посыгнайтить и подождать Дэна.

Но что она такое увидела? Что ее так напугало?

Странные следы и порванный купальник могли предлагать различные версии, но все они казались Дэну бессмысленными.

Ему оставалось лишь одно, идти пешком по дороге к ранчо. Если Дженис будет там, то сможет сама все объяснить.

ТОМАС ХЭДЛИ вынул из рта трубку из корня шиповника и поднял взгляд, услышав рев двигателя изношенного «универсала». Он удобно устроился дома, в большой гостиной, погрузившись в недра тяжелого, обтянутого кожей кресла перед погасшим камином, поставив ноги на косматую медвежью шкуру на полу возле кресла. Динамики наполняли гостиную сокрушительными аккордами из оперы Вагнера, действие третье, сцена первая, «Умирающая Валькирия».

Но сквозь ревущую музыку все равно можно было услышать нахрывающийся двигатель «универсала», вносивший разлад в гармонику оперы. Затем Хэдли услышал визг тормозов и хлопок дверцы машины. Едва он успел подняться с кресла, как в комнату ворвалась его дочь.

– Папа! Папа! Папа! О, Боже мой! Папа!

Красное пляжное полотенце слетело с нее. Когда девушка ринулась в отцовские объятия.

– Дженис! Дженис, что случилось?

Старик крепко обнял ее, и она истерично разрыдалась.

– Монстр! – завопила она. – Огромная... уродливая... противная тварь! – С трудом выдавила она сквозь рыдания. – Ужасный монстр! Он... он... он сорвал с меня одежду... схватил меня... волосатый... Оoooo!..

И с последним вскриком она потеряла сознание на руках отца.

Нежно держа, Томас Хэдли перенес дочь в ее комнату и положил на кровать. Затем тщательно накрыл ее одеялом и направился в гостиную к телефону, с лицом, мрачным и мертвенно-бледным от гнева. Назвал номер и стал нетерпеливо ждать, пока оператор соединит его с вызываемым абонентом.

– Квартира доктора Кэндора, – наконец, послышался в трубке чей-то голос.

– Миссис Кэндор, это Том Хэдли. Мне нужно поговорить с Бобом.

– Секундочку, мистер Хэдли.

Пауза на другом конце линии, затем:

— Том? Этот Боб. Что случилось?

Том Хэдли секунду помолчал. Как рассказать ему это? Но делать было нечего, нужно что-то сказать. И том глубоко вздохнул.

— Боб, На Дженис кто-то напал, по крайней мере, я так думаю. Она в истерике. Ты можешь приехать ко мне?

СНОВА КОРОТКАЯ тишина на другом конце линии, прежде чем доктор ответил.

— Это ужасно, Том. Конечно, я сделаю все, что могу. Я немедленно приеду. Но ты уверен, что ей нужен психиатр? Я имею в виду, если ей нанесли физический вред...

— Я так не думаю. Но она несет какой-то бред.

— Кто это сделал? Вы вызвали полицию? — спросил доктор.

— Еще нет, — сказал Хэдли. — Я не знаю, кто это сделал, но намерен узнать. Приезжай, как можно быстрее, а я пока что позову шерифу Малькому.

— Через десять минут буду, Том.

— Спасибо, — сказал Хэдли, повесил трубку и тут же набрал другой номер.

— Шериф Мальком слушает, — послышался голос со слабым британским акцентом.

— Говорит Томас Хэдли, живущий на Океанвью Роуд. Приезжайте, пожалуйста, как можно быстрее. Моя дочь подверглась нападению. — Он сделал паузу. — Надеюсь, шериф, что газетчики ничего не прознают.

— По крайней мере, не от меня, — веско сказал Мальком. — Буду у вас как можно быстрее.

— Хорошо.

Хэдли оборвал связь и аккуратно набил и раскурил трубку, стараясь, чтобы руки его не дрожали. Голос его был хриплым, когда он проговорил себе под нос:

— Ну, если это сделал Дэн Торн...

Он оборвал себя, но в его голове продолжали крутиться ужасные мысли и предположения.

ДЭН ТОРН сидел на камне и растирал свои босые ноги. Они давно уже начали болеть. Днем он ходил по пляжу, затем взбирался на утес, затем шел осматривать золотистую ракету, а потом искал машину. В общем, прошел он уже больше шести километров, и подошвы босых ног постепенно начинали болеть все сильнее. Он осмотрел нежную кожу. Ступни и подушечки пальцев были уже весьма сильно стерты камнями и грубым коралловым песком. И вообще, Дэн устал, так как прошел уже немало.

Миновало почти полтора часа с тех пор, как он ушел с пляжа. Он знал, что сейчас находится примерно в полуторах километров от ранчо, но солнце уже опустилось за горизонт, и в серых сумерках мало что можно было разглядеть. Хотя вдалеке он видел смутный бледно-желтый свет, вроде бы из окон.

Почему же Дженис не отправила за ним машину? Что вообще произошло?

Он все еще смотрел на желтый свет, когда внезапно появились еще огни. Они походили на автомобильные фары. Дэн не слышал шум двигателя, но фары начали перемещаться. И ехала машина явно ему навстречу. Дэн устало поднялся. Грубый песок тер подошвы, когда он побрел к далеким еще фарам.

Машине понадобилось почти пять минут, чтобы проехать около километра каменистой, песчаной дороги. Когда она была уже близко, Дэн с удивлением увидел, что это не «универсал». На боку седана блеснула пятиконечная звезда офиса местного шерифа.

Стоя в свете фар, Дэн Торн замахал руками. Машина снизила скорость, и яркая дополнительная фара вспыхнула в ночи прямо в лицо Дэну.

Он невольно прищурился и крикнул:

– Ради Бога, не светите мне в лицо! Я Дэниэл Торн.
– Да, – раздался голос из машины. – Мы вас искали, мистер Торн. Вы обяжете нас, если подойдете.

Дэн узнал этот голос. Это был гладкий, шелковистый, с британским акцентом, голос шерифа Джеймса Малькома.

– Вы искали меня? – нерешительно спросил он.
– Да, – сказал Мальком. – Пожалуйста, подойдите ко мне. Садитесь в машину, не задерживайте нас.

ОЗАДАЧЕННЫЙ Дэн сел в седан на место возле шерифа. Шериф молча переключил сцепление, и машина тронулась с места. Долгую секунду Дэн глядел на него. Шериф, маленький, безупречной внезапности человек, не отрывал глаза от дороги.

– Скажите, шериф, что происходит? – спросил через некоторое время Дэн.

– Мы едем на ранчо Хэдли, – четко ответил Мальком. – Там я хочу задать вам кое-какие вопросы, если вас не затруднит на них ответить.

– На ранчо Хэдли? Вопросы? Ну, я рад, что вы решили подвезти меня. Днем я купался в море с Джен Хэдли, но внезапно она уехала и бросила меня здесь. И я все еще не могу понять... – Внезапно голос Дэна упал. – Эй, а что еще за вопросы?

Но Мальком не стал отвечать.

— Вы говорите, что купались днем с миссис Хэдли? — вместо этого медленно проговорил он.

— Да, какое-то время, — сказал Дэн. — Пока она не исчезла. Это была довольно паршивая шуточка, можете мне поверить.

Надеюсь, что это была всего лишь шуточка, подумал при этом он. *Просто шуточка*.

Том не собирался рассказывать шерифу о порванном купальнике Дженис или о чудовищных следах на песке. Первое могло бы указывать на какое-то нападение, но второго Дэн вообще никак не мог объяснить, и не хотел, чтобы шериф Мальком принял его за сумасшедшего. Трюк? Безумная голливудская шуточка? *Надеюсь, что так*, мрачно подумал Дэн.

— Вот как, она исчезла? — буркнул шериф Мальком, пока автомобиль ехал вниз по весьма крутому серпантину, ведущему к ранчу Хэдли. — Это чертовски интересно, должен заметить. Она что, просто растворилась в синем небе, что ли?

Дэн резко повернулся к Малькому.

— Может, вы перестанете играть в свои игры и просто скажете мне, где сейчас Дженис?

— Ладно, — сказал Мальком, припарковывая автомобиль. — Пойдемте в дом и попробуем все выяснить. Дженис Хэдли вернулась раньше вас, без одежды и в состоянии серьезного шока!

В КРАСИВОЙ гостиной Томаса Хэдли находилась группа мужчин с мрачными лицами. Проследовав внутрь за шерифом Малькомом, Дэн увидел три знакомых лица, сидящих на мягких стульях — самого Томаса Хэдли, — отца Джен, Роберта Кэндора, хорошо известного в Голливуде психиатра, и сержанта Уилера, одного из помощников Малькома.

При виде вошедших, лица их напряглись. Дэн заметил, что все холодно уставились на него.

— Вот он, — небрежно сказал шериф Мальком.

— Сядьте Торн, — неожиданно резко и словно с трудом сказал Томас Хэдли.

Дэн пересел комнату к стулу, на который указал Хэдли, и сел на его плюшевую обивку, чувствуя крайнее изумление. Затем он с надеждой взглянул на Хэдли.

— Вы не против рассказать мне, — медленно проговорил он, — почему меня привели сюда? И где Дженис?

— Дженис в своей комнате, — холодно ответил Хэдли. — Возможно, вы и сами знаете, как так случилось, что она потеряла свой купальник... и почему примчалась сюда, истерично крича, что на нее напали!

Дэн тут же вскочил со стула.

— Если вы думаете, что я...

— Я ничего не утверждаю, Торн. Но вы были единственный с ней днем перед нападением. — Хэдли встревожено повернулся к психиатру. — А каково ваше мнение, Боб?

Бесстрастный, безупречно одетый человек с пронизывающими глазами, лет где-то после сорока, задумчиво потер подбородок.

— Ну, Том, я провел полный медицинский осмотр и попытался поговорить с девушкой, насколько позволяло ее состояние.

— И?

— Физически ей не нанесли вред, — сказал Кэндор.

— Вы уверены? — спросил Хэдли.

— Уверен, — ответил психиатр.

Хэдли облегченно вздохнул.

— Слава Богу, хотя бы за это, — сказал он.

— Однако, — продолжал Кэндор, — у нее была жуткая паника. Не знаю, что с ней произошло на берегу. Все, что я мог вытащить из нее, вы мне и сами уже рассказали — купальник с нее был сорван, и произошло что-то слишком ужасное, что невозможно описать. Поэтому ее организм прибег к временной защитной амнезии — иными словами, у нее блокирована память. Причины для этого должны быть действительно ужасными, чем бы они ни являлись. Возможно, через несколько дней она сможет обо всем рассказать. — И он выразительно посмотрел на Торна.

— Гм-м... — протянул шериф Мальком. — Значит, слишком ужасно, чтобы описать? — Он покосился на сержанта Фостера. — Каково ваше мнение, сержант?

Помощник шерифа резко подался вперед.

— Мне все достаточно ясно, — проворчал он. — Этот парнишка-актер был наедине с девушкой, не так ли? Не трудно предположить, что он попытался сделать.

— Да вы с ума сошли! — ожесточенно рявкнул Дэн. — Не стал бы я делать ничего подобного! — Он повернулся к Томасу Хэдли. — Мистер Хэдли, вы же давно уже знаете меня. Вы знаете, что я не сделал бы ничего Дженис! Как вы можете позволять этому бычаре в форме стоять здесь и обвинять меня в...

— Достаточно, — оборвал его Хэдли, которого уже распирал ледяной гнев. — Это не то, что я ожидал от вас, Дэн.

— Но кто-то же напал на нее, — вмешался психиатр. — Она продолжает твердить об ужасном волосатом монстре с... э-э... семью хвостами или чем-то в этом роде. Понятно с первого взгляда, что девушка не в себе от страха.

— Монстр с семью хвостами? — переспросил Дэн.

— Она сказала мне эту невероятную дичь, — киснул доктор Кэндор. — Потом опять разрыдалась. Насколько я понимаю, — это об-

разное представление чувственных диких сил, выпущенных напавшим на нее, во время...

— Ладно, — оборвал его шериф Мальком. — Я готов принять вашу гипотезу... что бы она ни означала, — добавил он тише. — Но все мы слишком много говорим, а единственный человек, кому есть что сказать, молчит. Мистер Торн, давайте, расскажите нам своими словами о том, что именно произошло днем на пляже?

ДЭН ОПИСАЛ, как проходил их пикник до того момента, когда он оставил Дженис лежащей на махровом полотенце а сам пошел к машине за термосом с чаем. Затем он замолчал.

— Почему вы не продолжаете? — очень тихо спросил шериф.

— Потому что, если я продолжу, доктор Кэндор сделает из меня очередного кандидата в его желтый дом. Поэтому я лучше промолчу. В любом случае, я влип в переделку. Если я расскажу вам, что было дальше, вы решите, что я сумасшедший, и запрете меня... Я если не стану рассказывать, то превращусь в главного подозреваемого в деле о нападении.

— Что-то я ничего не понимаю, — сказал Томас Хэдли.

— Послушайте, — терпеливо сказал ему Дэн. — Я все расскажу, если хотите, только не перебивайте меня.

— Ладно, — сказал Хэдли.

— Ну так вот, после того, как я оставил Джен, я пошел к машине. Но меня отвлек золотистый космический корабль, стоящий примерно на километр дальше машины. Я решил сбегать посмотреть на него, и...

— Стоящий что? — очень вежливо, но недоверчиво перебил его Мальком.

— Какой-то космический корабль, — ответил Дэн, решив быть до конца честным, и будь что будет. — Просто оболочка, корпус с каким-то механизмом в виде диска снизу и пустой внутренней частью выше. Высотой он был метров десять и походил на стоящий вертикально шатун.

— А скажи-ка мне, — перебил его сержант Уилер, — В каком последнем фильме вы снимались, Торн?

— Скалpelь хирурга, — ответил Дэн, вспомнив медицинский документальный фильм, который сняла какая-то независимая студия.

— Угу, — саркастически хмыкнул Уилер. — А вы уверены, что это была не космическая опера?

— Послушайте, — сказал Дэн, — я пытаюсь рассказать вам, что видел собственными глазами. Если вы хотите и дальше все время прерывать меня, то лучше я сразу замолчу.

Уилер сердито фыркнул.

— Какое самодовольство, — прорычал он.

— Ладно, мистер Торн, — сказал шериф. — Расскажите, что было после золотистого космического корабля?

— Я осмотрел его и вернулся к машине. Вот только машины уже не было. И по следам я понял, что уехала машина в большой спешке.

— А, так вы детектив? — сказал Уилер.

— Дайте ему договорить, — оборвал помощника шериф Мальком.

— Тогда я пошел на край утеса, глянул вниз и увидел, что Джен исчезла. Я спустился на пляж и нашел ее разрезанный купальник.

Он замолчал, не желая упоминать о гигантских следах. Теперь Дэн совершенно запутался, и знал только то, что с Дженис действительно произошло что-то ужасное.

Доктор Кэндор откашлялся.

— Вы говорите, купальник был разрезан во всю длину спереди?

Дэн кивнул.

— Странно... Потому что единственный признак физического насилия, причиненного мисс Хэдли, была крошечная царапинка у основания ее горла, проделанная словно ужасно острым ножом. Словно кто-то приставил нож к ее горлу и легонько повел его вниз.

— Вы ведь не обыскали пляж, верно? — спросил шериф Мальком Уилера.

— Еще нет, шеф.

— Нужно найти этот купальник.

— А заодно и космический корабль? — весело спросил Уилер. — Вы ведь хотите, чтобы я и его притащил в качестве доказательства?

— Хорошая идея, — серьезно сказал ему Хэдли. — Это могло бы стать ценным доказательством.

— По крайней мере, нужно связаться с Военно-воздушными силами, — сказал Дэн. — Наверное, там разбилась какая-то их сверхсекретная модель...

ОН ЗАМОЛЧАЛ, заметив, что все четверо хихикают себе под нос, а Уилер уже готов зарядить в открытую.

— Вы что, не верите ничему из того, что я рассказал? — горячо воскликнул Дэн.

— Никто этого не говорил, — усмехнулся шериф Мальком.

— Тогда скажу я, — закричал Дэн. — Вы считаете меня психом. Особенно вы! — добавил он, указывая на психиатра.

Наступила долгая тишина, которую прервал шериф.

— Да, знаете ли, есть некоторые сомнения в правдивости ваших слов.

— И это означает, что вы думаете, будто я изнасиловал Джен... мисс Хэдли, и придумал дичайшую историю, считая, что самое безумное алиби является для меня лучшим выходом, верно? — Торн прошелся по гостиной и обернулся к остальным. — Ну, тогда вот вам

еще факт из той же оперы, – рявкнул он. – На пляже, возле того места, где я оставил Джен, я нашел какие-то следы.

– Следы? – эхом отозвался Мальком.

– Да, следы. *Следы длиной в шестьдесят сантиметров!* Пойдите на пляж и поиграйте там в Шерлока Холмса!

Доктор Кэндор откашлялся.

– Я думаю, что мы сделали все, что могли, – сказал он. – Мистер Торн явно...

– ...псих ненормальный, – закончил за него Дэн.

– Я хотел бы, чтобы это было не так, – сказал Кэндор. – Но вы же не можете всерьез ожидать, что мы проглотим историю о золотистом космическом корабле и шестидесятисантиметровых следах, не так ли?

– Да я и не прошу вас ничего проглатывать, – сказал Дэн. – Почему бы, черт побери, вам не проехаться на пляж и лично во всем убедиться? Кто знает, может, прилив уже стер следы, но вот золотистый корпус ракеты наверняка все еще стоит там!

– И купальник, – добавил шериф. – Это важное доказательство. Уилер, возьмите мою машину и поезжайте на пляж. Осмотрите там все, отыщите, что можно. Особенно все, что касается золотистого корабля. Эту улику мы не можем проигнорировать.

Помощник шерифа усмехнулся.

– Я предпочел бы, чтобы вы поехали со мной, сэр. Даже если я что-то найду, то можете решить, что я *тоже спятил!*

– Ладно, – сказал Мальком. – Мы поедем вместе.

– А я снова пойду к мисс Хэдли, – сказал доктор Кэндор. – Может, я сумею вывести ее из состояния шока.

– А как насчет меня? – спросил Дэн. – Вы ведь не собираетесь оставить такого преступного монстра-садиста, как я, свободно разгуливать по всему дому?

– Это вряд ли, – сказал Мальком. – Останьтесь здесь и следите за Торном. Я сам съезжу на пляж... и, *черт побери*, честное слово, Торн, вам было бы лучше, если бы я нашел там хоть что-то особенное.

Дэн сел в кресло и скрестил ноги.

Не торопитесь, шериф. Уж космический корабль точно никуда не улетит. Но я посоветовал бы вам на всякий случай держать пистолет со снятым предохранителем.

КОМУ: ЛЛОГЕЛЮ РЕММУ С ДЭННИЗЕТА VI.

ОТ КОГО: МЕЛЬВАРА ДОССА,

И. О. К. Г. ВИБАН III.

**ДЕТЕКТОРЫ ОПРЕДЕЛИЛИ МЕСТОПОЛОЖЕНИЕ КОРАБЛЯ
1-69. УСТРОЙСТВА УДАЛЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ ПОДНИМУТ**

ЕГО И ПРИВЕДУТ НА ДЭННИЗЕТ VI. КРРОБЕК НЕПРЕМЕННО ПРИБУДЕТ, КАК И ЗАПЛАНИРОВАНО, ПЛЮС, ПРАВДА, ВРЕМЯ ЗАДЕРЖКИ В ПУТИ. НО, КАК Я И СОВЕТОВАЛ ВАМ, НЕ ПАНИКУЙТЕ. И. О. К. Г. ВСЕГДА ВЫПОЛНЯЕТ СВОИ ОБЯЗАТЕЛЬСТВА. СПАСИБО ЗА ВАШЕ ТЕРПЕНИЕ.

МЕЛЬВАР

ДЭН ТОРН сидел в камере окружной тюрьмы, сердито глядя на толстые стержни решетки, образовывавшей переднюю стену камеры. А за решеткой, с наглой улыбочкой на лице, стоял сержант Уилер.

— Почему бы вам не признаться, Торн? Что вы сделали с девочкой? Что произошло вчера на пляже?

Дэн глубоко вздохнул и встал. Он подошел к решетке камеры и прямо глянул на помощника шерифа. Глаза его опасно сверкнули.

— Что, черт побери, вы имеете против меня, Фостер? Я ничего не делал с мисс Хэдли. Вы просто хотите втянуть меня в спор, подловить — и все это без малейшего на то основания. Я не должен терпеть этого, Уилер, и предупреждаю вас, что если услышу еще одну изрыгнутую вами глупость, то заткну вам пасть кулаком, что лишь пойдет на пользу вашей кривой физии. Так что лучше заткнитесь.

Он повернулся и пошел обратно на свою койку.

Помощник шерифа выглядел одновременно испуганным и сердитым. Наконец, гнев взял в нем верх.

— Вы считаете себя умником, Торн? Вы думаете, что ваш адвокатишко вытащит вас из любой передряги? Так вот, можете выбросить это из башки. Мне не нравится ваше отношение ко мне и...

— Мне тоже не нравится ваше отношение, офицер! — раздался чей-то голос в глубине коридора. — Я буду благодарен, если вы оставите моего клиента в покое.

Уилер повернулся голову, а Дэн Торн снова встал. По коридору к камере шел Джерри Клейншмидт, наверное, самый знаменитый адвокат во всей Калифорнии. А за ним шел шериф Мальком.

Джерри Клейншмидт был невысоким, кряжистым, лысеющим человеком, неряшливо одетым, но, тем не менее, он производил впечатление абсолютной силы и самообладания.

— Я получил предписание Хабеас корпус* от судьи О'Шоннеси, — продолжал он. — Выпускайте мистера Торна.

* Хабеас корпус (habeas corpus, лат., — «представь арестованного лично в суд») — название закона о свободе личности, принятого англ. парламентом в 1679 г. (по первым словам текста). Согласно Х.к., никто без решения суда не может подвергнуть кого-либо задержанию или аресту.

Уилер открыл было рот, но тут же закрыл его и с негодованием уставился на Клейншмидта, а затем загремел ключами камеры. Он отпер дверь и с явным нежеланием выпустил Дэна.

— Рад видеть вас, — сказал Дэн. — У вас какие-то воспаленные глаза, Джерри.

— Не думайте сейчас об этом, Дэн, — сказал коротышка-адвокат. — Давайте выберемся из этой выгребной ямы и пойдем куда-нибудь, где можно поговорить.

Они вышли из тюремного блока и прошли во внешний офис. Шерифа нигде не было видно, но у двери за стойкой сидела весьма неопрятная блондинка. При виде Дэна она вскочила и смущенно заулыбалась.

— Вы ведь мистер Торн! О, конечно, это вы! О, мистер Торн, я так восхищаюсь вашими фильмами, я не пропускаю ни одного из них...

— Спасибо, — несколько озадаченно пробормотал Дэн. — Я...

— О, вы ведь дадите мне автограф, ну, пожалуйста, мистер Торн!..

— Не дожидаясь ответа, она выхватила из сумочки альбом для автографов и авторучку, и сунула их Дэну в руки. — Пожалуйста, мистер Торн, я буду просто счастлива...

— Патти! — раздался за спиной Дэна голос сержанта Уилера, больше похожий на рев раненого быка.

Блондинка испуганно отпрянула и чуть ли не спряталась за стойку.

Поняв, что происходит, Дэн спокойно открыл альбом для автографов и написал: «С наилучшими пожеланиями, Дэниэл Торн», расписался с большим, чем обычно, размахом, затем вручил альбом блондинке, повернулся и улыбнулся заместителю шерифа волчьею улыбкой, а затем шагнул к двери. Джерри Клейншмидт последовал за ним.

— Вы точно знаете, что делаете? — спросил адвокат, когда они вышли из здания полиции.

— Конечно. Это была жена Уилера. Теперь понимаю, почему я так не нравлюсь ему — потому что слишком нравлюсь его милой женушке.

— Я не это имел в виду, — проворчал Клейншмидт. — Я хочу знать, что вы намерены делать дальше? Что вообще произошло? Только говорите мне правду.

— Вы знаете это лучше меня, Джерри. Давайте пойдем, выпьем пиво, и я вам все расскажу.

Они прошли тихой улицей маленького, солнного городка южной Калифорнии и вошли в бар с вывеской «Санта-Барбара».

Взяв несколько бутылок холодного пива, они сели и стали потягивать его, пока Дэн рассказывал свою историю. Когда он закончил, Клайншмидт пристально поглядел на него.

– И что сказал шериф, когда вернулся?

Дэн покал плечами.

– Сказал, что там не было никакого корабля. Только и всего. Но я же знаю, что видел его, Джерри. Я знаю, что видел его.

– Конечно, конечно, – кивнул Джерри. – Я не сомневаюсь, что вы видели. Я вам верю. Но неужели вы думаете, что в это поверят присяжные?

– ПРИСЯЖНЫЕ? – поднял брови Дэн. – Причем здесь присяжные? Что может навесить на меня полиция?

Адвокат почесал нос кончиком пальца.

– Ничего, и в этом проблема. Надеюсь, вы понимаете, что ваша репутация висит на волоске? Есть девушка, которая чем-то напугана до потери разума. Она описывает это что-то, как волосатого монстра высотой четыре с лишним метра, монстра с семью хвостами. Она явно не понимает, что несет. А между тем, вы были последним, кто видел ее, и ваша история столь же путанная и неправдоподобная, если не сказать, что вовсе ненормальная. Если все это дойдет до общественности, то у любителей скандалов будет настоящий праздник. Я уже так и вижу заголовки газет: «У старлетки случился нервный срыв после того, как она поплавала в море с кинозвездой!», «Полиция занимается таинственным нападением на старлетку, в которое вовлечены сам Торн!» – Джерри Клайншмидт покачал головой. – Мы должны беречь себя, и не только ради нас самих, но и ради ее.

– Я прекрасно все понимаю, – кивнул Дэн, – но, между прочим, мы должны что-то сделать для Дженис. Я знаю, что она не стала бы винить меня, если бы была в себе, и я хочу узнать, что именно привело ее в такой ужас.

Адвокат погладил себя по лысине, соглашаясь.

– Конечно, Дэн, конечно. Но не суйте туда свой нос. Пусть полиция сама разберется, что там произошло.

– Я только собираюсь пойти домой к Дженис и повидаться с ней, – сказал Дэн. – Возможно, поговорив друг с другом, мы сумеем понять, что там случилось на самом деле, черт побери!

– Вы что, не знаете? – пораженно воскликнул Джерри. – Я думал, вы знали. Дженис нет дома. Доктор Кэндор накачал ее сильным успокоительным, а затем отвез в частный санаторий Сивью.

– Сивью? Они сунули Дженис в эту психушку? – заорал Дэн, и глаза его стали метать молнии.

— Успокойтесь, мальчик мой, — сказал Джерри. — Она просто побудет там несколько дней для отдыха. Она придет в себя и будет в порядке. А вы пока остыните, и пусть все идет своим чередом. Я же позабочусь об юридической стороне этого дела. Ладно?

— Ладно, — проворчал Дэн, но сердце его было не на месте.

Маленький адвокат встал и положил руки на плечи Дэна.

— Я собираюсь вернуться в Лос-Анджелес, чтобы все уладить. Вам же не советовал бы сейчас уезжать, это может выглядеть подозрительным, если они расценят ваш отъезд, как поспешное бегство.

— Ладно. Буду держать здесь оборону.

Дэн посмотрел вслед Клейншмидту, затем пошел к телефону-автомату и набрал номер доктора Кэндора. Голос психиатра прозвучал совершенно не дружественно.

— Нет, мистер Торн, боюсь, что я не могу дать вам разрешения навестить мисс Хэдли. Это не обсуждается. Она перенесла тяжелое потрясение, и любые посетители могут лишь увеличить травмирующее воздействие...

Торн повесил трубку, недослушав фразу доктора.

Затем сделал еще один звонок, на сей раз Тому Хэдли. Хэдли не был недружелюбен, он был явно растерян.

— Нет, Дэн, раз Боб Кэндор сказал вам, что вы не должны видеться с ней, то я не пойду вразрез его рекомендациям.

— Том, но вы же не думаете, что я имею какое-то отношение к тому, что случилось с Дженис, что бы там ни случилось на самом деле?

— Не знаю. Честно, не знаю. Я никогда бы не подумал на вас, но с такой безумной историей даже и не знаю, что теперь думать. И в конце концов, Дженис — моя дочь. Как только она придет в себя, то сможет рассказать нам, что случилось в действительности.

— Ладно, Том. Я вас понимаю.

Дэн пробормотал еще несколько слов, но даже не помнил, что именно сказал. Затем повесил трубку и вернулся обратно в бар. Если бы только он мог увидеться с Дженис. Если бы только...

Внезапно Дэн усмехнулся. Что толку быть хорошим актером, если не можешь применить свои навыки на практике? Все еще улыбаясь, он прикончил свое пиво и вернулся в гостиничный номер.

Двадцать минут спустя высокий, несколько надменный джентльмен вышел из отеля. Он немного походил на киноактера Дэниэла Торна, но сходство это было лишь поверхностным, потому что джентльмену явно уже было за пятьдесят.

Волосы его серебрились сединой, выражение лица было чуть скучающим, а глаза близоруко всматривались за тяжелыми линзами очков. Одет он был в консервативный серый фланелевый костюм,

и весил килограммов на двадцать больше, чем полагалось бы, из-за отчетливо выдающегося живота.

В руке он нес портфель, и с важным видом махнул им, останавливая такси.

— Санаторий Сивью, — сказал он водителю.

ДЕЖУРНАЯ МЕДСЕСТРА за столиком взглянула на важного джентльмена, стоявшего перед ней.

— Да, сэр? — почтительно спросила она.

— Я доктор Энрот, — ответил джентльмен. — Доктор Кэндор у себя? Он сказал мне, что будет здесь.

— Доктор Кэндор? Нет, сэр, сейчас он уехал на вызов.

Торн кивнул. Он тщательно проверил это перед приездом сюда.

— Ничего, — сказал он. — Я приехал немного пораньше. Я подожду его.

Он прошел и сел на стул возле стола, откуда мог наблюдать за девушкой. Если не понадобится слишком долго ждать, он использует План № 1. В противном же случае, у него был готов План № 2. По первому плану он должен добраться до Дженис без предъявления документов. По второму, придется связать девушку за столиком, для чего у него была наготове крепкая красная лента.

В приемную вошла какая-то женщина.

— Я хочу повидать своего мужа, мистера Фричи, — сказала она. — Доктор сказал, что я могу прийти к нему днем.

— Да, миссис Фричи, — улыбнулась медсестра. — Вы записаны в списке посетителей. Секундочку, я позвоню в отделение. — Она щелкнула переключателем на распределительном щитке. — Миссис Фричи пришла к мужу. Хорошо. — Она посмотрела на женщину. — Пройдите прямо, служащий впустит вас.

Женщина поблагодарила ее и ушла.

Дэни мысленно улыбнулся. Настал его черед. Он поднялся и подошел к столу.

— Между прочим, как чувствует себя сегодня эта девушка, Хэдли? Медсестра улыбнулась ему.

— Сегодня она спокойна, доктор, но все еще сохраняются субъективные галлюцинации. Вы на консультацию с доктором Кэндором?

— Да, — кивнул Дэни. — Фактически, меня вызвал отец девушки, я его старый приятель. Надеюсь, у Дженис хорошее обращение?

— Мы прилагаем все усилия, — сказала медсестра. — Конечно, мы несколько переполнены, но палаты в восьмом отделении очень удобны.

— Несомненно, — сказал Дэни и потер лоб кончиками пальцев. — Э-э... сестра, не могли бы вы принести мне пару таблеток аспи-

рина? Я не привык к вашему ужасному солнцу, и у меня от него разболелась голова.

— Да, конечно, доктор. Минутку.

Она встала и вышла из приемной.

Дэни быстро протянул руку и щелкнул рычажком напротив надписи «Отделение № 8».

— Говорят доктор Кэндор, — сказал он, в совершенстве имитируя голос психиатра. — Я посылаю доктора Энрота осмотреть мисс Хэдли.

— Хорошо, сэр, — прозвучал ответ в динамике.

Дэни тут же прервал связь, и едва успел убрать руку, как вернулась медсестра со стаканом воды и двумя таблетками аспирина.

— Вот, пожалуйста, доктор. Надеюсь, они вам помогут.

Дэн поблагодарил ее, взял таблетки, проглотил, запил водой и вернул стакан.

— Вы не возражаете, если я пройдусь по территории, пока жду доктора? — спросил он. — Я думаю, прохладный ветерок с моря поможет мне. — И он слегка улыбнулся.

— Пожалуйста, доктор. Идите прямо вперед.

Дэн прошел через дверь и направился по дорожке к восьмому отделению. У двери он назвал себя доктором Энротом. Служитель кивнул и отпер дверь.

— Доктор Кэндор сказал, что вы хотите осмотреть девушку Хэдли.

— Совершенно верно.

— Тогда вам сюда, доктор.

Он повел Дэна по длинному коридору. Они миновали несколько дверей, которые служитель отпирал и тут же запирал за собой, прежде чем остановились перед дверью палаты Дженис. Служитель отпер дверь.

— К вам посетитель, мисс Хэдли, — сказал он и взглянул на Дэна.

— Я подожду снаружи, доктор, можете махнуть мне рукой, я увижу через окошечко.

И он показал на окошечко из толстого стекла в двери. Затем вышел из палаты и запер за собой дверь.

Дженис сидела на краю кровати. Выглядела она не просто большой, а чертовски безумной.

— Наверное, вы тоже станете уверять меня, что я сошла с ума! — рявкнула она, пока Дэн шел к ней

Он усмехнулся.

— Черт! Нет, милая, я здесь для того, чтобы узнать, что с тобой произошло?

Дженис на мгновение застыла, пораженная, затем на ее лице появилась улыбка.

— Дэн! Я даже не узнала тебя!

Она соскочила с кровати и бросилась к нему в объятия. Дэн быстро поцеловал ее, затем тут же отстранился.

— Веди себя осторожней, — тихонько сказал он. — Служителю может прийти в голову заглянуть через стеклянное окошечко.

Дженис села на кровать и уставилась на него.

— Как ты сумел проникнуть сюда?

— Сейчас это неважно, — сказал Дэн. — Мне нужно узнать, что произошло вчера днем? Похоже, все думают, что это я напал на тебя.

— Чушь какая! Однако, я понимаю, как ты себя чувствуешь. Доктор Кэндор считает, что я спятила, так что мы с тобой в одной лодке.

— Но что же случилось там, милая?

Дженис спокойно и четко рассказала ему, что произошло. Она столько раз повторяла свою историю, что больше уже не боялась думать о ней. Закончив, она посмотрела ему прямо в глаза.

— Ты тоже думаешь, что я сумасшедшая?

Дэн покачал головой.

— Нет. Я видел следы этой твари, а также космический корабль.

— Какой корабль?

Дэн рассказал ей о большой золотистой ракете, которую, ходил осматривать.

— И это означает одно из двух, — сказал он. — Либо все это какой-то тщательно спланированный розыгрыш, либо твой монстр действительно прибыл с другой планеты. — Он нахмурился. — Проблема в том, что я никогда не думал, будто подобное может произойти где-то за пределами киностудии.

— Да какой там может быть розыгрыш? — сказала Дженис и содрогнулась. — Эта тварь была такой же живой и реальной, как ты сам, и ничего в ней не было фальшивого.

— Я верю тебе, — сказал Дэн. — И это значит, что нам самим придется доказать, что чудовище существует на самом деле. Единственная проблема тут в том, что оно могло уже улететь. Когда шериф Мальком вернулся, то сказал, что не нашел никакого космического корабля. А если та тварь вернулась туда, откуда прилетела, то мы никого не сможем заставить поверить нам.

— Ты можешь как-нибудь вытащить меня отсюда? — спросила Дженис.

— Нет, пока на тебе эта штука, — криво усмехнулся Дэн.

Под «этой штукой» он имел в виду длинную ночную рубашку больничного типа.

— Они отобрали у меня всю одежду, — сказала Дженис.

Дэн встал.

— Я поеду к твоему отцу. Он заставит Кэндора все понять. Мы заберем тебя отсюда, как только...

Его прервала распахнувшаяся дверь. В палату вошел служитель, а за ним, в коридоре, маячил еще один. На лицах обоих жирным пером было написано подозрение.

— Вы доктор Энрот? — спросил первый служитель.

— Да, — с достоинством ответил Дэн, с тревогой глядя то на одного, то на другого.

— Приехал доктор Кэндор, — сказал первый служитель. — Он внизу и сказал, что хочет увидеть вас.

— Прекрасно, — сказал Дэн. — Я рад, что приехал Боб. Мы не видели друг друга с тех пор, как...

— Да бросьте, — проворчал второй служитель. — Доктор сказал, что в жизни не слыхал ни о каком психиатре по имени Энрот.

— Невероятно! Мы же с ним...

— Послушайте, приятель, хватит тут гнать пургу. Давайте пройдем в соседнюю комнату, подождем доктора, а затем узнаем, кто вы.

— Отлично, — с преувеличенным достоинством сказал Дэн. — Но это самая абсурдная и нелепая болтовня, и я прослежу, чтобы Боб Кэндор узнал, что вы собираетесь сделать...

Дальний оператор достал связку ключей и отпер комнату рядом с палатой Дженис. Торн увидел, что это была пустая комната с одним стулом — идеальная камера для буйных пациентов или... преступников.

— Сюда, приятель.

«Энрот» сделал пару шагов из палаты в направлении, указанном служителем, сердито при этом ворча, затем, уже у двери, резко повернулся, схватил прикроватную тумбочку Дженис и вдарил ею в живот ближнего служителя с силой и ревностью, удивительной для джентльмена его лет.

Оператор скорчился и отлетел назад, но его место тут же занял второй. Дэн повернулся к нему, краем глаза при этом увидев голые ноги Дженис, мелькнувшие, когда девушка соскочила с кровати.

— Джен! — позвал он, отбиваясь от служителя. — Закрой дверь! Чтобы сюда больше никто не ворвался!

Девушка поспешно закрыла дверь, Дэн с удовлетворением посмотрел на ее фигурку, когда она бежала по палате, затем все внимание уделил защите.

Служитель с ключами все еще не пришел в себя после удара тумбочкой в живот, и стоял, скрючившись и держась за спинку кровати Дженис. Второй служитель, невысокий, приземистый, но широкоплечий, угрожающе надвигался на Дэна, сжав кулаки и сверкая глазами.

— Эй, Эд! — окликнул он. — Давай-ка, приходи в себя и помоги мне взять старикашку.

Он сделал еще шаг вперед и оказался лицом к лицу с Дэном.

Дэн почувствовал, как кулак служителя пробил его блок и ударил в грудь. Дженис негромко вскрикнула. Дэн пошатнулся, но устоял и тут же наградил служителя сильным хуком справа и прямым левым в живот, который пробил броню мышц служителя и послал его, задыхающегося, на пол.

С ним на время было покончено, но второй служитель уже пришел в себя и ринулся на Дэна, горя жаждой мести. Правда, он тут же остановился и начал кружить, холодно глядя на Дэна, в то время как его коллега приходил в себя на полу.

Затем служитель нанес быстрый удар, заставив Дэна отшатнуться, и тут же ударили боковым ему в скулу. Второй служитель в это время уж поднимался с пола. Вдвоем они надвигались на Дэна с разных сторон, осыпая его ударами. Дэн отчаянно сопротивлялся. Мельком увидев, как Дженис позади них пытается внести свою лепту в драку.

Служителям удалось схватить Дэна, он согнулся под их напором, но тут же, напрягая тренированные мышцы, резко выпрямился. Оба противника были захвачены врасплох и потеряли равновесие. Пока они пытались удержаться на ногах, Дэн схватил крупного служителя за руку и, используя его чуть ли не в качестве бейсбольной биты, развернул и швырнул прямо на низенького.

Низенький вскрикнул и был отброшен через коридор прямо в открытую дверь пустой комнатки. Дженис тут же метнулась к ней и захлопнула дверь. Дверь автоматически заперлась. Число противников Дэна уменьшилось до одного, да и тот был не в лучшей форме.

Дэн отработал на нем локтями несколько близких ожесточенных ударов, повалил на пол и забрал у него брякнувшую связку ключей. Служитель не шевелился, и Дэн повернулся к Дженис, которая была смертельно бледна от страха.

— Давай-ка выбираться отсюда, — сказал Дэн, — прежде чем тут не соберется вся стая.

— Но я не одета! — сказала Дженис, указывая на ночную рубашку — единственное ее одеяние.

— Подумаем об этом позже! — бросил Дэн. — Сейчас главное — выбраться отсюда!

Он быстременько привел в порядок свои седые волосы, застегнул рубашку и открыл дверь в коридор.

— Пошли, — сказал он, глядя на неподвижно лежащего на полу служителя.

Они вдвоем вышли, и Дэн услышал щелчок запирающегося автоматического замка. Это была принятая в данном заведении преду-

предительная мера, и на этот раз она сработала в пользу Дэна. Двое служителей останутся взаперти, пока кто-нибудь не выпустит их.

Они побежали к двери в конце коридора. Дэн поспешил стал пробовать ключи, пока один не подошел. Он ринулся в открытую дверь и побежал по следующему коридору, таща Дженис за руку.

Там тоже была запертая дверь, и ее потребовалось отпирать, теряя драгоценные секунды. Дэн боялся, что их обнаружат в любой момент, и только надеялся, что этого не случится. Не мог же он отбиваться от всей лечебницы.

Наконец, они миновали последнюю дверь и помчались вниз по наружной лестнице. Был теплый, солнечный день, но между зданиями подувал прохладный океанский бриз. Дэн заметил, что Дженис дрожит и старается закутаться в свою рубашку.

— Скоро мы найдем где-нибудь безопасное место, — успокаивающе сказал он девушке. — Все будет хорошо, детка.

— Надеюсь, что так, — с жаром ответила Дженис. — Но что, если это ужасное чудовище...

— Не думай сейчас об этом, — прервал ее Дэн. — Мы позаботимся об этом позже. Давай решать проблемы по мере их поступления. А сейчас наша самая главная проблема — поскорее убраться отсюда.

Они осторожно пересекли аккуратно подстриженный газон и свернули за угол. Там, перед красивым, белым главным зданием лечебницы Дэн увидел автомобиль доктора Кэндора.

— Пошли, быстро, — шепнул он Дженис.

Они побежали к машине. Дверцы были не заперты, и они забрались внутрь.

— Надеюсь, он достаточно глуп, чтобы оставить ключ зажигания в машине, — пробормотал Дэн, пошарил по панели рукой и сердито покачал головой. — Не повезло, — и повернулся к Дженис. — У тебя есть шпилька?

— У меня все забрали, когда привезли сюда, — ответила девушка. — О, быстрее! Я слышу шаги! Дэн поднял голову и увидел, что кто-то действительно направляется к машине. Он торопливо сорвал зажим для галстука, разогнул его, сунул в замок зажигание и повернулся.

Машина ожила одновременно с тем, как ней подошел удивленный доктор Кэндор. Дэн нажал на педаль, и машина на полной скорости помчалась из лечебницы.

КОМУ: МЕЛЬВАРУ ДОССУ,
И. О. К. Г. ВИБАН III.

ОТ КОГО: ЛЛОГЕЛЯ РЕММА С ДЭННИЗЕТА VI.

КОРАБЛЬ 1-69 ПРИБЫЛ СЕГОДНЯ, КАК И БЫЛО ОБЕЩАНО, И МЫ ПРИНОСИМ МАЛУЮ БЛАГОДАРНОСТЬ ЗА ЭТО. Я ТАКЖЕ ХОЧУ ПРИНЕСТИ ИЗВИНЕНИЕ ЗА СВОЕ НЕТЕРПЕНИЕ. ОД-

НАКО ЕСТЬ ОДНА ЗАГВОЗДКА, О КОТОРОЙ ВЫ ДОЛЖНЫ УЗНАТЬ. КОРАБЛЬ-ТО ПРИБЫЛ, НО ВОТ КРРОБЕК – НЕТ. ЕСТЕСТВЕННО, МЫ, МЯГКО ГОВОРЯ, НЕДОВОЛЬНЫ ЭТИМ.

МЫ ПРОДАЛИ ВАШУ ПРОКЛЯТУЮ ЛОХАНКУ В КАЧЕСТВЕ ОПЛАТЫ ЗА МЕЖЗВЕЗДНУЮ СВЯЗЬ, И ТЕПЕРЬ ХОТИМ, ЧТОБЫ ВЫ ВСЕ ЖЕ ПОШЕВЕЛИЛИ ВАШИМИ МАНДИБУЛАМИ И ВЕРНУЛИ НАМ КРРОБЕКА. ВСЕ ЭТО УЖЕ ВЫЗВАЛО УЖАСНУЮ ПУТАНИЦУ В НАШИХ КОММЕРЧЕСКИХ ДЕЛАХ.

ВЫ, ВЕРОЯТНО, ПРИВЫКЛИ ТАМ У СЕБЯ К ПОДОБНЫМ ИНЦИДЕНТАМ, А МЫ – НЕТ. ПОЭТОМУ Я ПРЕДЛАГАЮ ВАМ РАЗЫСКАТЬ КРРОБЕКА В ТОМ МИРЕ, ГДЕ ДЕЛАЛ ВЫИНУЖДЕННУЮ ПОСАДКУ 1-69, ПРЕЖДЕ, ЧЕМ КРРОБЕК БУДЕТ СЕРЬЕЗНО ПОВРЕЖДЕН. И КОМУ-ТО ПРИДЕТСЯ ОТВЕТИТЬ ЗА ЭТО, ЕСЛИ КРРОБЕК НЕ ПОЯВИТСЯ ЗДЕСЬ БЫСТРО.

КАК ВСЕГДА, ВСЕГО НАИЛУЧШЕГО, И ПРОШУ ИЗВИНЕНИЙ ЗА СТОЛЬ МНОГОСЛОВНОЕ ПОСЛАНИЕ.

ЛЛОГЕЛЬ.

ЧЕТЫРЕ ЧАСА спустя Дэн Торн гнал «бьюик» по дороге вдоль побережья к Арборвиллю. Эти четыре часа были тяжелыми. Первым делом Дэн увез Дженис в Лос-Анджелес и поручил Джерри Клайншмидту спрятать ее под псевдонимом в маленьком отеле. Затем удалил грим «Энрота», оставил машину Кэндора тем, где ее легко будет отыскать, и вернулся в Арборвилль в собственной машине.

Таким образом, он снял с крючка себя и Дженис, потому что не только их репутация, но и сама свобода была под угрозой.

Когда Дэн затормозил перед отелем «Санта-Барбара», Арборвилл вовсе не походил на сонный калифорнийский городок. Люди группами ходили по главной улице, разговаривая и взволнованно размахивая руками. Дэн прошел в вестибюль отеля и встретил поджидавшего его шерифа Малькома. Высокий, худой полицейский поднялся и пошел навстречу ему.

– Добрый вечер, мистер Торн. Могу я поговорить с вами?

Дэн прищурился на него.

– Хотите снова арестовать меня?

Мальком усмехнулся и покачал головой.

– Я – нет, по крайней мере, пока не имею таких намерений. – Тут он понизил голос так, чтобы никто в вестибюле его не услышал. – Но, в конечном итоге, с вами может захотеть пообщаться ФБР.

– ФБР? Зачем?

– Похищение – это преступление. И федеральная полиция уже разыскивает вас за угон автомобиля. Правда, пока они не знают, что это были вы. Пока.

— Что вы имеете в виду? — спросил Дэн, чувствуя себя застигнутым врасплох.

— Я имею в виду, что они пока что не выяснили, кем же был доктор Энрот. В принципе, его описание не соответствует вашему. Но, в конце концов, они это поймут, и когда поймут, то, боюсь, у вас возникнут проблемы.

— Если вы так уверены в себе, — сказал Дэн, — то почему не сказали им, кого подозреваете?

Взгляд англичанина стал совсем серьезным.

— Потому что я знаю, что вы не лжете. Я не хочу сердить вас, поэтому расскажу, почему сделал то, что сделал. Я живу в этой стране уже двадцать лет и десять из них являюсь ее гражданином. Мне нравится быть шерифом, и я не хочу потерять это место, если вы понимаете меня. Теперь поехали дальше. Вчера вечером, как вы чертовски хорошо знаете, в доме Хэдли царила суматоха. Я поехал на пляж в одиночестве, чтобы поискать вашу золоченую ракету.

— И не нашли ее, — сказал Дэн.

— Этого я не сказал, — поправил его Мальком. — Я сказал, что ее там не было. И ракеты действительно не было там. Но я кое-что увидел. Я увидел, как нечто, похожее на космический корабль, поднимается в воздух. Я остановил машину и следил за ней, пока она не скрылась из глаз. Сначала она понималась медленно, как воздушный шар, затем полетела все быстрее и быстрее, пока не исчезла в небе. Не было ни реактивных выхлопов, ни гула, ничего подобного. Она просто сама взмыла в небо.

— Почему вы не сказали об этом? — насупился Дэн. — Мы с Дженис не сидели бы теперь по уши в этой передряге, если бы вы вчера все рассказали!

— Я так не уверен. Скорее, я предполагаю, что в передряге были бы мы втроем. Все бы решили, что мы просто сговорились. Кроме того, если представать с подобным рассказом перед присяжными, любой прокурор или адвокат мог бы представить все так, что я увидел метеозонд или планету Венера, или что-то в этом же духе. Поэтому я держу рот на замке, и это играет вам на руку.

— Прекрасно! Просто великолепно! — с горечью воскликнул Дэн.

— Но в итоге они все узнают, и что вы тогда будете делать? Останетесь сидеть, поджав хвост, в то время как они запрут Дженис в эту психушку, а меня укатают в Алькатрас?

— Не думаю, что дойдет до этого, — сказал Мальком. — Если придется, я выступлю в суде. Но пока что я хочу раздобыть побольше доказательств. Завтра при свете дня я со своими людьми поедем на этот пляж и прочешем его вдоль и поперек. Если монстр улетел на своей ракете, то его там, разумеется, не будет, но могут остаться какие-нибудь доказательства его существования, и это, по, крайней

мере, докажет, что у мисс Хэдли не было галлюцинаций. Хотите поехать с нами?

Дэн ни секунды не колебался.

— Считайте меня в деле, — сказал он.

НА ПЛЯЖ они ехали в маленьком «седане» шерифа. Полиция была уже там, бесцельно шатаясь по пляжу. Дэн узнал пятерых из них во главе с сержантом Уилером.

Помощник шерифа с мрачным видом подошел к ним.

— Привет, шеф, — буркнул он.

— Что происходит, Уилер?

— Да ничего, — нехотя прощедил толстяк. — Мы больше получаса прочесывали этот пляжи не нашли ничего, кроме морских раковин.

— Продолжайте искать, — бодро сказал Мальком. — Не сдавайтесь.

Уилер почесал голову.

— Разрешите вопрос, — сказал он. — Всего лишь один вопрос.

— Валяйте.

— Скажите мне, шеф, какого черта мы ищем?

— Доказательства, Уилер, доказательства, — казал Мальком.

— А-а... — протянул Уилер, сердито уставившись на Дэна. — А что с мисс Хэдли?

— Она находится в санатории доктора Кэндора, — быстро ответил Дэн, надеясь, что весть об ее похищении еще не дошла досюда.

— Ну, да, как же! — возразил Уилер. — Ее похитил оттуда какой-то толстый старик. А, может, мне не стоило говорить ему это? — спросил он Малькома.

— Дженис похищена? Великий Боже! — искусно изобразил ужас Дэн. — И что уже предпринято, чтобы отыскать ее?

— Похитителя ищет ФБР. Так что это не в нашей компетенции. Но мы можем помочь ему, — сказал Мальком и повернулся к Уилеру.

— Похититель может быть тем человеком, который прежде напал на мисс Хэдли. И, может, он прячется где-нибудь в утесах вокруг пляжа. Разойдитесь, обыщите утесы и свистите, если обнаружите хоть что-нибудь подозрительное.

— Да, сэр, — нехотя сказал Уилер, не сводя глаз с Дэна.

Он повернулся и побрел по пляжу.

— Хорошее представление, — одобрительно сказал Дэну Мальком.

— Но я все равно надеюсь, что найдем здесь хоть что-то стоящее. Не хотел бы я предстать в суде и рассказывать присяжным о золотистых космических кораблях, которые уже улетели.

Следующий полчаса Дэн с шерифом бродили по пляжу, в то время как шестеро остальных полицейских разошлись и обшарили окаймляющие пляж утесы.

ВНЕЗАПНО ВОЗДУХ прорезал крик ужаса, после чего грохнули два пистолетных выстрела.

— Ааааа!

Когда крик пронесся по пляжу, Дэн как раз склонился над ямкой в песке, которая, возможно, когда-то была следом. Он резко выпрямился и обернулся туда, откуда несся ужасный вопль.

— Это Уилер, — сказал Мальком.

— Плохо дело, — сказал Дэн. — Откуда донесся крик?

В это время к ним подбежали другие полицейские с белыми, напряженными лицами.

— Оттуда, — сказал один из них, махнув рукой в сторону скалы, которая стояла у самой воды примерно в полукилометре впереди. — Он был где-то там.

Затем над пляжем пронесся еще один крик. И все семеро мужчин, с мрачными лицами, стиснув зубы, побежали к утесу.

Но, не успев пробежать и сотни метров, они резко остановились. Потому что дальше бежать не было никакого смысла.

Из-за утеса внезапно выдвинулась самая кошмарная тварь, которая могла подняться лишь из глубин самого Ада. В высоту она была четыре с лишним метра, на ее отвратительной безносой морде горели два огненно оранжевых глаза, точно огни маяка.

Дэн тут же вспомнил описание Дженис. Монстр с семью хвостами, сказала она. И такое описание вполне соответствовало тому, что она сейчас увидели. Семь длинных, тонких хвостов с позвонками спускались со спины твари, их вполне можно было назвать хвостами.

Выпрямившись в полный рост, тварь тяжело заковыляла по пляжу. Полицейские застыли на песке от изумления, смешанного с ужасом. Дэн в полной мере прочувствовал, что испытала Дженис, встретившись с этим монстром лицом к лицу. Чудовище было ужасное, отвратительное и явно смертельно опасное.

Но по мере его приближения ужас продолжал нарастать в людях.

Когда чудовище подошло ближе, Дэн увидел, что одна из его четырех болтающихся по бокам рук что-то сжимает. Что-то, похожее на мягкую, тряпичную куклу... Но затем он понял, что это такое. Это было раздавленное, искореженное тело сержанта Уилера.

Монстр нес полицейского нежно, почти что изящно. Но его острые, как бритвы, когти, наверняка причинили Уилеру мучительную смерть.

Полицейские буквально остолбенели, а чудовище все приближалось. Оно уже было метрах в трехстах, когда заметило людей.

— Дьявол, — пробормотал Мальком. — Кровожадный дьявол!

Он выхватил пистолет.

— Уберите оружие, — рявкнул Дэн. — Уилер, очевидно, попытался стрелять в эту тварь, и, должно быть, разозлил ее.

— Вы правы, — сказал Мальком.

Он сунул пистолет в кобуру и стал пристально глядеть на чудовище.

Монстр остановился метров за двести пятьдесят от остолбеневших полицейских, покачивая в руке, как в колыбели, изувеченное тело Уилера. Пару секунд он смотрел на людей, затем швырнулся на песок, где оно прокатилось несколько метров, пятна песок густыми, красными струями крови.

Затем чудовище неспешно повернулось и тяжело потопало туда, откуда пришло.

Дэн был потрясен — не столько ужасным обликом твари, хотя и этим тоже, сколько ретроспективным сочувствием к Дженис. Трудно было представить, что испытала девушка, когда чудовище схватило ее, разрезало на ней купальник по всей длине и затем отпустило. Дэну показалось даже невероятным, что Дженис смогла это пережить и оставаться в здравом рассудке.

Уилер лежал на песке беспорядочной, окровавленной кучей. Мальком снял свой пиджак, подошел и накрыл им тело.

— Сложно будет рассказать об этом его жене, — сказал он. — Но Уилер погиб, как герой.

— Весьма сомневаюсь в этом, — возразил Дэн. — Я не хочу оскорблять память о нем, но человек поумнее мог бы на его месте остаться в живых. В конце концов, монстр не сделал ничего плохого Дженис — она говорила, что он бережно обращался с ней. Должно быть, Уилер попытался стрелять в эту тварюгу.

— Бедный дурень, — тихонько сказал Мальком. — Разве можно было подумать, что такое чудовище возможно убить из пистолета?

Он махнул двум полицейским, которые взяли тело сержанта и понесли к патрульной машине, затем вернулся к Дэну.

— Ну, вот, теперь все стало ясно. Это больше не рассказ истеричной девчонки. У нас есть и свидетели, и жертва. Если бы только у нас был еще и космический корабль!

— Значит, вы думаете, это чудовище внеземное? — спросил Дэн.

— Несомненно, — ответил Мальком. — Выглядит это невероятно. Но где на Земле могут водиться такие страшилища?

Дэн кивнул.

— Должно быть, золотистый космический корабль прилетел, выпустил этого зверя и вернулся туда, откуда прибыл. — Он побледнел.

— Неужели это такого рода инопланетное вторжение?

— Скоро мы это узнаем, — сказал Мальком. — Наша задача теперь в том, чтобы поймать чудовище, прежде чем оно вызовет всеобщую

панику. Поехали, мы должны найти агентов ФБР, разыскивающих доктора Энрота, и направить их на поиски этой твари.

КОМУ: ЛЛОГЕЛЮ РЕММУ С ДЭННИЗЕТА VI.

ОТ КОГО: МЕЛЬВАРА ДОССА,

И. О. К. Г. ВИБАН III.

МЫ ОЧЕНЬ СОЖАЛЕЕМ О СВОЕЙ ОШИБКЕ. ОЧЕВИДНО, КОРАБЛЬ 1-69 ОТКРЫЛ ЛЮК И НЕПРЕДНАМЕРЕННО ВЫПУСТИЛ КРРОБЕКА. БУДЬТЕ УВЕРЕНЫ, МЫ ПРЕДПРИНИМАЕМ ВСЕ ШАГИ ДЛЯ ИСПРАВЛЕНИЯ ДАННОЙ СИТУАЦИИ. И. О. К. Г. ГАРАНТИРУЕТ ПОЛНУЮ КОМПЕНСАЦИЮ ЗА ЛЮБЫЕ ПОТЕРИ, КОТОРЫЕ ВЫ МОЖЕТЕ ПОНЕСТИ В РЕЗУЛЬТАТЕ ЗАДЕРЖКИ КОРАБЛЯ В ПУТИ. ЕЩЕ РАЗ ПРИМИТЕ НАШИ ИЗВИНЕНИЯ.

МЕЛЬВАР

НА СЛЕДУЮЩИЙ день новости разошлись по всему калифорнийскому побережью, и агентства выдавали их сразу же по мере поступления к ним информации. Ни ФБР, ни местная полиция, казалось, больше не интересовалась Дэниэлом Торном, даже Кэндор уже не настаивал на обвинении Дэна в краже машины. Теперь, когда была доказана абсолютная нормальность и вменяемость Дженис, психиатр не стремился напоминать о том факте, что он поставил ошибочный диагноз. Так что забота о своей профессиональной репутации преодолела возмущение своим поруганным достоинством.

Дэн Торн находился в офисе шерифа, вместе с федералами, местной полицией, а также представителями вооруженных сил. Снаружи доносился гул вертолетов, обыскивающих километр за километром прилегающую к пляжу местность. Единственная проблема состояла в том, что местность эта была чертовски велика.

Худощавое лицо шерифа Малькома было покрыто потом. В кабинете стояла жара из-за обилия находившихся там людей.

– Нет никаких сомнений, что убить эту тварь будет не так-то легко, – сказал один из военных. – Если верить шерифу, пули тридцать восьмого калибра не заставили его даже легонько вздрогнуть.

Остальные склонились над картами местности, пытаясь вычислить, где может прятаться такой большой зверь.

На все ранчо в округе поехали отряды солдат, чтобы защищать местное население, а весь округ был заблокирован, чтобы не дать чудовищу сбежать. Одновременно танки и пехота прочесывали сельскую местность.

Но находились и такие, которые вообще не верили, что чудовище столь велико, как рассказывали, и вполне вероятно, они отрицали

бы всю эту историю, если бы не искалеченный труп Уилера, повреждения которого было трудно объяснить как-то иначе.

Затем вошел один из помощников шерифа и похлопал Дэна по плечу.

— Мистер Торн, тут вас хочет видеть один человек. Говорит, что вы знаете его. Говорит, его зовут Форестер.

Дэн встал и вышел из офиса на сияющую от солнца улицу. Разумеется, это был сам Дж. Экман Форестер. Форестер был самозванным экспертом по всему на свете, но в мире кино считался важной персоной. Он был связан с большинством крупных студий и принимал участие в создании нескольких фильмов класса Б, которые, несмотря на их тупость и примитивизм, все-таки дали кое-какой доход. Форестер был высоким, круглоголовым, с волнистыми каштановыми волосами, аккуратно подстриженными усами и в очках без оправы. Его обычно улыбающееся лицо выглядело на сей раз взволнованным.

— Дэн! — закричал он, как только Дэн вышел из конторы шерифа.

— Дэн! Послушайте, мы должны что-то сделать! Мы не можем позволить им убить его!

— Форестер, вы в своем уме? Что за...

— Разве вы не понимаете? Это же переломный момент истории! Впервые в истории Человечества на Земле высадился разумный инопланетянин из космоса! А мы ведем себя, как стадо диких животных!

Дэн сунул в рот сигарету и закурил.

— Я понимаю, что вы имеете в виду, Форестер, но эта тварь опасна!

— Опасна? Наверняка, очень опасна! А вы не были бы опасными, если бы приземлились на планете, полной лилипутов, которые попытались бы убить вас? Дэн, посмотрите на факты. На факты! Разве он причинил Дженис боль, когда взял ее на руки? Нет. Конечно, он напугал ее, но в этом уж он не виноват. Возможно, он так же боялся бы ее, если бы был маленьким.

— А как насчет полицейского? — спросил Дэн.

— А что насчет него? Он увидел инопланетянина и стал стрелять. Он попытался убить его. Что бы вы сделали на его месте? Просто стояли бы и позволяли кому-то стрелять в вас? Нет! Вы бы начали защищаться, верно? Вот это он и сделал. Он ведь не пытался уничтожить остальных полицейских, правда? Говорю вам, что если мы попытаемся убить этого визитера, то совершим величайшую ошибку в истории Человечества! Подумайте о том кладезе информации, которой он может обладать! Подумайте о возможности полетов к другим планетам без наших неуклюжих ракет! Подумайте...

— А ВЫ ПОДУМАЙТЕ о людях, которые будут убиты, пока мы попытаемся спасти жизнь этого монстра, — фыркнул Дэн. — Кроме того, даже если бы все, что вы тут наговорили, было правдой, с чего вы решили, что я могу с этим что-нибудь сделать? Все теперь в руках армии, а у меня нет влияния на Пентагон. И я, также, не знаком лично с Эдгаром Гувером.

— Дэн, мне стыдно за вас, — сказал Форестер. — У вас нет ни капли воображения, никакой смекалки. Если с этим инопланетянином начать бережно обходиться, то мы могли бы установить с ним контакт. А если мы будем продолжать выслеживать его, как дикого зверя, то заслужим такого же обращения с его стороны. А что будет, когда люди узнают о том, что мы сделали?

Дэн покачал головой.

— Я признаю, что у вас может быть своя точка зрения, Форестер, но я видел эту тварь, и Дженис тоже видела ее. На морде этого монстра не было ничего человеческого, его красные глаза светились чистой злобой и ненавистью. И поверьте мне, он не может быть никаким представителем высокоразвитой цивилизации.

— А вы что, Дэн, считаете, что Дженис показалась ему милашкой? — тут же взвился Форестер. — Едва ли. Вероятно, мы кажемся ему такими же ужасными. Я хочу посмотреть, что можно сделать, чтобы, по крайней мере, попытаться поймать его живым.

— Да ради Бога, Форестер, если вы считаете, что мы сумеем его поймать. Но что вы хотите от меня?

— Только представьте меня тем, внутри, — сказал Форестер. — И я сам попытаюсь внушить им кое-какие умные мысли.

— Ваше дело, — пожал плечами Дэн. — Идемте.

Все может быть, подумал он при этом. Дж. Форестер Экман на самом деле имел мало влияния, но он мог быть прав в том, что монстр не хотел никому причинить вреда.

В кабинете шерифа Дэн выбрал одного из наиболее высокопоставленных офицеров, представил ему Форестера и молча ушел, а Форестер бросился разъяснять свою теорию.

Дэн решил, что ему больше нечего торчать в конторе шерифа. Он рассказал и ФБР, и полиции, и военным все, что знал, по крайней мере, с десяток раз. Описал внутреннюю часть космического корабля художнику, который попытался сделать набросок по его рассказу. И вообще, Дэн устал от этой суматохи и гвалта. Это больше было не его делом. Пусть армия делает, что хочет. Он вышел на улицу и пошел к бару «Санта-Барбара».

Это было ошибкой. Бар был полон газетчиков, которые узнали Дэна, как только он вошел. Они толпой бросились на него, и Дэну пришлось минут десять рассказывать им все, что он знал. Разуме-

ется, теперь в газетах появятся заголовки, но они уже не повредят его карьере, а, напротив, будут, скорее, полезны.

— Дэн! Дэн!

Услышав знакомый голос, Дэн повернул голову. Эта была Дженис. Фотографы тут же отстранили репортеров и схватились за свои камеры. В воздухе засверкали голубовато-белые фотовспышки.

— Дженис! Зачем вы вернулись сюда? Почему не остались в Лос-Анджелесе? — прошептал Дэн.

— Что? И пропустить все веселье? — улыбнулась она. — Кроме того, незачем было оставаться там теперь, когда доктор Кэндор решил проявить благородумность. А еще я хотела быть подле тебя.

Фотовспышки, наконец, унялись.

— Ладно, ребята, — сказал Дэн, — пока что достаточно. Мы устали и хотели бы спокойно выпить.

Газетчики и фотографы заухмылялись и позволили парочке сесть за столик.

— Ты выглядишь утомленным, — сказала Дженис, когда им принесли заказанные напитки.

— Я не спал со вчерашнего вечера. Полицейские не давали мне спать, все просили снова и снова рассказать о чудовище и космическом корабле, особенно о корабле.

— Почему бы тебе тогда не допить и пойти поспать? — предложила Дженис.

— Ты опередила мою мысль, — кивнул Дэн.

— А ты знаешь, что здесь Дж. Форестер Экман? — спросила Дженис.

— Я уже видел его. Он носится со странной идеей, что мы должны начать переговоры с чудовищем.

— Мне он сказал то же самое, — кивнул Дженис. — И знаешь, Дэн, может быть, он и прав.

— А ты хотела бы разговаривать с этим монстром после того, что произошло? — спросил Дэн.

— Не знаю, — сказала Дженис. — Признаю, что я страшно испугалась, но если бы я заранее знала об его появлении, то, возможно, все было бы по-иному. В конце-концов, он не уродливее бородавочки, если смотреть на него сверху вниз.

— Наверное, — сказал Дэн, — но я не представляю себе беседу с бородавочником.

Дженис подарила ему красивую улыбку.

— Я тоже. Однако, если этот монстр и вправду окажется разумным, позором будет просто убить его.

— Ну, может, Форестер еще уговорит армию его изловить. А я пока что все-таки хочу поспать. Ты ведь собираешься остаться в городе?

Дженис кивнула.

— Я сняла комнату здесь, в отеле. Хотя папа настаивает, что бы я не выходила за пределы ранчо.

— Наверное, он прав, — сказал Дэн. — Но пока что давай отдохнем, а там будь что будет.

Он встал, стараясь удержаться от зевка. Ему не хотелось покидать Дженис, но он так устал, что едва стоял на ногах.

— Увидимся через несколько часов, милая.

— До свидания, — сказала Дженис.

СТУК В ДВЕРЬ. Пауза. Затем снова стук, на этот раз громче.

Дэн Торн заворочался в постели и сонно пробормотал:

— Кто там?

— Мальком, — послышалось из-за двери. — Могу я войти?

Дэн встал, добрел до двери, откинул щеколду и впустил шерифа.

— Какие-то новости или идеи, шериф? — спросил он.

Мальком покачал головой.

— Ничего особенного. Я просто ужасно устал от жары и хотел найти помещение с кондиционером. Ваш номер, например, подойдет.

— Который час?

— Шесть тридцать вечера. Вы проспали около четырех часов.

— Черт побери! — с досадой сказал Дэн.

— Мне жаль было будить вас, — сказал Мальком, — но я хотел поговорить с вами об этом парне, Форестере. Он всегда такой странный?

Говоря, шериф устроился в кресле.

— Он своего рода сумасброд, — сказал Дэн, достал сигарету из пачки на ночном столике и закурил.

— Военные не захотели даже слушать его, — сказал Мальком. — Тогда он пришел в ярость и выскочил из кабинета, крича, что пойдет к Тому Хэдли. Кажется, он решил, что если сумеет убедить Хэдли в своей правоте, то вдвоем они смогут повлиять на военных, чтобы те стали ловить монстра живьем.

Дэн криво усмехнулся.

— Никогда он ни в чем не убедит Хэдли, особенно после случившегося с Джен.

— Это он понял, — кивнул Мальком. — Однако он уговорил девочку Хэдли поучаствовать в его плане, и теперь они вдвоем поехали на ранчо, надеясь убедить Тома.

— Что? — Дэн вскочил и начал одеваться так поспешно, словно сам Сатана уже гнался за ним. — И вы отпустили их?

— А как я мог их остановить? — спросил Мальком. — Но мне кажется, мы тоже могли бы поехать туда и убедиться, что они не натворят глупостей.

— Вечно вам требуется столько времени, чтобы дойти до сути, — проровчал Дэн.

— Простите. Вот, держите. Это вам может понадобиться.

Дэн взглянул на пистолет, который протягивал ему Мальком.

— Тридцать восьмой не поможет против этой твари, — сказал он.

— Это не тридцать восьмой, — возразил Мальком. — Это «магнум 357», самая мощная пушка в мире. А в машине у меня есть несколько винтовок. Едем.

Все еще стояла жара, когда они вели машину по пустынной дороге, но в воздухе уже чувствовался прохладный ветерок. В вышине, точно комары, тоненько журчали три вертолета Военно-воздушных сил.

— Солнце скоро сядет, — сказал Мальком. — Тогда вертолеты станут бесполезны.

Ответить на это было нечего, и Дэн Торн промолчал.

Солнце светящимся красным шаром уже стояло на самой линии горизонта, когда они доехали до ранчо Хэдли. Как только патрульная машина остановилась, Дэн выскоцил из нее и побежал в дом. Том Хэдли сидел в гостиной с крупнокалиберной винтовкой на коленях и читал журнал.

— Вы видели Дженис? — спросил Дэн, прежде чем старик успел хоть что-то сказать.

Том Хэдли сердито насупился.

— Да. Недавно она приезжала с этим дураком Форестером. У него был дурацкий план поиски живого монстра. Он хотел поговорить со мной об этом и нес всякую чепуху. Сказал, что для того, чтобы найти чудовище, нужно пойти и на то место, где приземлялся его корабль. Я пояснил ему, что он может сделать со своими идеями, и велел, чтобы он увез Дженис в город, где она будет в безопасности.

Глаза Дэна сверкнули.

— Он не сделал этого! Иначе мы бы встретили их по дороге! Этот идиот считает, что в силах связать монстра, и погибнет, пытаясь это сделать. Идемте! И захватите с собой винтовку!

Хэдли не стал тратить время, задавая вопросы. Он бегом последовал за Дэном к машине, и они заскочили в нее. Мальком включил передачу, патрульная машина взревела и понеслась по дороге на пляж.

КОМУ: ЛЛОГЕЛЮ РЕММУ С ДЭННИЗЕТА VI.

ОТ КОГО: МЕЛЬВАРА ДОССА,

И. О. К. Г. ВИБАН III.

*МЫ НАШЛИ ПЛАНЕТУ, НА КОТОРОЙ ОСТАЛСЯ КРРОБЕК,
И ПОСЛАЛИ ТУДА АГЕНТОВ. НАДЕЮСЬ, ЧТО ЕГО БЫСТРО
ОТЛОВЯТ.*

МЕЛЬVAR

ВЕЧЕРЕЛО. Тени становились все длиннее, прозрачный воздух понемногу темнел. Пляж лежал, темный и тихий, не считая гула вертолетов в небе над ним.

Они остановились у начала тропинки, спускающейся на пляж, и выскочили из машины — Мальком, Хэдли, и Дэн. Вертолеты зависли в вышине над пляжем, словно пилоты не знали, что делать дальше.

Дэн бросил взгляд вниз.

— Смотрите! — воскликнул он. — Вон там!

И он показал на волны Тихого океана, накатывающие на пляж примерно в полукилометре отсюда.

Остальные посмотрели, куда он указывал.

Монстр стоял у края воды на своих толстенных, отвратительных ногах. И, пока они смотрели, прожектор внезапно осветил его, разбрасывая блики от воды и его влажной шкуры. Монстр стоял, показывая своими, свободно опущенными, четырьмя руками.

А перед ним, по щиколотку в воде, стояли Форестер и Дженис.

— Идиоты! — с ужасом воскликнул Дэн.

— И что нам теперь делать? — спросил Томас Хэдли.

— Трудно сказать, — ответил шериф. — Мы сейчас все равно, что в состоянии неустойчивого равновесия. Пока зверь не нападет, мы не смеем рисковать, подталкивая его на этот своей стрельбой. Такую ошибку сделал Уилер, и мы не станем повторять ее.

— Вы только посмотрите, — сказал Дэн. — Они же болтают без остановки. Интересно, что они там говорят?

— Это не имеет значения, — проворчал Мальком. — Нам придется просто ждать, чем кончатся их переговоры, и надеяться на лучшее.

Трое на краю утеса с тревогой смотрела на троицу у самой воды, в то время как вертолеты постепенно спускались все ниже. Мальком замахал им руками, и они остановились, вися на одном месте.

Дженис и Форестер что-то горячо втолковывали монстру, который терпеливо разглядывал их, неспешно болтая руками. Внезапно их мирным переговорам пришел конец.

Чудовище наклонилось и одним ударом сбило Форестера с ног. Дэн увидел, как при этом блеснули в воздухе очки толстяка.

Когда Форестер уже начал подниматься на ноги, чудовище наклонилось во второй раз — и схватило Дженис!

Дэн увидел, как побледнел стоящий рядом Томас Хэдли.

— Спокойно, мистер Хэдли! — воскликнул он. — Только спокойно. В прошлый раз зверь не нанес Дженис вреда.

— То было в прошлый раз, — натянутым голосом ответил Хэдли, бессильно сжимая в руках мощную винтовку. — Но я не могу стрелять сейчас.

— Все правильно, не можете! — выкрикнул Дэн.

Он со страхом глянул вниз на пляж и увидел, что монстр покачивает Дженис, словно в колыбели, бережно держа ее в двух руках. Потом он двинулся от воды по пляжу к ближайшим утесам, по-прежнему держа на руках девушку.

— Вот дьявол! — воскликнул Мальком. — Вперед!.. Следуем за ними вдоль пляжа!

Дэн чувствовал, что весь заледенел от страха, пока глядел, как зверь гигантскими шагами пересекает пляж, и услышал вдали слабый крик Дженис.

Она извивалась, пытаясь вырваться из нежных объятий чудовища. Дэн бежал за Хэдли и Малькомом по гребню утеса вдоль пляжа. Монстр уже дошел до утесов и остановился возле холодной, темной скалы, с явным любопытством рассматривая девушку.

Насколько Дэн видел на бегу, чудовище все еще не причинило Дженис никакого вреда, но и не отпускало ее. Дэн увидел, как рвется одежда Дженис, пока она старается вырваться из чудовищной хватки, рвется на клочки острыми, как бритвы, когтями. От рубашки ее остались одни лохмотья, между которыми виднелось розовое тело, а джинсы были разрезаны от бедер до лодыжек.

Вертолеты висели низко.

— Мы могли бы сбросить на него бомбы, — пробормотал Мальком. — Если бы только не девушка...

— Пока что он, вроде бы, не сделал ей ничего плохого, — пробормотал Хэдли, больше для того, чтобы успокоить себя самого. — Но как нам заставить его отпустить ее? Мы не можем стрелять... Не можем, пока у него Джен!

— Придумал, — сказал вдруг Дэн, мрачно глядя на ужасную сцену внизу. — Дайте-ка мне свою винтовку, мистер Хэдли.

— Что вы собираетесь делать? — спросил старик. — Ты не можешь стрелять!

— Стрелять я и не думаю, — ответил Дэн. — Ждите здесь... и молитесь за нее. За нас обоих. За всех нас!

ОСТАВШИЕСЯ СМОТРЕЛИ с тревогой, как Дэн бросился в сторону и стал спускаться по крутыму утесу на выступ, находившийся метров в десяти над девушкой и неподвижным чудовищем. Помогая себе винтовкой, он с трудом поднимался по еле заметной извилистой тропке, пока не добрался до самой вершины. Оттуда он замахал пилотам в низко висящих вертолетах.

Затем направился по утесу в точку, располагавшуюся над головой животного. Оттуда глянул вниз.

Только что взошедшая луна освещала все вокруг. В ее свете Дэн отчетливо видел монстра, стоявшего спиной к утесу. Дэн оглянулся

на оставшихся сзади шерифа Малькома и отца Дженис. Они стояли, застыв от страха, точно статуи.

Чудовище по-прежнему держало Дженис, ее рубашка была уже совсем изорвана, а на лице девушки застыла гримаса ужаса.

Дэн взмахнул винтовкой над головой, затем снова заглянул вниз. Голова и плечи монстра были метрах в пяти под ним. Дэн поднял винтовку.

Дженис висела внизу, поддерживаемая двумя правыми руками чудовища. Дэн прицелился и стал ждать.

Но Дженис продолжала биться и извиваться, так что стрелять было невозможно. Дэн оценил ситуацию. Рука, державшая ее, была повернута ладонью вверх, и Дэн видел сеть выступающих, красных вен, идущих вдоль запястья.

Затем Дэн оглядел голову чудовища и увидел маленькое красное пятнышко, на котором не рос ни один седой волосок, пятнышко прямо в центре черепа зверя.

Уязвимая точка? По крайней мере, выглядела она именно так. Нужно было рискнуть.

Дэн наклонился над краем выступа и тихонько позвал:

—Джен! Джен! Перестань биться. Расслабься и замри!

Девушка замерла и удивленно завертела головой.

—Это я — Дэн! Я рядом! Не шевелись, чтобы я мог прицелиться!

Он медленно опустил ствол винтовки. В такое манящее, похожее на мишень или ахиллесову пяту пятно целиться он не посмел, даже если бы его предположение оказалось верным, выстрел в то место мог вызвать у чудовища судороги, и тогда Дженис была бы раздавлена.

Нет. Дэн поступил иначе.

Он прицелился в протянутую руку, держащую Дженис. Девушка замерла, только грудь ее часто вздымалась. Дэн сделал глубокий вдох и трижды выстрелил в сеть вен на этой ручице.

Раздался ужасный вопль, когда пули вонзились в нервную систему зверя. Дэн увидел, как полуобнаженная Дженис упала на песок, когда чудовище потеряло контроль над своей рукой.

В ту же секунду Дэн прыгнул. Он все рассчитал правильно, приземлился на плечи монстра и тут же вцепился в его густой мех. Сжав остальными руками раненое запястье, чудовище даже не заметило его.

Убедившись, что Дженис в безопасности, Дэн перехватил винтовку за ствол, поднял ее и со всей силы опустил точно на красное пятно на черепе зверя. Раздался громкий треск!

ДЭН СПРЫГНУЛ вниз и прокатился по песку, когда чудовище начало медленно валиться, как срубленная сосна. Дэн тут же вскочил на ноги, направив винтовку на упавшего монстра.

— Нет! Стой! Не стреляй!

Это был Форестер. По совиному мигая, он пытался сфокусировать глаза, лишившиеся очков, когда чудовище бросило его.

— Не стреляй! Если он жив, то у нас еще есть возможность вступить с ним в контакт!

Монстр не шевелился.

Вертолеты уже быстро спускались на пляж, издалека слышался стенающий вой сирены. Очевидно, Мальком вызвал помочь по радио. Все силы Человечества готовы были навалиться теперь на беспомощного зверя.

Первым приземлился вертолет полиции штата, из которого выскочили три человека, неся кандалы. Наручники не сомкнулись бы на толстых запястьях монстра, но кандалы пришлись ему впору. Затем приземлился второй вертолет.

Через несколько минут чудовище было сковано кандалами, защептыми на висячий замок. Потребовалась бы сила железнодорожного локомотива, чтобы разорвать такие оковы.

Монстр все еще дышал, медленно, протяжно и хрипло. Дэн стоял возле него, все еще держа винтовку наготове.

— Ну, мы наконец-то поймали его... благодаря вам, мистер Торн, — сказал один из полицейских. — Остается вопрос: что делать теперь?

Дэн повернулся и пристально глянул на Форестера.

— Первое, что хочу сделать я, так это прогуляться дубинкой по башке этого типа, — процедил он и шагнул к Форестеру, буквально прожигая его взглядом.

Но Форестер даже не глянул на Дэна Торна. Он уставился в небо.

— Смотрите! — хрипло закричал он. — Смотрите! Вон там!

Все запрокинули головы.

Над ними, высоко в небе, висело огромное, светящееся золотое яйцо и медленно опускалось вниз. Выглядело все так, будто оно хотело раздавить людей.

— Это инопланетяне! — закричал Форестер и внезапно бросился к утесам. — Бегите! Спасайтесь! — вопил он уже на бегу. — Они убьют нас всех за то, что мы причинили вред их представителю.

Услышав его истеричные крики, все бросились с пляжа. Дэн схватил Дженис за руку.

— Идем, Джен. Похоже, что эта штука приземляется на пляж, а она слишком большая, чтобы мне захотелось объявлять ей войну.

Оказавшись в безопасности под прикрытием утесов, люди смотрели, как гигантский космический корабль медленно опускается на песок. Он был гораздо больше, чем та золотистая ракета, в кото-

рой прилетело чудовище, и высился над пляжем не менее, чем на пятьдесят метров.

Наблюдая за кораблем, Дэн услышал приглушенный голос одного из армейских, говорящий по радио и приказывающий танковому корпусу окружить пляж. Такому кораблю могли нанести вред разве что крупнокалиберные пушки.

А затем из корабля послышался голос. Точнее, это был не совсем голос, и он даже не «послышался». Казалось, он просто раздался разом у всех людей в головах.

Мы видим, что вы вооружены, сказал этот жуткий телепатический голос. Пожалуйста, не стреляйте. Это все равно не принесет вам пользы, а мы не хотим никому повредить. Мы прилетели только затем, чтобы защитить вас. Я – Досс Мельвар с планеты Вибан III. Мы прилетели, чтобы забрать... Сейчас я выйду из люка, и прошу вас не стрелять.

На боку огромного золотистого звездолета открылся люк, из которого вышла какая-то фигура.

Все, разумеется, ждали, что из корабля появится копия лежащего монстра, поэтому были изумлены, увидев, что Досс Мельвар во многом походит на обычного человека.

– Вот наш шанс, – шепнул Дэн и, передав винтовку Дженис, пошел к кораблю, подняв вверх руки. – Я не вооружен! – крикнул он. – Мы просто хотим узнать, что вообще тут происходит.

Вы имеете полное право узнать это, по-прежнему телепатически ответил Досс Мельвар. Простите нас, что Кробек свободно разгуливает по вашей планете. Он очень опасен, если не обращаться с ним надлежащим образом. Надеюсь, что вы все же не убили его.

– Не думаю, что он мертв, – сказал Дэн. – Я только приложил его прикладом винтовки по красному пятну на голове.

Это хорошо, ответил Мельвар. Это как раз то место, куда подсоединяют контроллер перед использованием Кробека. Видите ли, Кробек – это органический компьютер. Когда к его мозгу подключен электронный контроллер, Кробек становится компьютером. Разумеется, Кробеки очень дорогие.

– И очень уродливые, – добавил Дэн.

Наверное, они могут показаться вам уродливыми, сказал Мельвар. Но мы вполне к ним привыкли. Они совершенно безопасны, пока находятся под контролем. А теперь, пожалуйста, позвольте нам забрать Кробека в корабль.

– С превеликим удовольствием, – сказал Дэн и великодушно добавил: – Он весь ваш.

Спасибо. Теперь, когда мы узнали, что ваша планета имеет свою цивилизацию, мы к вам вернемся. Я уверен, что мы сумеем

достигнуть соглашения к нашей взаимной выгоде. В конце концов, и тут Мельвар неожиданно улыбнулся, бизнес есть бизнес. А мы, прежде всего, бизнесмены.

Из корабля вылетел бледно-зеленый луч. Связанный Крробек поднялся в воздух и, влекомый лучом, поплыл к кораблю.

Еще раз спасибо, сказал Мельвар Досс. *И до скорого свидания.*

Он пошел к кораблю, и люк закрылся за ним. Несколько секунд спустя корабль бесшумно поднялся и исчез в небе.

Дэн обернулся и увидел, что рядом с ним стоит Дж. Экман Форестер.

— Я... Я думаю... — пролепетал Форестер.

— Ты думал, что это создание разумно, — гневно воскликнул Дэн.

— Может, это и так. Но все равно, будь ты проклят!

Больше ничего не сказав, он отвернулся от Форестера и пошел к утесам, где ждала его Дженис.

The beast with 7 tails, (Amazing Stories, 1956 № 8), пер. Андрей Бурцев

ВЗГЛЯНИ НА ДОМ СВОЙ, КОСМОНАВТ

Я УЗНАЮ эту улицу, подумал Пол. Я вернулся. Его раздражало то, что, после шести лет в космосе он не вполне был уверен, где стоит его дом.

Но улицу он узнал, уже хорошо, и тут же воспоминания волной хлынули в голову. Он вспомнил дом из разноцветных камней, трещины и неровности на тротуаре, а рядом растрепанный платан. Даже рассвет космической эры не потревожил это дерево, оно по-прежнему стояло, немыслимо изогнувшись, с торчащими кусками отслаивающейся коры.

Из-за угла вышла симпатичная девушка. На ней были просвечивающие слаксы, а рядом на радиоповодке шел большой далматинец.

— Привет, Пол, — сказала она, улыбнувшись.

— Привет, — растерянно ответил он.

Откуда она меня знает? — подумал он. Похоже, ей было не больше семнадцати, а значит, когда он ушел, ей едва-едва исполнилось одиннадцать. Но все же она сразу же узнала его.

Пол нахмурился и углубился в воспоминания. Далматинец мог быть старым псом Рейли, подумал он. Значит, эта девушка — Нэнси Рейли. Он повернулся, поглядел ей вслед и хмыкнул. Когда он уезжал, она была всего лишь худой девчонкой, прыгающей через скакалку.

Подходя к своему дому, Пол отметил, что старуха, жившая по соседству, по-прежнему качается в своем кресле-качалке на веранде, спокойно глядя куда-то вдаль.

— Привет, Пол, — сказала она, заметив его. — Хорошая погодка, не так ли?

— Конечно, — пробормотал он, потрясенный, и ускорил шаги.

Он даже не помнил ее имени — но она-то знала его! Что-то здесь было чертовски не так! Как все они могут помнить его?

Он поднялся по знакомым ступенькам крыльца. Одна, вторая, третья (немного надтреснутая), четвертая, пятая (чуть деформированная), шестая. Старый половик лежал на своем обычном месте.

Пол тщательно вытер об него ноги, как его учили делать много лет назад, пригладил волосы, расправил плечи, откашлялся и нажал кнопку звонка. Потом стал ждать.

Ждать почти не пришлось. Почти сразу же Пол услышал звук ног, подходящих к двери. Это мать или брат?

— невольно подумал он и тут же решил: *Наверное, брат Джим. Мама вряд ли теперь такая подвижная*. Он еще раз потренировал крепкое рукопожатие, которое подготовил для брата. Я схвату руку Джима и стану сжимать, пока он не закричит условное слово «дядя».

— Кто там? — послышался из-за двери мужской голос.

— Это я, Пол. Я приехал в отпуск.

Дверь медленно открылась.

Пораженный ужасом, Пол уставился на человека, стоявшего на пороге, а человек так же глядел на него. Так они стояли, как замороженные, глядя друг на друга.

Пол смотрел на себя самого.

НЕ СОВСЕМ на себя, решил Пол, когда прошло первое потрясение. В дверях стояла его младшая версия, с более узкими плечами и более бледным лицом (теперь же Пол гордился своим мужественным космическим загаром). Мертвенно бледный шрам был только на лбу Пола, но не его двойника. Тот был пониже и как-то помягче.

— Кто вы? — спросил этот двойник.

Голос его тоже мягче моего, отметил про себя Пол. Он все еще был ошеломлен и ничего не понимал. Все это было безумно, просто нереально.

— Я мог бы спросить вас то же самое, — натянуто сказал Пол и сделал было шаг, чтобы войти в дом, но тот, другой Пол шагнул назад и чуть прикрыл дверь.

— Я Пол Робинсон, — сказал тогда Пол. — Я жил здесь раньше. Шесть лет я провел в космосе, но теперь вернулся домой. Может, вы мне объясните, какого черта здесь творится?

— Простите, — мягко сказал другой Пол, — но это я Пол Робинсон. И я никогда никуда не уезжал. А теперь, пожалуйста, уходите, пока не потревожили мою мать.

— Вашу мать? — чуть ли не с ужасом выдохнул Пол. — Не знаю, что это за шутки, но с меня достаточно. Уйдите с дороги.

И он попытался притиснуться в дом мимо другого Пола.

Look Homeward, Spaceman

By CALVIN KNOX

Fine thing! When a man spends six long years away from his hearthside—roaming the far reaches of outer space—and then returns home to find that even his mother didn't know he'd gone beyond the front gate!

He held his ground as the relentless horde advanced.

— Потише парень, — раздался позади спокойный голос, голос, который Пол тут же узнал. — Не закатывай сцен.

— Джим! — воскликнул Пол. — Джим!

Он повернулся, чтобы поскорее увидеть того, кого действительно знал, а то вся эта сцена и невинный облик дома вселял в Пола ужас больше, чем все его похождения на чужих планетах.

Он повернулся и ринулся к старшему брату, но Джим увернулся от него и, подойдя к другому Полу, внезапным движением сунул руку ему за спину.

— Так это робот! — удивленно сказал Пол. — Робот, копирующий меня!

— Да, — кивнул Джим и, наконец-то повернулся к Полу.

Пол смотрел на брата, на своего старшего брата, с которым он рос, которому поклонялся, с которым боролся и, наконец, протянул ему руку, протянул с вызовом, жестом, который он столько раз тренировал. Джим протянул руку в ответ, и Пол крепко сжал ее.

Ответного пожатия Джима Пол почти не заметил, настолько оно было слабое и вялое. Джим же вздрогнул, сморщил лицо и попытался вырвать руку, но Пол стискивал ее все сильнее и сильнее, упиваясь своей новой силой.

И Джим не выдержал.

— Дядя! Дядя! — закричал он.

— Наконец-то, — сказал Пол, разжал руку и широко улыбнулся. — В конце концов, я хоть раз, но заставил тебя закричать «дядя», Джим.

— Молодое поколение всегда побеждает в конечном итоге, Пол, — пожал плечами Джим. — Я испугался космоса, а он сделал из тебя человека, мужчину. Ты приехал надолго?

— У меня двухдневный отпуск, — сказал Пол, недоуменно поглядывая на замершего робота. — Затем мы снова полетим на Ригель. Великое колесо межзвездной коммерции решило, что может обойтись без своего крохотного винтика всего лишь на пару деньков.

Джим уже не был тем мощным гигантом, каким оставался в памяти Пола. За шесть лет он ссутулился и стал как-то ниже. И Пола поразило сквозившее в его взгляде одиночество. Джим тоже хотел улететь в космос, но они решили, что полететь может только кто-то один, а второй останется с матерью. Все думали, что полетит Джим, но Джим подождал, пока Пол подрастет, потом они вместе держали экзамены, и показатели Пола оказались гораздо выше его.

Вот Джим и остался с матерью. Вдвоем жили они в старом, темном доме, с мебелью двадцатого века, старомодной утварью и древним платаном, пока Пол летал к Денебу, Проциону и несметному числу других ярких звезд. Иногда в космосе Пол вспоминал и Джиме и гадал, как он там проводит время, заполняя одинокий

круговорот своих дней. Теперь он видел, что годы сурово обошлись с Джимом.

— Я пригласил друга на завтрашний прощальный ужин, перед тем, как мы вернемся на корабль Джека Феннера, моего напарника. Но скажи мне, — Пол повернулся к роботу, застывшему в тени, и ему показалось, что несказанные слова застыли на пластиковых губах машины, — скажи, что делает здесь эта штука. Это был просто кошмар, когда робот открыл мне дверь.

Джим глухо рассмеялся.

— Я купил его сразу после твоего отъезда. Какое-то время нам было трудно, Пол. Первую неделю мать ужасно скучала по тебе. Она даже заболела от волнения за тебя.

— Ничего этого не было в ее письмах, — сказал Пол.

— Разумеется, не было. Мы не стали бы ничего тебе рассказывать. Я сам писал эти письма. Она так болела, врачи даже говорили, что она не выживет, если ты не вернешься из космоса. Но я не посмел просить тебя вернуться... я никогда бы не поступил так со своим братом... Поэтому я купил робота и переделал его, чтобы он стал походить на тебя. Матери я сказал, что ты вернулся, что твой полет отменили, в общем, что-то такое. И она поверила. Жили мы скромно, я смог даже немного накопить денег. Сначала я думал о женитьбе и копил на свадьбу. Но потом понял, что свое счастье я бы выстроил за счет тебя и матери, а этого я сделать не смог, понимаешь, Пол? Девушка потом вышла замуж за кого-то другого. И она даже счастлива.

— Понятно, — сказал Пол, опустился в глубокое, мягкое кресло и уставился на свою неподвижную копию, стоявшую возле брата. — Значит, все эти годы люди считали, что я по-прежнему живу здесь. Вот почему Нэнси Рейли так запросто сказал мне «привет», а старуха-соседка заговорила о погоде. Что происходит...

— Джим! — крикнул сверху чей-то голос. — Кто там пришел, Джим?

— Спускайся сюда, мама, — закричал в ответ Джим. — У меня есть для тебя кое-что удивительное.

— Что ты собираешься делать? — прошептал Пол. — А что, если она спросит меня о чем-то, чего я не знаю? И разве нам не нужно сначала спрятать робота?

— Нет, — сказал Джим. — Это единственный способ. Я хочу, чтобы она увидела вас обоих, я хочу открыть ей правду после стольких лет притворства. Теперь с ней все в порядке. Она все сможет понять и принять.

— Но что будет после того, как я снова улечу? Будет ли она готова поверить в робота?

— Я знаю, что делаю, — сказал Джим. — А вот и она.

Пол повернулся и увидел мать.

— Привет, мама, — сказал он, и почувствовал, что рад снова увидеть ее.

Она нисколько не постарела, она вообще почти не изменилась.

— Я дома, — добавил Пол.

Мать пристально поглядела на его белый шрам на лбу, затем на робота, потом снова на него и, наконец, на Джима.

— Кто это, Джим? — спросила она.

Голос ее был такой же ясный и сильный, как прежде.

— Это Пол, мама, — сказал Джим. — Он шесть лет пробыл в космосе. После его отъезда я купил робота, чтобы ты не переживала так за него.

Полу показалось, что тени старого дома уставились на них со всех сторон.

— Это правда, Пол? — сурово спросила мать.

— Да, мама, — сказал Пол и прошелся по комнате, глядя на знакомые старые вещи, впитывая запах дома и домашнее тепло.

— Ты хочешь сказать, что обманывал меня, Джим? — требовательно спросила мать.

ДЖИМ КИВНУЛ.

— Так было нужно.

Старуха мгновение молчала, о чем-то думая, затем рассмеялась.

— Ты правильно сделал. — Она обняла Пола. — Так хорошо снова увидеть тебя, хотя все это время ты и не покидал меня. Ты выглядишь просто замечательно, кроме... кроме...

— Кроме этого? — Пол тронул свой шрам. — Мама, я получил за этот Космический Крест. Туземцы на Денебе воспротивились нашим попыткам торговать с ними. Ну, мы им там показали.

— И ты дрался, Пол?

— Да, мама.

Пол вдруг почувствовал себя школьником, который подрался со сверстниками, а не космонавтом, воевавшим с инопланетными жителями.

И пока он молча стоял, память о прошедших в космосе годах широкой волной разливалась в нем.

Он стоял посреди широкого поля ярко-красной травы, пот заливал ему спину, и взмокшая форма прилипла к телу. Жаркие лучи Денеба заливали все вокруг.

Пол стоял, глядя, как на него надвигаются жилистые зеленые люди. Сердце его колотилось, но он не был напуган. Его работой было охранять, и он собирался выполнить ее. А позади высыпал блестящий корпус огромного корабля, в котором спал экипаж.

Денебиане подходили все ближе.

— Назад! — закричал Пол.

Они проигнорировали его приказ.

Это были худые гуманоиды с длинными, гротескными черепами и ужасными, глубоко посаженными глазами. Они подходили все ближе и ближе. Пол достал пистолет и махнул им.

Внезапно один из них прыгнул, и Пол почувствовал тошнотворный, чуждый запах, вскинул пистолет, выстрелил, затем отпихнул труп. Тот упал.

А затем, внезапно, все окружили его, махая руками, царапаясь и неистово крича. Пробившись через толпу, Пол прислонился спиной к высокому дереву *друлла* и принял стрелять в невнятно бормочущую толпу. Кто-то упал, но остальные продолжали наседать.

Затем у Пола кончились патроны, а из леса выливалось все больше денебиан. Схватив пистолет за ствол, Пол злобно принял разбивать им черепа и лица рукояткой, ощущая при этом дикое ликование. А они все наседали, Пол почувствовал, как чей-то коготь разодрал ему лоб. Кровь текла в глаза, он ослеп, но сквозь кровавый туман увидел, как экипаж спешит ему на помощь.

Когда все кончилось, Пол стал героем. И он почти не боялся, по крайней мере, там было не так страшно, как здесь, на Земле, в его собственном доме, причем он даже понять не мог, по какой причине чувствует этот страх. Над домом нависла какая-то зловещая атмосфера, и Полу это не нравилось. Ситуация все больше тяготила его.

Пол сел на ступеньки рядом с матерью, положив ногу на ногу и подставив лицо теплому солнцу.

— У меня двухдневный отпуск, — сказал он.

— Прекрасно, Пол, — тихо ответила мать. — Я рада повидать тебя даже на такое короткое время.

Пол встал и обнял ее так осторожно, словно она была вся из мыльных пузырей.

— Ты, наверное, проголодался. Пойдем, — сказала она, направляясь на кухню.

Джим, улыбаясь, пошел за ней, в то время как робот остался застывшим в своем углу.

— Знаешь, Пол, — сказала мать, — все годы я любила эту штуку-вину так, словно это был мой собственный сын. И так и не увидела разницы. Великая штука — наука, знаешь ли.

Пол встревоженно кивнул. Идея подмены все еще казалась ему слишком дикой, чтобы принять ее так же легко, как это сделала мать.

— Куда же ты отправишься завтра? — спросила она.

— Сначала на Сириус, — ответил Пол. — Для переукомплектации. А затем на Процион, потом обратно на Денеб для небольшой зачистки, потом ненадолго на Ригель. — Он бросил взгляд на Джима и понял, что тот мысленно представляет себе эти звезды, свои давно угасшие мечты. — На Денебе, должно быть, началась настоящая заварушка, — продолжал Пол. — Я пригласил к нам на завтрашний ужин своего напарника, прежде чем мы уедем. Он расскажет вам о Денебе.

— Пол? — Мать пристально, встревоженно поглядела на него.

— Да, мама?

Она мгновение помолчала, словно подыскивая слова, затем сказала:

— Пол, а тебе обязательно возвращаться в космос?

— *Что?*

— Я хотела сказать, Пол, что когда ты завтра уедешь, у меня снова останется только робот. А я уже буду знать, что он не настоящий. Так или иначе, он будет лишь половиной моего сына. Я вовсе не стремлюсь вернуть себе маленького мальчика. Мне нужен мужчина, побывавший в космосе. Оставайся здесь, с нами. Я сохранила твою комнату, в ней все, как было раньше. Все твои книги, твой письменный стол стоит на прежнем месте, есть даже яркое одеяло, которое так тебе нравилось. Неужели тебе мало шести лет в космосе?

Пол сердито взглянул на брата. *Зачем Джим вообще открыл ей правду?* Почему он не захотел и дальше поддерживать свой обман? Неужели Джим сделал это специально, только чтобы сделать мне больно? Может, после всех этих лет самопожертвования он решил так отомстить мне?

— Я хочу, чтобы ты забыл о космосе. Я больше не хочу заменять тебя роботом, я хочу своего сына. — Ясные, голубые глаза матери ничуть не потускнели от возраста, но теперь были затуманены слезами.

— Ты не можешь требовать этого от меня, — сказал Пол, с трудом шевеля губами. — Это моя жизнь, и я *не могу* бросить ее и остаться прикованным к Земле. Я покинул Землю навсегда.

— Останься здесь ради меня, Пол.

Он скрестил руки на груди.

— Нет, не могу даже ради тебя, мама. Это не честно, просить, чтобы я бросил все, что составляет мою жизнь. А космос и есть для меня *все*.

— Тебе понравится здесь, Пол. Уже через месяц ты забудешь о космосе, — принялась упрашивать мать, льстиво, обольстительно, отчаянно пытаясь удержать его рядом с собой.

— Мне жаль, что я вообще пришел сюда, — глухо сказал Пол.

Он подошел к окну. Солнце еще спускалось за горизонт, и космодром вдалеке был словно нарисован тускло-оранжевой краской на фоне умирающего дня. Пол посмотрел на серебристо-красные корабли с указывающими в небо носами.

— Почему ты хочешь удержать меня здесь? — спросил он. — Я не хочу причинять тебе боль, но...

— Я знаю, — сказала мать. — Опять все та же история. Ты всегда был эгоистом, Пол. Ты позволил своему брату принести себя в жертву ради тебя, и никогда не испытывал за это благодарности. И ты никогда не слушался меня. Мои просьбы ничего не значили для тебя.

Пол молча переводил взгляд с нее на брата и обратно. Зачем они мучают его? Почему возвращение домой стало таким кошмаром?

— Я не позволю вам так обращаться со мной, — резко бросил Пол и направился к выходу, прошел мимо неподвижного робота и сильно хлопнул дверью.

На крыльце он остановился и с горечью посмотрел на тихую провинциальную улицу, думая о том, почему они так поступили с ним.

Трудно бороться с собственной матерью, гораздо труднее, чем с целым миром, наполненным зелеными денебианами.

— **ЕСЛИ БЫ Я** знал, что так будет, Пол...

— Брось, Джим.

— Я не знал...

— Я сказал, проехали, Джим. — Пол холодно посмотрел на брата.

— Я знаю, зачем ты это сделал, — через секунду добавил он. — Ты хочешь, чтобы я остался здесь, тогда ты сможешь уехать, верно? Ты боишься оставить мать наедине с сыновьями-роботами, а потому хочешь, чтобы я занял твоё место. Нет, это не пройдет. Ты сам выбрал свою судьбу и теперь должен жить своей жизнью.

— Да ничего подобного! — воскликнул Джим. — Ты ничего не понимаешь. Я не хочу уезжать из дома. Я *не могу* уехать. Я связан здесь по рукам и ногам. Я прожил здесь всю свою жизнь. Этот дом врос в меня. Мне уже тридцать пять, Пол. Я иду по своей колее и не могу свернуть в сторону. Я не могу тебе выразить, как этот дом зна-

чит для меня со всем, что в нем. Мать, мебель, книги, даже робот... Я не могу объяснить это так, чтобы ты понял.

— Ну и не надо, Джим, — успокаиваясь, сказал Пол. — Лучше пойдем, поедим.

Миссис Робинсон приготовила щедрый завтрак, все блюда, которые, как она помнила, любил Пол, но ели они в каменной тишине. Пол не сводил глаз с тарелки, а мать накладывала ему еду, не говоря ни слова. Когда они поели, Пол собрал тарелки и положил их в мойку, затем снова сел за стол.

Потом резко встал и ушел в свою старую комнату. Он расхаживал по ней, снова знакомясь с вещами, которые любил много лет назад, прокрутил одну из любимых записей, сидя на своем любимом стуле. Затем спустился вниз.

Мать занималась уборкой, а Джим молча стоял в углу.

— Почему у вас нет электронного полотера? — спросил Пол.

— Надо же мне что-то делать, чтобы не скучать, — буркнула мать, продолжая вытираять пыль. — Во сколько приедет твой напарник?

— Феннер? Не знаю. Он уехал в Вилмет навестить семью, и, вероятно, скоро появится здесь. Старт завтра в восемь утра, но все должны быть на борту корабля к двадцати двум часам.

— Это значит, тебе нужно уйти примерно в половину восьмого вечера, чтобы вовремя добраться до космодрома, — сказала мать.

Какое-то время она продолжала уборку, затем, посчитав дело сделанным, убрала пылевую тряпку.

— Моя комната выглядит просто замечательно, — сказал Пол. — Так же, как и всегда.

— Я так и думала, что тебе понравится, — сказала мать. — Поспал хорошо?

— Чудесно. Нет ничего лучше, чем выспаться дома, после шести лет жесткой койки на звездолете.

— Да, — эхом отозвалась мать. — Нет ничего лучше.

Они помолчали. Когда тишина стала почти непереносимой, ее разорвал дверной звонок. Пол открыл дверь, и в дом ворвался Джек Феннер.

ЭТО БЫЛ невысокий, но жилистый человек, с широкой улыбкой, космическим загаром на лице и острым носом. На нем была небрежно сидящая форма Космических Ветеранов.

— Должно быть, вы миссис Робинсон, — сказал он. — Стрелок много рассказывал о вас.

— Стрелок?

— А он вам не сказал. Мы дали ему эту кличку после заварушки на Денебе.

— Он почти ничего не рассказывал нам о Денебе, — сказал Джим. Феннер взглянул на него.

— О, привет. А ты, должно быть, Джим, брат Стрелка. Это ведь именно ты научил его пользоваться оружием?

— Так оно и было, — с гордостью воскликнул Джим, а Пол нахмурился.

— Так вы хотите сказать, что он ничего не рассказывал вам о Денебе? — удивленно спросил Феннер. — Первый человек у нас на корабле, получивший Космический Крест, и он ни чего вам не рассказал? Два ведь когда денебиане напали на нас, он удерживал их в одиночку с двумя пистолетами, а потом, когд кончились патроны, использовал пистолеты в качестве дубинок, пока мы не подоспели ему на помощь.

— Ты не говорил мне об этом, Пол, — обвиняющим тоном сказала миссис Робинсон.

— Простите, я не хотел вас обидеть, — поспешил сказать Феннер. — Так вы не знали, что ваш сын — герой? Черт, Стрелок, на корабле ты не был таким застенчивым. Всякий раз, когда мы...

— Джек, — резко оборвал его Пол.

— Но ты же сам разнес эту историю по всему космосу, — недоуменно посмотрел на него Феннер. — И ты никогда не снимал медаль. Думаю, ты и в душе мылся с ней, так ты гордился этой наградой.

— Так ты у нас герой, Пол? Почему ты ничего не рассказал мне об этом?

Пол сознательно проигнорировал вопрос Джима и повернулся к Феннеру.

— А как твоя семья, Джек?

— Ну, дома мало кто остался. Ты же знаешь, большинство моих родственников тоже космонавты. Только тетка и младший братишко. Но брат через месяц улетит на Центавр и оставит тетку одну. Плохо, когда все разлетаются по космосу, и в доме остается только кто-то один, как моя тетя. Правда, у нее есть кошки. Две здоровенные персидские кошки, так что после отъезда моего брата они станут для нее, как дети. А скажите, миссис Робинсон, почему бы вам не позвонить моей тетке. Познакомитесь, встретитесь. Мне кажется, она вам понравится. — Он поспешил начеркнуть что-то на листке бумаги. — Вот ее номер. Миссис Грэйс Феннер в Вилмете. Позвоните ей как-нибудь. Она любит принимать гостей, и особенно будет горда принять мать Стрелка.

— Спасибо, Джек, — сказала миссис Робинсон и взяла листок. — Я позвоню ей. Но вы, должно быть, ужасно голодны, Джек. Давайте обедать, а поговорить можно и позже.

— Превосходно, — сказал Феннер. — О ваших блюдах я слышал всю дорогу от Денеба.

Он прошел за ней на кухню, Пол с братом последовали следом. Джим дал Полу легкий толчок в плечо, пока они входили, игравший, словно и не было всех этих лет.

После еды, когда солнце уже клонилось к горизонту, Феннер встал, удовлетворенно вздохнул и заявил:

— Очень не хочется убегать от всего этого, но мне нужно заскочить еще в одно местечко прежде, чем я вернусь на корабль. Спасибо за все, миссис Робинсон. Я надеюсь получить от вас повторное приглашение, когда мы в следующий раз будем на Земле. Пока, Джим. — И он повернулся к Полу. — В двадцать два ноль-ноль увидимся на борту, Стрелок. Пока.

— Не увидимся, — медленно проговорил Пол.

— Что? — Феннер повернулся и изумленно уставился на него. — Но ты ведь не собираешься оставаться?

— Да. Я пенсионер. И я решил остаться дома. Я достаточно побродил по космосу, — размеренно сказал он. — Теперь я собираюсь угомониться.

— Ты шутишь, — упавшим голосом сказал Феннер.

Миссис Робинсон тоже уставилась на Пола.

— Так ты не улетаешь?

— Нет.

— Да, — тут же сказал Джим. — Это просто небольшая шутка. Полу захотелось посмотреть на вашу реакцию. Он заранее предупредил меня. Разумеется, он летит.

Он тайком, больно, пнул брата по ноге, и Полу с трудом удалось не вздрогнуть. Он глянул на Джима. Джим качнул головой так, что это заметил лишь Пол.

— Просто небольшая шутка, — внезапно охрипшим голосом сказал Пол. — Разумеется, я лечу.

Но ведь я уже готов оставаться, подумал он.

— Я уверена, что потом ты вернешься, — сказала мать. — Герои ведь всегда возвращаются, правда? Ты выполнишь задание на Денебе, вы прилетите на Землю, и ты заскочишь домой, чтобы полакомиться моей стряпней. Я буду ждать.

Она рассмеялась, и Феннер тоже захихикал.

— Тебе пора собираться, — сказала мать. — Ведь ты же не хочешь опоздать на корабль.

От нее исходило какое-то слабое ощущение спокойствия, и Пол, наконец, сумел сбросить мрачную маску и облегченно улыбнуться. Он чувствовал себя так, словно с его плеч сняли тяжкий груз.

ВЗОШЛО СОЛНЦЕ, корабли на далеком взлетном поле ярко сверкали на фоне безоблачного синего неба. Миссис Робинсон смотрела в открытое окно, чуть прищурившись, потому что космодром находился далеко, и в утреннем свете было трудно что-либо разглядеть. Но она все смотрела, а когда стрелки часов показали ровно восемь утра, один из кораблей внезапно стал медленно подниматься, секунду постоял на хвосте пламени и рванулся в бездонное небо, почти мгновенно исчезнув из виду.

Она повернулась. Джим стоял рядом. Она посмотрела мимо него в раскрытую дверь опустевшей комнаты Пола, где на кровати лежала брошенная им пижама.

— Вот и закончилась наша маленькая игра, — сказала она. — Я рада.

— Я тоже рад, — сказал Джим. — Интересно было наблюдать, как он реагирует. Его лицо вытянулось чуть ли не выше крыши, когда дверь открыл его двойник. Но все же он больше не прежний эгоистичный Пол. Он вырос и возмужал. Сначала я этого не понял, но потом, когда он внезапно заявил, что остается... Целую минуту я ужасно волновался, думая, что будет, если он действительно останется с нами? — И Джим содрогнулся при этой мысли.

— Это бы все страшно усложнило, — сказала мать. — Это совершенно испортило бы нашу такую хорошую программу. Представляешь, он спускается из спальни и видит двух плохо функционирующих роботов. Да, через пару дней он ожесточится настолько, что отключит нас.

Они спустились вниз в гостиную, мать и сын, Джим достал ключ и активировал Пола-робота. Робот закончил слово, на котором прервался и пошевелил конечностями.

— Семья снова в сборе, — сказал Джим.

— Как хорошо опять двигаться, — сказал Пол-робот.

Миссис Робинсон повернулась к старшему сыну.

— Тебе нужно подзарядить и меня, Джим, — сказала она. — Я стану теперь каждый день спускаться из спальни.

Джим открыл панель на ее спине и коснулся ключом зарядных контактов.

— Там тебе еще хватит энергии на много дней, мама. — Он протянул руки и обнял ее и брата. — Теперь мы можем спокойно исполнить нашу семейную программу до следующего отпуска Пола. А тогда опять поиграем.

Он посмотрел на Пола-робота и мать-робота, затем на уютные четыре стены, которые ограничивали его небольшой мирок. Как хорошо иметь мать, брата и дом! Он любил их всю свою жизнь. Собственно, в них и была его жизнь. Джим тепло улыбнулся и подумал о бедном Поле, который будет снова бороться за жизнь на жарких, неуютных чужих планетах.

Потом обнял их еще сильнее.

— Я просто выразить не могу, что вы значите для меня,— пробормотал он. — Вы оба.

И в голосе его звучали настоящие чувства.

*Look homeward, spaceman, (Amazing Stories, 1956 № 8), prep.
Андрей Бурцев*

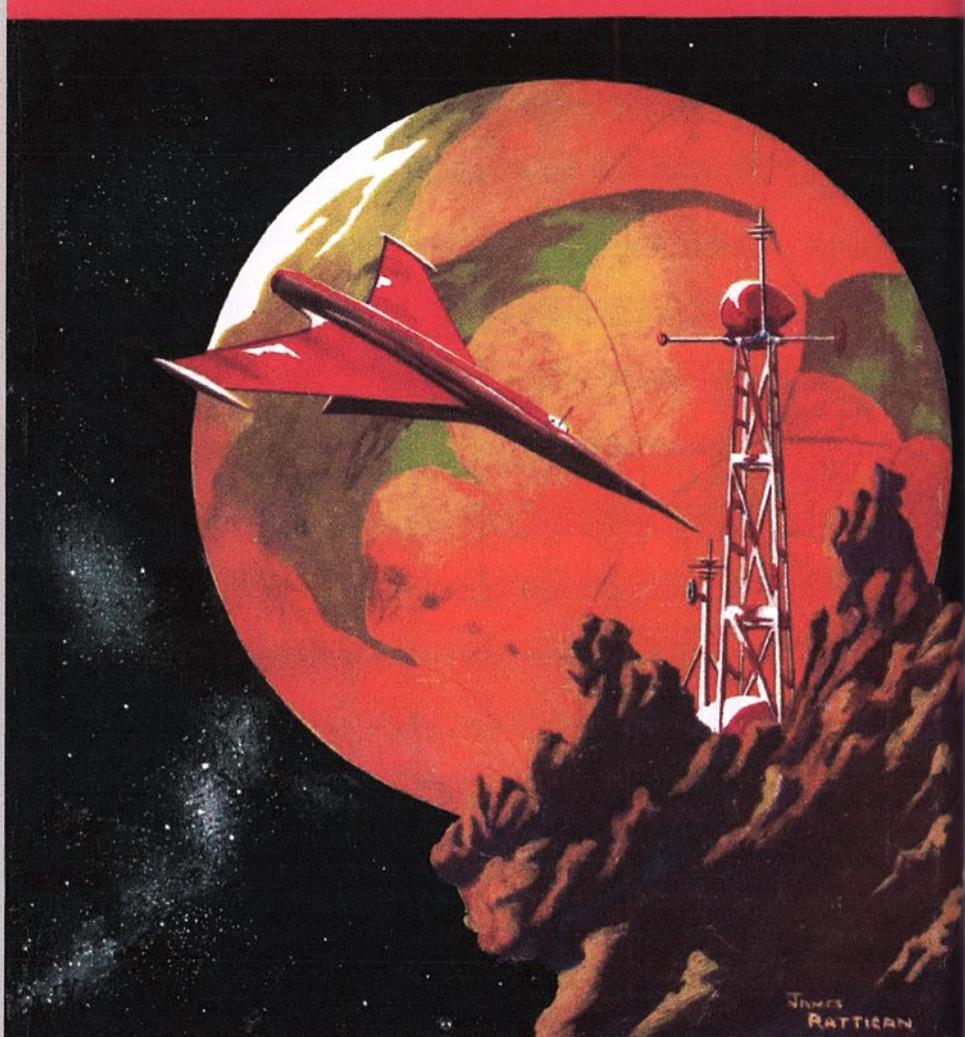
NEBULA

BI-MONTHLY

SCIENCE FICTION

2/-

NUMBER 16

JAMES
RATTIGAN

STORIES BY SYDNEY J. BOUNDS, E. C. TUBB, ETC.

ВСЕГДА

— Я НАДЕЮСЬ, у вас сегодня хорошее настроение, мистер Джордж Маркс, — сказал диктор из телевизора. — Ведь сегодня ваш день удачи!

Джордж Маркс удивленно оторвался от размышлений, услышав свое имя. С тех пор, как умерла его мать, он постоянно пялился в телевизор, тупо глядел на движущиеся изображения, а мысли покачивались на волнах большого залива одиночества, внезапно открывшегося перед ним: унылая перспектива тянуть лямку еще сорок-пятьдесят лет совершенно одному, без матери.

— Да, мистер Маркс, — продолжал диктор, глядя в камеру кристально-чистыми глазами, словно из всего мира он говорил только для Джорджа, — победителем Великой Лотереи оказался не кто иной, как именно вы!

У Маркса сперло дыхание. Ежегодно он покупал лотерейный билет, потому что их покупали все. В 1983-м он выиграл десятитысячный приз, и они с матерью целую неделю провели в отпуске на Сиделле. В 1989-м ему снова повезло, на сей раз он оторвал двенадцать тысяч, и они совершили турне по Солнечной системе. Но все остальные годы он регулярно платил за билет три кредита и регулярно вытягивал пустышку.

— Главным Призом этого года является... вы лучше сядьте, мистер Маркс, а то свалитесь с катушек... является... вы уже сидите?.. маленькая, необитаемая, чудесная планетка земного типа в системе Проциона! Вы слышите, мистер Маркс? Вся эта планета — ваша собственность!

Вся планета — моя собственность! Если бы только мать могла... — начал было Джордж, но тут же оборвал эти мысли. Я должен научиться не думать о ней. И он попытался сосредоточиться на словах диктора.

— А теперь, дамы и джентльмены, послушайте немного о нашем счастливом победителе. Джордж Маркс, тридцать шесть лет, в браке не состоит, живет с матерью в Северных Аппалахах. Работает клерком в Генеральном Потребительском Банке Северных Аппалачей, ранее уже побеждал в Лотереях в 2183-м и 2189-м годах, так что удача — его старая знакомая! Мистер Маркс, если завтра вы заjdете в ближайшее отделение Лотереи, то для вас будут готовы все документы для посещения вами вашей личной планеты. А теперь о втором победителе. Держитесь, леди и джентльмены, потому что второй приз в лотерее отхватил счастливчик...

Джордж выключил телевизор и откинулся на спинку кресла, глядя на качающийся маятник антикварных швейцарских часов,

висевших на стене. Они показывали 8:03. Джордж машинально перевел старомодную систему на современную и узнал, что сейчас 20:03 по Стандартному Времени Аппалачей.

Король Джордж. Приятно звучит. Маленькая, необитаемая планета в системе Проциона, а? Скорее всего, невероятно изобильная планета. Впервые со смерти матери Джордж почувствовал себя сильным и независимым. Он решил стать фермером. А что? Переедет на свою новую планету (в отличие от большинства обладателей Главного Приза, который немедленно продали бы свой выигрыш) и будет жить там, спокойно и одиноко. Разумеется, подумал Джордж, лучше жить в одиночестве, как король, чем в одиночестве, как банковский служащий!

Он станет пионером, построит дом, будет пахать землю, купаться, ловить рыбу и вообще жить так, как хочет. Внезапно в его жизни появилось какое-то новое значение.

Разумеется, тогда он больше не сможет посещать могилу матери. *Но она поняла бы*, подумал Джордж, кратко рассмотрев идею взять с собой ее прах и перезахоронить на новой планете, но тут же отвергнув эту идею, как непрактичную и даже нелепую.

She would never leave him for as long as his life would last

Зазвонил телефон.

Конечно, это кто-то из банка, а может, одна из

Always

Illustrated by Arthur Thomson

старых подружек матери спешит с поздравлениями. *Ну и пусть себе звонит*, подумал Джордж. *Не нужны мне никакие поздравления*.

И он начал составлять список вещей, которые возьмет с собой. Личные вещи, книги и все то, что требуется, чтобы начать новую жизнь на новой планете. *Кстати, планете нужно дать имя*, подумал Джордж. *Процион VI звучит холодно и чуждо. Назвать ее именем матери? Нет*, Джордж даже помотал головой. *Планета по имени Фрида – дикость какая!*

Список вещей все рос и рос, пока старинные часы не пробили 11:00, что Джордж тут же мысленно перевел, как 23:00, время ложиться спать. Спал он беспокойно, даже во сне труба звала его вперед.

НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ возникли при транспортировке всего того, что Джордж хотел взять с собой, но служащие Лотереи были настолько любезны, что согласились оплатить дополнительные издержки. Джордж в последний раз съездил на могилу матери, где разыгралась неприятная сцена, когда какие-то фотокорреспонденты захотели сделать снимки его «последнего прости», а от могилы Джордж направился прямо в космопорт.

Никто не махал рукой ему на прощание.

ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫЙ, чистый и свежий был воздух на Проционе VI (Джордж так и не подобрал планете название). Это и в самом деле была планета земного типа, меньше Земли, но с большей плотностью, так что сила тяжести на ней была примерно один «же», соотношение кислорода к азоту было прекрасным, земля плодородной, а уж растительность выше всяких похвал. Эта планета была бы прекрасным местом для колонизации, если бы до нее первыми не добралась Великая Лотерея. И потому, что Лотерея была самой мощной силой на Земле – ежегодно, а то и два раза в год свыше миллиарда человек покупали ее билеты – она выбрала эту планету

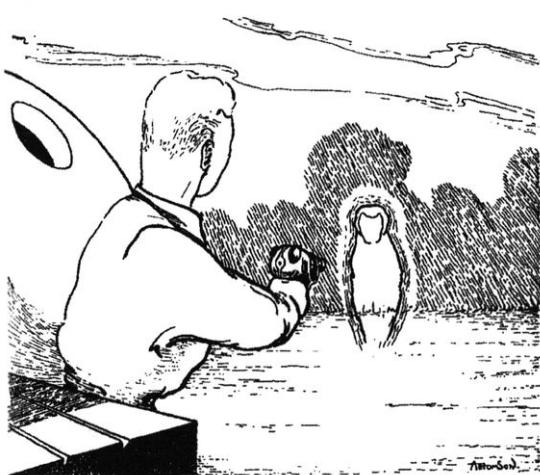
в качестве Главного Приза, и теперь счастливчик мог делать с ней все, что захочет.

Экипаж корабля помог Джорджу за несколько часов установить стандартный, сборный дом (идею построить дом самому Джордж давно уже отмел), а затем корабль улетел, предварительно проверив, работает ли рация Джорджа – на Проциона II

существовала колония, и радио ему дали на тот случай, если уж Джорджу станет очень одиноко. Но он заверил космонавтов, что он совершенно не жаждет никакой компании – он твердил это с самого начала полета к неудовольствию экипажа корабля, – и корабль улетел, оставив Джорджа сидеть с некоторым облегчением на куче чемоданов, коробок и ящиков у порога нового дома на его собственной планете.

Дом был поставлен на естественной поляне у небольшой, но быстрой реки, в сотне метров от густых, богатых разнообразной растительностью джунглей. Служащие Лотереи заверили его, что планета населена лишь немногими видами мелких животных и рыб. Так что Джордж планировал жить за счет охоты и сельского хозяйства, как только закончатся привезенные с собой запасы синтетического продовольствия.

В одном из ящиков Джордж нашел раскладную кровать. Джордж занес ее в дом и установил в одном углу спальни. Выйдя же снова

наружу, он был поражен, когда окружающую тишину внезапно нарушил приятный, музыкальный голос.

— Джордж!.. Иди сюда, Джордж, — промурлыкал этот голос.

Джордж медленно, не веря своим ушам, повернулся и увидел распростершееся на мягкой траве метрах в двадцати от дома нечто похожее на прекрасное женское тело. И эта женщина звала его по имени.

Галлюцинация, подумал Джордж, направляясь к ней и нервно кусая губы. Женщина была белокурой, молодой, прекрасно сложенной и почти походила на мисс Роббинс из банка, только волосы у нее были светлее, грудь выше, а зубы белые и ровные, в отличие от мисс Роббинс.

— Я так рада, что ты здесь, Джордж, — сказала женщина, чувственно извиваясь. — Я *так долго* ждала тебя.

Джордж смотрел на нее во все глаза. Она манила его руками, он был уже так близко, что чувствовал нежный аромат ее духов, видел цвет ее прекрасных глаз.

Один глаз был голубым, а другой карим.

Но в ту же секунду, как Джордж заметил несоответствие, карий глаз немедленно стал голубым.

Затем Джордж заметил, что женщина не дышала, но тут же грудь ее принялась подниматься и опадать.

Дул довольно сильный ветерок, но волосы ее оставались неподвижными, словно были сделаны из медной проволоки. Однако, как только Джордж обратил на это внимание, волосы заколыхались на ветру.

— Иди же сюда, Джордж, — сказала она, и этому зову было трудно сопротивляться.

Но все же Джордж сделал несколько шагов назад. Он уже слышал легенды о космических сиренах. Странные неземные чудовища используют телепатию, чтобы заставлять землян самих шагать на встречу гибели. Ни одна из этих легенд никогда не была документально подтверждена, это были всего лишь рассказы старых, седых космических волков. И Джордж почувствовал вспышку гнева. Ну, почему это должно было случиться с ним на его собственной планете, на планете, которая, как ему сказали, была необитаема, планете, которая должна была стать его королевством, его частным мирком!

— Джордж? — женщина привстала и подалась вперед, чуть ли не корчась от нетерпения.

— Ты — монстр! — сказал ей Джордж.

И тут же в его голове возник яркий образ какой-то серой рептилии, медленно выползающей из земли, с кучей щупалец, как у кальмара, большими глазами навыкате и сырым могильным запахом невероятно древнего существа.

Девушка внезапно исчезла, растаяла, а ее место занял монстр, которого Джордж только что вообразил. Реакция Джорджа была мгновенной и инстинктивной.

— Мама! — завопил он, зажмуриваясь и закрывая руками лицо.
— Мамочка!

Когда он открыл глаза, перед ним стояла, нежно улыбаясь, знакомая фигура в старом лавандовом платье, какое мать носила незадолго до своей смерти. Волосы ее были, как обычно, слегка растрепаны, но, в целом, сходство с матерью было почти полным. Джордж уставился на нее, чувствуя в груди смесь гнева и ужаса, затем не выдержал и рванулся в дом.

— Джордж, дорогой! Почему ты убегаешь от меня? — донеслось ему вслед.

Джордж влетел в дом через открытую дверную раму — он еще не установил дверь, — и принялся вскрывать ящик, в котором был упакован бластер системы Уэбли. Схватив его и установив рычажок на мощность смертельного выстрела, он повернулся к двери. Фигура матери уже стояла там.

— Разреши мне войти Джордж, — сказала она, — и я помогу тебе.

И она опять улыбнулась. *Это ее голос*, подумал Джордж. *Точно, ее голос*. Он весь дрожал при виде ожившей матери.

— Убирайся, или я буду стрелять! — крикнул он. — Назад, или я уничтожу тебя.

Он поднял бластер и положил палец на спусковой крючок. На мгновение он подумал о том, что она действительно могла быть его матерью, ведь она же сказала ему на смертном ложе: «Я всегда буду с тобой, Джордж, любимый. Всегда. И куда бы ты ни пошел, твой старая мать защитит тебя». Но тут же Джордж вспомнил девушку с разноцветными глазами и монстра, и эти воспоминания помогли ему вернуться к реальности.

— Прими свой настоящий облик, иначе я убью тебя, — прохрипел он, чуть сильнее нажимая спусковой крючок, сильнее, еще сильнее, и думая о том, что будет, когда из бластера вылетит огненный луч и разорвет старое лавандовое платье и кружево морщин ее горла, а затем он подумал о том, сможет ли вообще выстрелить, даже зная, что это не его мать, а всего лишь богохульная копия, взятая из его воспоминаний.

Джорджа пробил пот. Он уже начал потихоньку разгибать палец, лежащий на спусковом крючке, когда фигура его матери внезапно заструилась и изменилась.

— Ладно, ты победил, — сказала крошечная, тощая и эластичная фигурка, напоминающая гнома.

В принципе, она была гуманоидной, с толстыми, длинными и сильными на вид руками, но увенчанными тощими пальцами.

— Вряд ли ты стал бы стрелять в изображение своей матери, но я избавлю тебя от этого выбора. Вот моя настоящая форма. Теперь я могу войти?

— Нет, — рявкнул Джордж. — Оставайся, где стоишь, и скажи, чего тебе надо. И вообще, откуда мне знать, что это твой истинный облик?

— Думаю, тебе придется просто поверить мне на честное слово. Подумай сам: я достал три другие формы прямо из твоей памяти, понял? О чем первом ты подумал, а? О девушке из банка. Ты представлял ее не очень отчетливо, поэтому я слегка напортчил с цветом глаз. Затем ты подумал о монстре, и уж тут постарался представить его на славу, и я показал его тебе во всех деталях. А тут ты вспомнил о матери, вот я и превратился в нее. Но теперь-то я совершенно в ином облике, ты ведь и думать о нем не думал, верно?

— Не думал, — признал Джордж. — Но чего же ты хочешь?

Маленький гномик присел на край ближайшей коробки.

— Прочему бы тебе для начала не убрать пистолет? Я не хочу сделать тебе ничего плохого, Джордж. Как раз наоборот. Поверь мне. Я хочу лишь твоей любви. Для этого и я принял первый облик. А монстр получился у меня случайно. Я хочу, чтобы ты полюбил меня, и еще я хочу любить тебя. Пожалуйста, верь мне, Джордж.

Джордж облизнул губы.

— Звучит это просто фантастично, — сказал он, оторвавшись от косяка пустой дверной рамы и шагнув наружу. — Расскажи мне, кто ты такой, где водятся такие, как ты, откуда ты прибыл и зачем. Только быстро и кратко, иначе я стану стрелять.

— Но ты же знаешь, что не станешь, Джордж, — укоризненно протянул гномик. — Я вижу это в твоей голове. Ты говоришь так просто для храбрости. Но я тебе расскажу о себе. Я прожил на этой планетке много веков, может, даже тысячелетия. Моя раса давным-давно открыла тайну бессмертия, а я застрял здесь так давно, что и не упомянуть, и с тех пор жду — не дождусь спасательной экспедиции. Мы телепаты, как ты уже понял, но связь можем держать лишь на небольшом расстоянии. Я уж потерял всякую надежду, что меня когда-нибудь найдут. Мой народ пришел сюда издалека, слишком издалека, ты и не знаешь таких звезд. Здесь мне было очень одиночко. Мой народ давно перестал рожать детей, с тех пор, как из-за бессмертия наша планета не начала перенаселяться. А уж в здешнем маленьком мирке дети и вообще не нужны, так что я никогда не знала, что значит любить или быть любимым. А я ведь уже старуха, Джордж, ужасно старая и ужасно одинокая.

— Так ты женщина? — Джордж вылупился на маленькое, шишковатое, зеленокожее тело. — Женщина?

— Да, — сказал гномик. — Функционально я женщина. Но очень старая женщина, Джордж. А когда ты приземлился, я увидел, на-

сколько ты одинок, и захотел помочь тебе. Мы нужны друг другу, Джордж. Разве ты сам не видишь, как ужасно мы нужны друг другу?

Гномик дрогнул, замерцал, через мгновение вновь принял облик его матери и протянул к нему морщинистую руку.

— Прими меня такой, Джордж. Притворись, что я твоя мать, вновь возвращенная к жизни. И через какое-то время притворство станет правдой. Мы можем жить вместе, как в прежние времена, со старинными часами на стене и игрой в бридж после ужина, и...

— Прекрати шариться в моей памяти! — взревел Джордж и снова схватился за бластер. — Ответ будет один: нет!

Через него прошла волна страха. Инопланетянин, безусловно, опасен, какие бы байки тут не рассказывал. Джордж слышал рассказы об инкубах космоса, которые облазят мужчин, а затем похищают их мозги. И Джордж выстрелил из бластера в маленькую инопланетянку, но она проворно отскочила в сторону.

— Ты не сможешь попасть в меня, — заявила она, снова принимая облик его матери. — Я же вижу все твои действия на шаг вперед. Но почему ты боишься меня, Джордж? Позволь мне стать твоей матерью. Я всегда буду с тобой, Джордж, любимый. Куда бы ты ни пошел, твоя старая мать защитит тебя. Всегда. И я действительно имею в виду — всегда!

— Нет! — завопил Джордж, выстрелил снова и снова, но всякий раз промахивался.

— Тогда я оставлю тебя, — сказала инопланетянка. — Но я вернусь, когда буду тебе нужна. Я всегда буду с тобой, с любимым Джорджем. Всегда!

Джордж смотрел, как его мать уходит в джунгли, уходит старческой, но все еще бодрой походкой, и как только она скрылась из глаз, опустился на ближайший ящик. Через какое-то время, прия в себя, он включил радио и связался с оператором на Проционе II.

Представившись, он рассказал о своем затруднительном положении.

— Чего-чего? — недоверчиво сказал радиооператор. — Инопланетянин-телепат? Да таких вообще не существует!

— Послушайте, — сказал Джордж, — я же не спрашиваю ваше мнение. Я просто хочу, чтобы вы послали корабль и забрали меня с этой планеты прежде, чем что-либо произойдет. Тут поблизости бродит инопланетянин, так что я в серьезной опасности.

— Ладно, — раздался ответ оператора. — Мы как можно скорее пошлем за вами спасательное судно. Вот только сейчас мы сами не много не укомплектованы. Дело ведь терпит. И...

И тут связь прервалась. Джордж какое-то время смотрел на молчавшую радиацию, затем поставил ее на стол. Хмуро глядя на ящики и коробки, он решил, что нет никакого смысла их распаковывать. Он вернется на Землю, продаст эту чертову планетку и будет жить-по-

живать на вырученные денежки, причем еще более счастливо, если бы сделал это сразу. И больше у него мыслей не возникнет покинуть Землю. Пусть кто-нибудь другой летит сюда и играет с этим монстром в детки-матери.

Но пока с Проциона II пошлют за ним корабль, может пройти день-другой. И Джордж принял за работу, решив создать линию защиты против инопланетянина.

ПЕРВЫМ ДЕЛОМ он вырыл яму и стал накрывать ее ветками и листьями в надежде, что инопланетянин не наблюдает за ним. Затем Джордж понял всю тщетность заманить инопланетянина-тепепата в такую примитивную ловушку, и бросил яму недоделанной.

У него не было никакой возможности поставить вокруг дома электрическую изгородь, что казалось Джорджу самым эффективным способом держать инопланетянина на расстоянии. Он смог лишь поставить ящики полукругом перед дверью, и сел за ними, скимая в руке бластер. Единственное, что он мог придумать, так это бдить и не спать, пока не прибудет спасательный корабль.

В течение следующего дня Джордж один раз увидел мать, печально глядящую на него с края поляны. Она что-то сказала, словно бы с упреком, но Джордж не услышал, что. Тогда он выстрелил из бластера, взяв прицел пониже, чтобы луч прошел не через иллюзорное тело матери, а через реальное тело низенького инопланетянина. Прищурившись, он попытался рассмотреть результаты своего выстрела. Ему показалось, что он слегка подпалил монстра, но не был в этом уверен. Прежде чем исчезнуть в лесу, тот обрел свой истинный облик.

Джордж не погнался за ним, а остался сидеть в своем укрытии, поскольку уже близилась ночь – а дни на этой планете долгие, отметил он при этом, чувствуя легкую печаль от того, как рушились все его мечты о собственном королевстве. *Я мог наслаждаться здесь жизнью, с сожалением думал Джордж, если бы не эта тварь.*

Внезапно, словно из ниоткуда, с небес вынырнул корабль с Проциона II и мягко приземлился на поляне. Джордж радостно отметил, что это большой корабль, почти такой же большой, как тот, который привез его сюда, так что он может забрать с планеты сразу все свое имущество. По корабельному пандусу спустился какой-то человек и принял осматриваться.

– Эй, я здесь! – крикнул Джордж. – Здесь!

Он вскочил и замахал руками, но человек с корабля не заметил его. Джордж проворно перепрыгнул ящики и побежал к кораблю. Космонавт все еще стоял у подиума и словно не слышал его криков. Джордж вдруг почувствовал, что здесь что-то не так. Он остановился, оглянулся и сделал еще несколько шагов вперед, как вдруг земля ушла у него из под ног. Исчез и корабль, и космонавт,

а Джордж, похолодев, внезапно понял, что его просто обманули, и он провалился в собственную же яму-ловушку. Он неловко приземлился на левую ногу, буквально услышал громкий треск ломающейся кости, и потерял сознание.

СИЛЬНЫЕ РУКИ вытащили его из ямы, но Джордж едва почувствовал это. Сильные руки отнесли его в дом, уложили в постель, вытерли вспотевший лоб и наложили шины на сломанную ногу. Медленно тянулись дни и ночи, Джордж смутно чувствовал присутствие какой-то безмолвной, пахнущей знакомыми с детства запахами фигуры, которая ходила по дому и заботилась о нем. Когда боль в ноге становилась слишком мучительной, безмолвная фигура клала его голову к себе на колени, покачивалась взад-вперед и тихонько напевала нежную песню без слов.

Большую часть долгой последовательности серых дней и ночей Джордж проспал, а нога его медленно заживала. И, наконец, однажды он проснулся и осмотрелся. Все ящики и коробки были распакованы, на стене мирно тикали старинные швейцарские часы, маленький книжный шкаф был заполнен книгами, все было так же, как прежде – давным-давно – на Земле. В углу сидела и спокойно вязала мать в лавандовом платье.

– Как ты себя чувствуешь, дорогой? – спросила она. – Лихорадка уже прошла?

Она подошла к нему и положила руку на лоб. Рука ее была прохладной и успокаивающей.

– Моя нога...

– Еще в гипсе, – сказала она. – Но, думаю, сегодня мы можем снять шины. Плохо, что тут нет никаких врачей, но я предполагаю, что мы и сами со всем справимся, не так ли?

Джордж повернул голову и посмотрел на нее.

– Ты же умерла, – сказал он. – Умерла и похоронена. Я каждый вечер носил цветы на твою могилу.

– Бедный мальчик, – сказала она. – Ты все еще не в себе. А сейчас отдыхай, Джордж, у нас еще будет время поговорить.

– Нет, – сказал он и привстал с постели, внезапно осознав, где находится, и что произошло. – Ты обманула меня! – обвинительным тоном сказал он. – Ты заманила меня в мою же яму иллюзией корабля.

– Это было для твоей же пользы, дорогой, – сказала она.

– А что произошло с настоящим кораблем с Проциона II? Они уже приземлились?

– Они здесь были давным-давно, – ответила она, – но я отослала их. Я сказала им, что уже все в порядке.

Джордж опустился обратно на подушку.

– И рацио ты сломал тоже для моей пользы?

— Это было нечаянно, Джордж. Ты же знаешь, как я неловка со всякими там механизмами.

Он прикрыл глаза.

— Значит, я застрял здесь, верно? — Пульсирующая боль в ноге усилилась. — Остался здесь навсегда.

— Почему ты так говоришь? У нас ведь есть мы, разве не так? Мы можем играть в бридж, читать, беседовать, а порой я могу помогать тебе работать на ферме. Я всегда хотела работать на ферме, это ведь так весело! На Земле ты все время торчал в банке, а здесь мы все время будем проводить на улице, на свежем воздухе. А ведь ты так нуждался в свежем воздухе, дорогой.

Нога болела все сильнее.

— Но ведь из-за тебя я свалился в эту чертову яму!

— Нам обязательно говорить об этом, Джордж?

— Ты обманула меня, — упорствовал он. — Правда, потом ты меня вылечила. Ты спасла мою жизнь.

— Это наименьшее, что я могу сделать, Джордж. Но зачем говорить об этом? Как только тебе станет лучше, мы начнем работать на ферме и обустраивать дом, чтобы он стал точно такой же, каким был на Земле, и будет справедливо, если все время мы станем проводить вместе. Верно ведь, Джордж?

— Да, — тупо сказал он. — Так же, как прежде.

Он начал было вставать с кровати, но тут же понял, что не может этого сделать, и опустился обратно. Нога отчаянно пульсировала. Внезапно у него перед глазами распахнулась неизмеримая пустота, отделявшая его от Земли, а также пустота будущей жизни на Проционе VI. *А почему бы и нет?* — подумал он о крепкой, любимой старухе. — *Почему бы и нет?*

— Я уверен, что мы будем счастливы... мама, — сказал он через красный туман боли. — Так же, как в былье времена.

— Я рада, что ты это сказал, — шепнула она, наклонилась и поцеловала его в лоб, губы ее были холодны, и Джорджу показалось,

что из ее глаза выкатилась слезинка и медленно поползла по щеке. — Я всегда буду с тобой, любимый мой Джордж. Всегда. И ты всегда будешь любить свою старуху-мать, не так ли... сынок?

Ощущая себя пойманым в кошмарную ловушку, он потянулся и сжал ее руку. Образ ее чуть дрогнул от радости, но она тут же восстановила контроль над ним, нежно взяла руку Джорджа и на конец, после стольких тысячелетий пустоты и одиночества, начала питаться.

Always, (Nebula, 1956 № 3), пер. Андрей Бурцев

AUG.

35c

FANTASTIC UNIVERSE

SCIENCE FICTION

TWO
COMPLETE
NOVELETS:

SO BRIGHT THE VISION

By CLIFFORD
D. SIMAK

• ATTACK FROM WITHIN

By BURTON
CRANE

A KING-SIZE
PUBLICATION

СХЕМА МАКОУЛИ

ДЖЕНТЛЬМЕНЫ, Я собираюсь быть с вами абсолютно честным и прямым. Я уничтожил схему Макоули и не собираюсь этого отрицать. Разумеется, я сделал это по весьма мотивированным и очень существенным причинам.

Моя большая ошибка была в том, что я не подумал об этом сразу. Когда Макоули принес мне схему, я не обратил на нее внимания, по крайней мере, такого, какого она заслуживала. Это и была ошибка, которую теперь не исправить. Я был слишком занят, разыгрывая из себя нянюшку старику Коулфману, чтобы остановиться и подумать, что на самом деле значит схема Макоули.

Если бы Коулфман не появился как раз в этот самый момент, я был бы в состоянии провести тщательное исследование этой новинки. Я бы уловил все ее последствия и бросил бы схему в огонь сразу же после ухода Макоули. Как вы понимаете, я говорю это не затем, чтобы дискредитировать Макоули. Он хороший, умный парень, один из лучших умов в нашем исследовательском отделе. Но ради собственной пользы, лучше бы ему не быть таким умником.

Он вошел как раз в тот момент, когда я работал над Седьмой Бетховена, которую мы должны были приготовить на следующей неделе. Я добавлял в нее кое-какие ультразвуки, которыми бы восхитился сам старик Людвиг – не то, чтобы он услышал их, но он бы их почувствовал, – и был очень доволен своей интерпретацией. В отличие от некоторых синтезаторов-переводчиков, я не верю в актуальность изменения партитуры.

Я убежден, что Бетховен и сам прекрасно знал, что делал, и было бы просто безумием постараться улучшить его симфонию. Я лишь усиливал ее, добавляя ультразвуки. Они ни в малейшей степени не изменили бы сущность, но добавили бы ту атмосферу, которая и является великим артистическим триумфом синтезирования.

Так вот, я работал над партитурой и уже чувствовал успех своей работы. Когда вошел Макоули, я как раз был занят изменением частот во второй части, наиболее сложной. Видите ли, звучание в ней торжественное, но не должно быть слишком торжественным. Как-то вот так. У Макоули была в руке пачка листков, и я тут же понял, что он совершил чем-то очень важное. Как правило, никто не прерывает Переводчика ради чего-то тривиального.

- Я придумал новую схему, сэр, – сказал он. – Она основана на не завершенной схеме Кеннеди две тысячи шестьдесят первого года.

Я помнил Кеннеди. Это был блестящий парень, во многом похожий на Макоули. Он разработал схему, которая делала синтезирование симфонии столь же легкой, как игра на губной гармошке. Только вот она не совсем работала. Что-то в процессе случалось с ультразвуками, и на выходе являлось нечто ужасное. Мы так и не поняли, в чем тут дело. Примерно год спустя Кеннеди исчез и больше о нем никто ничего не слышал. Весь молодой персонал приобрел привычку копаться в его схеме, в надежде открыть ее тайну. И вот теперь Макоули, по-видимому, добился успеха.

Я взглянул на его листки, затем на него самого. Он спокойно стоял, ожидая, пока я начну задавать вопросы.

- Прав ли я, предполагая, что эта схема управляет аспектами музыкальной интерпретации? – спросил я.

- Вы правы, сэр, – кивнул он. – Вы можете настроить синтезатор на любое эстетическое восприятие, какое пожелаете, и он точно последует вашим инструкциям. Вам нужно лишь установить эстетические координаты – секундное дело, – и синтезатор сам про-делает для вас всю интерпретацию. Но не это было моей целью, сэр, – сказал он тактично, словно намекая, что он уже все рассказал мне, но я пропустил его слова мимо ушей. – С незначительными модификациями...

Он не успел договорить, потому что как раз в этот момент в мою студию ворвался Коулфман. Видите ли, я никогда не запираю двери. С одной стороны, никто не смеет тревожить меня без веских причин, а с другой, мой аналитик утверждал, что работа за запертыми дверями плохо влияет на мою чувствительность.

Я всегда работаю с открытой дверью, это позволило Коулфману так бесцеремонно ворваться ко мне. Его появление спасло Макоули жизнь, потому что, если бы он продолжил говорить то, что уже висело на кончике его языка, я бы, ни секунды не колеблясь, сжег и схему и его самого.

Имя Коулфмана было известно всем любителям музыки. Ему было лет восемьдесят, может, и все девяносто, если у него был хороший геронтолог, и он задолго до этого считался блестящим пианистом-исполнителем. Те из нас, кто знал предварительную историю музыкального синтезатора, связывали его имя с Паганини и произносили его со страхом.

Но я увидел лишь ужасно высокого, ужасно изможденного старого призрака в обтрепанной одежде, который ворвался ко мне в студию и направился прямиком к синтезатору, закрывавшего всю северную стену своими блестящими, сложными внутренностями.

В руке у него был большой гаечный ключ, даже тяжелее ломтика, и он намеревался разрушить устройство стоимостью более миллиона кредитов, когда Макоули с легкостью перехватил его и отобрал у него ключ. Я был так изумлен, что мог лишь сидеть за столом и плятиться на все это.

Макоули подвел старика ко мне, и я посмотрел на него так, словно он был серийным убийцей во плоти.

- Вы просто несчастный глупец, - сказал я. - Что вы только думали? Вы же могли получить длительный тюремный срок за уничтожение кибер... Или вы не знали этого?

- Моя жизнь все равно закончена, - сказал он низким, глубоким, отчаянным голосом. – Она закончилась, когда ваши машины начали осквернять музыку.

Он стащил с головы истрепанную кепку и пригладил худыми пальцами волосы. Он не брился несколько дней, и лицо его было пестрым от седой щетины.

- Меня зовут Грегор Коулфман, - сказал он. – Я уверен, что вы даже не слышали обо мне.

Разумеется, я слышал, но решил поступить иначе.

- Пианист Коулфман? – спросил я.

Мое притворное восхищение не прошло мимо него. Несмотря ни на что, он радостно кивнул.

- Да, Коулфман, бывший пианист. Вы со своими машинами уничтожили мою жизнь.

Внезапно вся ненависть, какую любой нормальный человек испытывает к кибер злоумышленнику, испарилась, и я вдруг почувствовал себя виноватым и даже смущенным перед этим действительно великим стариком. Он продолжал говорить, а я понял, что я, как истинный творец музыки, несу перед ним всю ответственность. Я все еще думаю, что я поступил мудро, и полностью оправдываю себя.

- Даже после того, как синтезирование стало доминирующим методом представления музыки, - говорил он, - я продолжал свою карьеру пианиста. Всегда были умные люди, которые с большим удовольствием глядели на пианиста, чем на то, как техник скармливает машине ленты. Но я не мог конкурировать с машинами. – Он вздохнул. – Через некоторое время любой, кто ходит на концерты, стал считаться реакционером, и я перестал получать приглашения выступать. Я вернулся к обучению, как к получению средств для существования, но никто не хотел брать уроки игры на фортепиано. Лишь отдельные люди учились у меня ради любви ко всему антикварному, но это были не артисты, а просто искатели необычных

ощущений. Так что много чего набралось, за что должны ответить мне вы и ваши машины.

Я посмотрел на схему Макоули, затем на Коулфмана. Затем отложил свой граф, с которым работал над Бетховеном, отчасти потому, что волнение все равно помешало бы мне продолжать работу, а отчасти из-за опасения сделать еще хуже, если Коулфман увидит, что сделал Макоули.

Макоули все еще с надеждой стоял перед моим столом, ожидая, когда может начать рассказывать мне о своей схеме. Я знал, что это важно, Но одновременно я чувствовал обязанности по отношению к старику Коулфману и решил позаботиться о нем прежде, чем закончил беседу с Макоули.

- Приходите позже, - сказал я Макоули. – Я бы хотел обсудить все последствия вашей инновации... но только после того, как побеседую с мистером Коулфманом.

- Да, сэр, - сказал Макоули, как послушная марионетка, какой и становится всякий специалист, когда ему противостоит непреклонное начальство.

Как только дверь закрылась за ним, я собрал его бумаги и сложил их аккуратной стопкой на столе. Мне не хотелось, чтобы Коулфман сунул в них свой нос даже на секунду, хотя знал, что они не значат для него ничего, кроме компьютерных символов, кои он так ненавидел.

Как только мы остались одни, я показал Коулфману на плюшевое пневмокресло, в котором он и устроился с отвращением к излишнему комфорту, что было так характерно для его поколения. Я ясно видел свои обязанности. Я должен был сделать все, чтобы старику стало легче.

- Мы так рады, что вы пришли работать с нами, мистер Коулфман, - с улыбкой сказал я. – Человек вашего огромного таланта...

Он так и взвился в кресле, сверкая глазами.

- Работать с вами! Да я скорее увижу в гробу вас вместе со всей вашей машинерией! Ваши ученые нанесли смертельный удар искусству, а теперь вы пытаетесь купить и меня!

- Я просто пытаюсь помочь вам, - успокаивающе сказал я. – С тех пор, когда мы, так сказать, вмешались в ваше средство к существованию, я считаю своей обязанностью покрыть весь причиненный вам ущерб, насколько смогу.

Он ничего не сказал, но уставился на меня взглядом, в котором горел накопленный за полстолетия гнев и бескомпромиссность.

- Послушайте, - продолжал я, - разрешите мне показать вам, каков в деле большой музыкальный синтезатор.

Я порылся на полке и нашел ленту концерта для скрипки Гогенштейна, который мы сделали в 69-ом. Это было строгое, двенадцатитональное произведение и, вероятно, самая требовательная из забытых и неисполнемых произведений.

Разумеется, синтезатору ничего не стоит исполнить его, ему это не труднее, чем сыграть вальс Шопена. Но человеку-альтисту понадобились бы три руки, и в придачу нос, чтобы передать все звуки этой музыкальной мысли Гогенштейна. Я включил синтезатор и скормил ему ленту.

Последовал музыкальный взрыв великолепного вступления, и Коулфман подозрительно уставился на машину. Псевдоальт скользил вверх и вниз по тонам, в то время как старый пианист мучительно пытался вспомнить, что это за произведение.

- Гогенштейн? – спросил он, наконец, дрожащим от страха голосом.

Я видел бушующий в нем конфликт. Много лет он ненавидел нас яростной, жгучей ненавистью, потому что мы сделали его искусство устаревшим. И вот я показал ему, как можно использовать синтезатор, что полностью оправдало существование этой машины. Синтезатор сделал то, что не мог сыграть ни один человек. И старик не мог совместить в себе кипящие, противоречивые страсти. Он резко встал и направился к двери.

- Куда вы? – спросил я.

- Подальше отсюда, - ответил он. – Вы дьявол!

Шатаясь, он вышел за двери, и я не погнался за ним. Старик был смущен. Но у меня была еще парочка уловок в моих кибернетических рукавах, чтобы решить, по крайней мере, некоторые его проблемы и спасти его для мира музыки. Потому что – что бы вы там ни думали или ни говорили обо мне, особенно после этого дела с Макоули, – вы не можете отрицать мою глубочайшую преданность музыке.

Остальную часть дня я работал над Седьмой Бетховена, убрав бумаги Макоули, а потом вызвал несколько наших смущенных техников и рассказал им, что я планирую. Первым делом, решил я, нужно узнать, кто был учителем игры на фортепиано у Коулфмана. Мы связались с Центральной Справочной и без всякого труда нашли его. Учителя звали Келлерман, и он умер почти шестьдесят лет назад. Но удача все еще была с нами. Центральная смогла определить его местонахождения и снабдила нас старой записью Международного Музыкального Конгресса, проведенного в Стокгольме в 2 187-м.

На том Конгрессе Келлерман произнес короткую речь о развитии Техники приемов с педалью. Обсуждение его слов было чрезвычайно скучным, но нас не интересовало, что он там говорил. Мы разделили его речь на фонемы, проанализировали их, перегруппировали, оценили и, наконец, пустили в ход синтезатор.

На выходе получилась новая речь, произнесенная голосом Келлермана – точнее, ее очень точное факсимиле. Разумеется, этого бы с лихвой хватило старому дурню Коулфману, который, к тому же, больше полувека не слышал голос своего старого учителя. Когда все было готово, я послал за старым музыкантом, и несколько часов спустя его привели. Выглядел старик еще более потертым и подавленным.

- Зачем вы тревожите меня? – спросил он. – Почему вы не даете мне мирно умереть?

Я проигнорировал его вопросы.

- Вот послушайте, мистер Коулфман, – сказал я, щелкнул воспроизведителем, и из динамика послышался голос Келлермана.

- Привет, Грэгор.

Коулфман был потрясен. Я в своих интересах использовал заранее подготовленную паузу в записи, чтобы спросить, узнает ли он голос. Коулфман кивнул, губы его побелели. Я видел, что он боится, не верит, и понадеялся, что мой план не будет иметь далеко идущих последствий.

- Грэгор, одним из того, чему я искренне пытался напутить тебя – а ты был самым внимательным моим учеником – было то, что ты всегда должен оставаться гибким. Методы постоянно меняются, хотя Великое Искусство остается неизменным. Но ты не последовал моему совету.

До Коулфмана постепенно начало доходить, что мы сделали, и лицо его стало ужасающе бледным.

- Грэгор, фортепиано – устаревший инструмент. Но есть более новый, более великий инструмент, доступный тебе. Почему ты отрицаешь его значение? Новый замечательный синтезатор может делать все то, на что способно фортепиано – и гораздо больше. Это гигантский шаг вперед...

- Ладно, – сказал Коулфман, глаза его странно блестели. – Выключите эту машинку.

Я протянул руку и ткнул кнопку, выключая воспроизведение.

- Вы очень умны, – сказал мне Коулфман. – Насколько я понял, вы использовали свой синтезатор, чтобы подготовить для меня эту маленькую речь.

Я кивнул.

- Ну, вы добились успеха... глупым, театральным способом, - продолжал он после паузы и помотал головой. – Но я... я был еще глупее вас. Я упрямо сопротивлялся, когда должен был объединить с вами свои усилия. Вместо того, чтобы тупо ненавидеть вас, я первым должен был научиться творить музыку новым, еще непроверенным инструментом.

Такова была мера его величия! Он был способен честно и смело признаться, что допустил ошибку, и повторно начать свою карьеру.

- Учиться никогда не поздно, - сказал я. – Мы могли бы учить вас.

Коулфман на секунду глянул на меня, и я почувствовал, как по спине пробежала дрожь. Но мой восторг не ведал границ. Я выиграл большое сражение за музыку, причем выиграл его со смехотворной непринужденностью.

Он ушел и целый месяц старался овладеть синтезатором. Я дал ему своих лучших техников, которых прочил когда-нибудь на мое место, когда настанет пора уходить на покой. А тем временем закончил своего Бетховена, и эта работа принесла мне приятный успех. И только потом я вернулся к Макоули и его схеме.

И снова обстоятельства решили не позволить мне разобраться и понять, какую серьезную угрозу несет эта схема. Мне удалось понять, что ее можно усовершенствовать, чтобы в музыкальных интерпретациях полностью устраниТЬ человека. Но в тот период я задолго забросил работу в лаборатории и не придерживался старой, еще со студенческих времен, привычки изучать любые схемы и мысленно так и сяк вертеть их в голове, стараясь понять, как еще лучше можно их использовать.

Пока я исследовал эту схему, меня не покидала одна тревожная мысль. Ведь если любой желающий может создавать музыкальные интерпретации, и мастерство больше не будет иметь значения, то я и сам могу остаться без работы. Я как раз думал об этом, когда ко мне вперся Коулфман со своими записями. Он выглядел на целых двадцать лет моложе. Лицо его больше не было измученным и отчаянным, а в глазах сияло торжество.

- Может, я повторяюсь, - сказал он, кладя записи мне на стол, - но я был круглым дураком. Я впустую потратил жизнь. Вместо того, чтобы бренчать на глупом, устаревшем инструменте, я мог бы создавать новую музыку при помощи этой машины. Вот взгляните. Я начал с Шопена. Поставьте это.

Я сунул запись в синтезатор, и в комнате зазвучала Фантазия фа-минор. Я тысячу раз слышал эту величественную барабанную дробь, но никогда она не имела такой потрясающий подтекст.

- Эта машина – самый благородный инструмент, на котором я когда-либо играл, - сказал Коулфман.

Я просмотрел граф, который он составил своим экономным, раздражающим почерком. Ультразвуки были просто невероятны! Всего лишь за несколько недель Коулфман справился со всеми тонкостями, на овладение которыми у меня ушло пятнадцать лет. Он понял, что можно сделать при помощи ультразвуков – вне диапазона слышимости человеческого уха, но не вне восприятия. Он обнаружил, как можно расширить горизонты музыки до тех пределов, о которых и не мыслили композиторы эпох до синтезаторов со своими несовершенными инструментами и дефектным знанием теории звуков.

Шопен почти что заставил меня плакать. Фактически, это была не та партитура, какую написал Шопен и какую я слышал множество раз. Это были, скорее, неуслышанные примечания к ней, поразительно воспроизведенные синтезатором при помощи ультразвуков. Старик выбирал ультразвуки с умением мастера... нет, рукой гения!

Я смотрел на Коулфмана, стоящего посреди комнаты, стоящего гордо, в то время как фортепиано ткало великолепный гобелен звуков.

Потом он дал мне другую запись, и я поставил ее. Это был Бах, Токката и Фуга де минор. И от звучания супероргана вместе с повышенными суперультразвуками дыхание мое почти что прервалось. А Коулфман стоял, очарованный гением.

Я смотрел на него и не узнавал в нем того замызганного старика, который попытался разрушить синтезатор всего лишь несколько недель назад.

Когда закончился Бах, я снова подумал о схеме Макоули и о целом улье технических специалистов, стремящихся усовершенствовать синтезатор, чтобы устранить в нем последний несовершенный элемент: Человека. И тут я очнулся.

Первым делом мне нужно было не дать завершиться работе Макоули до смерти Коулфмана, которая была уже не за горами. Я принял это решение из чистой доброты. Коулфман, после стольких лет, был теперь на самой вершине триумфа. Если бы я позволил ему узнатъ, что, каким бы грандиозным ни был его успех, новая схема может запросто сделать все лучше, то он бы не пережил этого удара.

Он передал мне третью запись. Это был Реквием Моцарта, и я поразился вдохновенным блеском, с каким ему удалось справиться с труднейшей техникой синтезирования человеческих голосов. Од-

нако, со схемой Макоули, машина могла справиться с такими деталями еще лучше.

И пока лилась возвышенная музыка Моцарта, я достал чертежи схемы, которые передал мне Макоули, и мрачно уставился на них. И в тот момент я принял свое окончательное решение. Я буду делать вид, что изучаю их, пока не умрет Коулфман, счастливый и в озарении славы. А затем я открою эту смеху миру, сделав бессмысленным собственное будущее, и уйду во мрак неизвестности, по крайней мере, с мыслью о том, что Коулфман умер счастливый.

Это была чистая доброта, джентльмены. В этом не было ничего злонамеренного или реакционного. Я не собирался останавливать прогресс кибернетики, по крайней мере, не в этом пункте.

Нет. Но я не стану делать свое последнее, сокрушительное открытие, пока сам окончательно не пойму, что сделал Макоули. Возможно, он и сам не понял этого, но я-то прекрасно разбираюсь в таких вещах. Мысленно я добавил проводок здесь, парочку там, изменил контакты, и мне вдруг открылась истина во всей своей полноте.

Макоули уверял меня, что синтезатору с новой схемой не нужен будет человек для создания интерпретаций музыки на любой эстетический вкус. До сих пор синтезатор мог подражать любому звуку из существующих или даже не существовавших в природе. Но мы должны были управлять громкостью, тембром и всеми другими факторами, из которых и слагаются музыкальные интерпретации. С инновацией Макоули синтезатор мог сам регулировать все эти факторы.

И также, как я, наконец, понял, мог создавать свою собственную музыку, создавать с нуля и без помощи человека. Теперь не только дирижер и исполнители, но и композиторы становились ненужными, устаревшими. Синтезатор мог действовать сам, без человеческой помощи. А ведь искусство придает жизни людей достоинство, цель и направление в жизни.

Тогда я порвал схему Макоули и швырнул тяжелое пресс-папье на сам синтезатор, оборвав на середине Моцарта, измененного и улучшенного гением Коулфмана. Это объясняется тем, что я был напуган.

Я знаю, что Макоули восстановил свою схему, и я не остановил колеса науки. Я вообще чувствую себя совершенно беспомощным. Но прежде, чем вы назовете меня реакционером и посадите в тюрьму, подумайте вот над чем.

Искусство – главная определяющая функция разумных существ. Значит, когда создается машина, способная к сочинению ориги-

нальной музыки, способной на акт творения, то создается разумное существо. И это существо неизменно будет сильнее и умнее нас. Мы сами синтезировали своего преемника.

Джентльмены, мы все стали ненужными. Мы все устарели.

The Macauley circuit, (Fantastic Universe, 1956 № 8), пер. Андрей Бурцев

**THE ORIGINAL
SCIENCE
FICTION**

144
PAGES

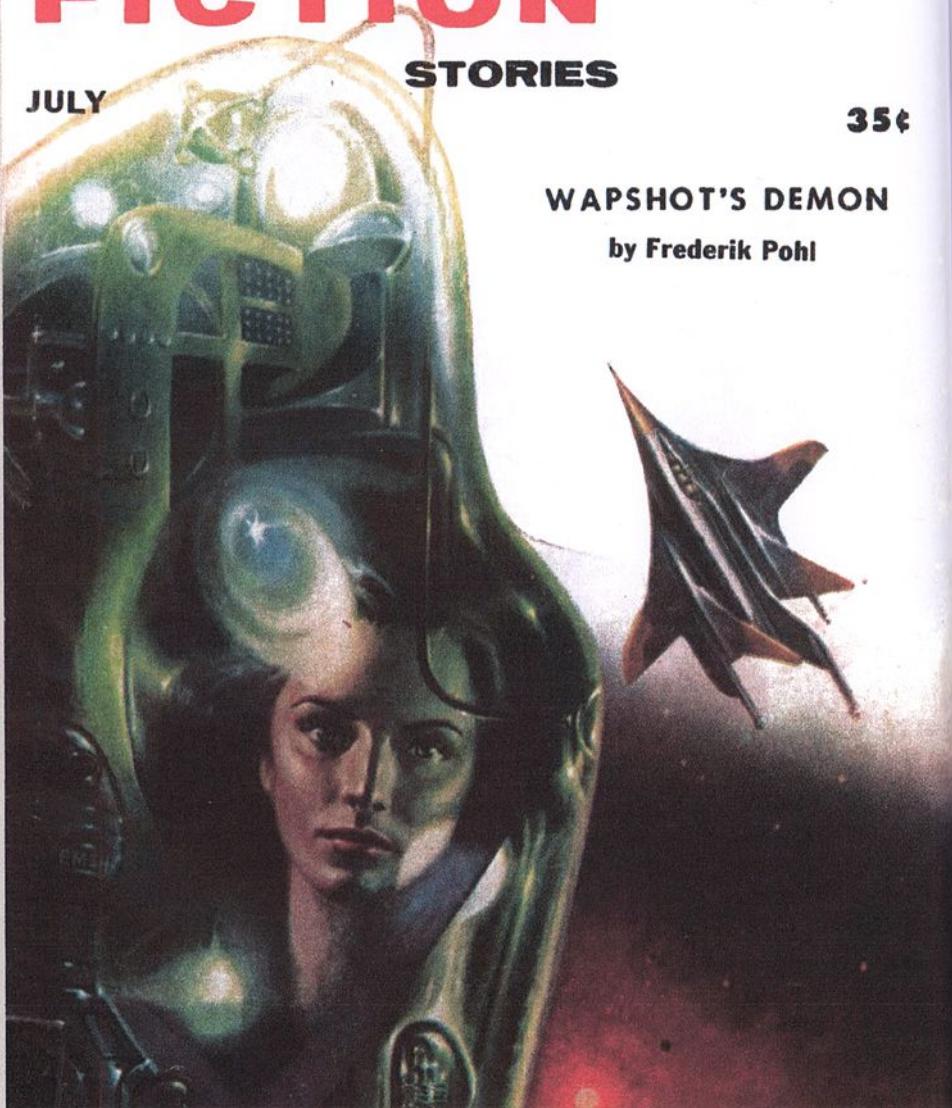
JULY

STORIES

35¢

WAPSHOT'S DEMON

by Frederik Pohl

ОДИНОКАЯ

ДЖЕННЕС ОЧЕНЬ аккуратно вывел двухместный катер из шлюза «Хогсмита», пока Норб Кендон расхаживал по крошечной кабине, глядя на красную точку, в какую превратилось Солнце.

— Так странно видеть его таким, Харл, — кивнул Норб на маленькую, колючую, как иголочки, точку. — Я чувствую себя, как дитя в мире, где все принадлежит взрослым.

Дженнес молчал, пока катер не очутился на свободе, затем повернулся к нему:

— Ну и что, даже если это Земля? — спросил он. — Вы станете сентиментальничать со здешними дикарями? Впрочем, как хотите, Норб, верно?

Норб подавил вспышку гнева, внезапно возникшую в нем.

— Вы же знаете, что я не сентиментален. Просто перед нами планета, породившая жизнь. И не просто жизнь. Она — исток всего Человечества. А сейчас она мертвa или умирает.

— И это не сентиментально? Что же вы тогда называете сентиментальщиной?

— Вы победили, длинноносый черт, — нахмурился Норб. — Ладно, я сентиментален. И что с того? Это теперь преступление? Я просто не могу сейчас не ощущать почтительность.

— Отложим это, — сказал Дженнес.

Улыбка скривила его лицо, а длинный, почт как змея, нос вытянулся еще больше.

КАТЕР ПОСТЕПЕННО снижался, идя по орбите приземления. Дженнес намеренно выбрал такую пологую орбиту, так что снижались они долго, и, наконец, кораблик мягко сел на стабилизаторы. Дженнес выключил двигатели, пока Норб проверял атмосферу.

— Как там, Норб? — окликнул он.

— А вы чего ожидаете? Чертовски холодно, но воздух пригоден для дыхания.

— И насколько холодно?

— Сильно. Пять градусов ниже нуля. Надеюсь, местные жители подготовили для нас теплое иглу.

— Если мы вообще найдем здесь местных жителей, — хмыкнул Дженнес. — Последние двадцать лет мы не приняли ни одного сообщения с Земли, а тогда тут оставалось лишь несколько сотен человек.

— Мы найдем их, — сказал Норб. — Мне кажется, жизнь так легко не сдается на этой планете. Люди всегда будут держаться своего родного мира.

Дженнес снова фыркнул, они открыли люк и вышли наружу.

СНЕГ БЫЛ мягкий, нетронутый, и оба космонавта провалились в него по бедра. Сколько-то секунд они барабантились в этом снегу.

— Эй! — закричал Дженнес, но едва услышал свой голос, заглушенный свистом ветра. — Мы должны расчистить путь, иначе никогда не выберемся отсюда.

Они достали бластеры и начали проплавлять себе дорогу в снегу. Вокруг стало теплее.

— Ну, и в какой стороне лежит колония? — спросил Норб.

— Мукинник сказал, что должна быть на востоке, вон там. Если тут вообще осталась колония. Если вообще тут выжил хоть кто-то.

Они пробивались сквозь снег, оставляя за собой полоску тепла. День был темным, намекающим на грядущий бесконечный мрак умирающего мира, а тусклое солнце предоставляло мало света и еще меньше тепла. Несколько хватало глаз, они видели лишь белый снег, проломленный кое-где искривленными, безлистыми деревьями, пробившимися сквозь белое покрывало и торчащие на фоне серого неба.

— А на восток ли мы идем, Харл?

— А вы что, не доверяете компасу? — спросил Дженнес. — Компас показывает, что мы идем именно на восток. Хотя какое это имеет значение?

— Просто я не вижу никаких признаков колонии. Если уж Мукинник заметил признаки жизни с «Хогсмита», то нам сам Бог велел отыскать их здесь. Но я ничего не вижу в любом направлении.

Дженнес снова сверился с компасом.

— Компас говорит, что восток там, поэтому мы пойдем туда. Если ничего не найдем, то вернемся. Пусть бы Мукинник сам спустился сюда и поморозился какое-то время. Я вообще не понимаю, почему этот зеленолицый клоун не мог сам отправиться на поиски собственной колонии, а послал вместо себя нас.

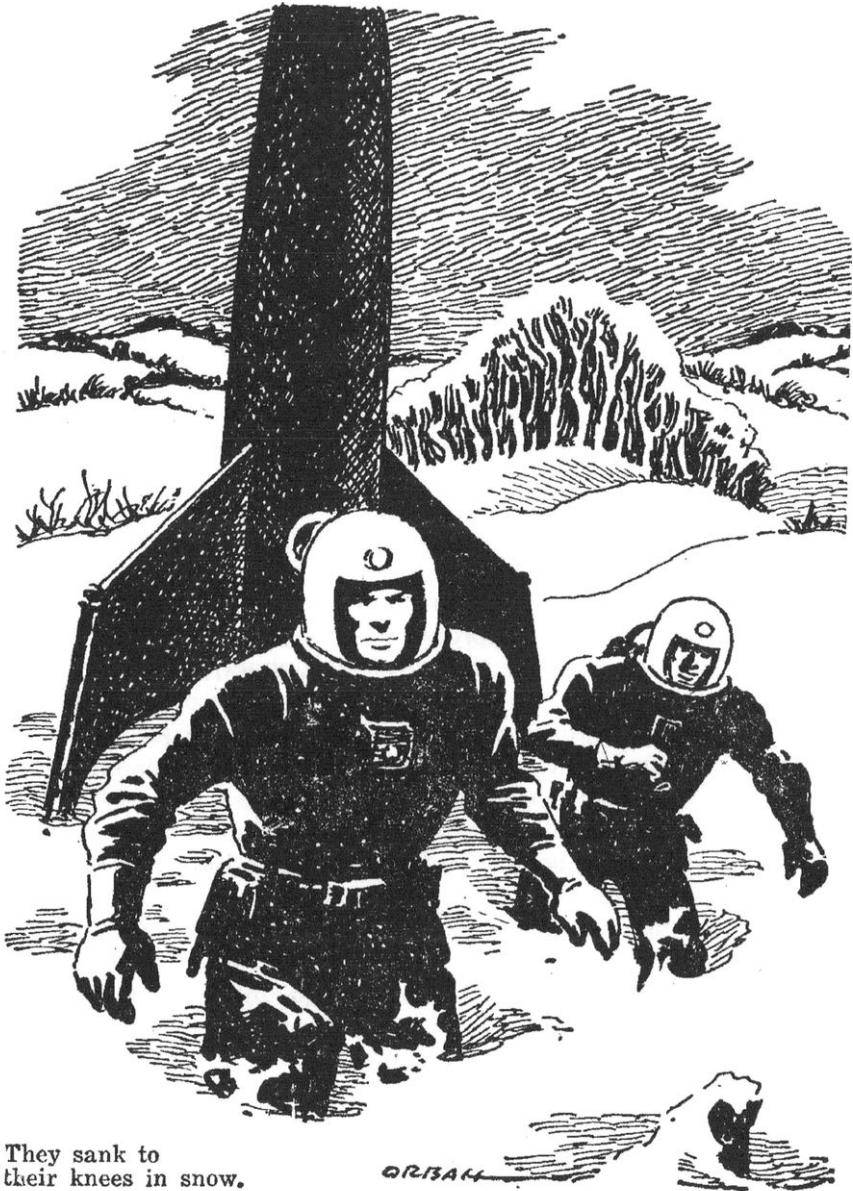
Why couldn't these final men depart from a dying Earth?

THE LONELY ONE

by ROBERT SILVERBERG

(author of "The Desserator")

illustrated by ORBAN

They sank to
their knees in snow.

орбак

Норб насмешливо взглянул на напарника.

— Да брось, Харл. Ты же знаешь, что сириане не могут выдержать такой климат, иначе Мукенник был бы здесь без всяких уговоров. Кроме того, мы вызвались добровольно.

— Спасибо, а то я бы не вспомнил об этом. — Дженнес смахнул снежинку с кончика своего носа. — Давай будем твердыми, ладно? Может, нам удастся захватить с собой парочку живых землян в коллекцию Мукинника.

НОРБ НИЧЕГО не ответил. Он искоса просматривал горизонт, надеясь увидеть тонкую струйку дыма или любой другой признак жизни. Внезапно он вытянулся, вставая на цыпочки.

— Ты видел, Харл? Как ты думаешь, это живое существо?

— Где? Ты имеешь в виду то дерево? — ткнул рукой куда-то вперед Дженнес.

— Направление правильное, но это не дерево. Мне показалось, что я вижу движущуюся фигуру.

— Твои бы слова, да... Слушай, а Мукинник вообще серьезно высказывал свое предположение?

— Наверняка серьезно, — буркнул Норб, напрягая глаза в попытке разглядеть далекую фигурку.

— Он окажется в глупом положении, если мы действительно найдем их. У него будет чертовски трудное время, когда он попытается разместить их на борту «Хогсмита».

Упоминание о корабле намекнуло Дженнису, что он только что спустился на планету на катере, и он поспешил обернуться, чтобы посмотреть, как там катер. И с удивлением отметил, что сверкающая тропинка в снегу, которую они проложили, протянулась от катера всего лишь на несколько сотен метров.

— Смотри-ка, Кендон! А я был уверен, что мы ушли далеко.

— Только в твоем воображении, — фыркнул Норб. — Скажи-ка, а это там не твоя фигура?

Дженнес посмотрел и кивнул. Они оба закричали и побежали, насколько позволял глубокий снег, к стоящей вдалеке фигуре.

Старик заметил их и стоял, подбоченившись, в ожидании, пока они приблизятся. Он стоял возле изогнутого дерева, и сам был каким-то искривленным и шишковатым, как дерево, к стволу которого он прислонился. Он был стар и ужасно истощен на вид, и Норб лишь надеялся, что он не окажется еще и глухим.

— Приветствую тебя, землянин, — медленно, тщательно выговаривая слова, сказал Норб, как только они оказались в пределах слышимости. — Мы пришли с небес на серебряной птице. — Норб подтверждал свои слова соответствующим жестами, и Дженнес следил за ним.

— Ты понимаешь нас, старик? — спросил Дженнес, осторожно выговаривая каждый слог.

Покрытый морщинами старик улыбнулся.

— Разумеется, понимаю, сын мой. И почему вы, звездные люди, вечно считаете нас дикарями? — Голос старика был хриплым и невозможног глубоким. — Я говорю на этом языке дольше, чем прожитые вами обоими года.

Оба космонавта удивленно взглянули друг на друга.

— Простите, — сказал Норб, улыбнувшись в ответ. — Просто Земля не связывалась с Системой уже так долго, что мы не знали, чего ожидать.

— Да все в порядке, поверьте мне. Добро пожаловать на Землю. Откуда, вы сказали, вы прилетели?

— Звездолет «Хогсмит» с Веги II.

— Действительно ли Вега II красивая планета, молодой человек?

— Разумеется, — ответил Норб. — Зимой у нас всего лишь на несколько градусов холоднее, чем летом, а Постоянный Климат один из лучших в Галактике.

— Это интересно, — сказал старик.

— Мы будем рады вернуться домой, — сказал Дженнес. — У нас вообще не бывает снега.

НОРБ ХОТЕЛ что-то сказать, но его перебил донесшийся из-под земли гул, который все нарастал.

— Что это?

— Землетрясение, — сказал старик. — Земле не понравилось, что вы сказали о возвращении. Ей нравится принимать гостей.

— Мы немного побудем здесь, — сказал Дженнес, — а потом улетим, а то промерзнем насмерть.

Земля опять задрожала, и оба веганина упали в снег. Старый землянин спокойно стоял, впившись крючковатыми пальцами в кору дерева, потом стал отрывать от нее куски и бросать их в мешок.

— Ну, вот, вы опять рассердили ее. Пойдемте, я собрал, сколько нужно коры, поэтому хочу пригласить вас с собой, чтобы вы увиделись с королем, прежде чем возникнут настоящие проблемы. Меня, кстати, зовут Кельвин, и я, вроде бы, самый старый человек на Земле. Макнейл ждет вас с тех пор, как сломался передатчик.

Кельвин махнул рукой и пошел прямо через снег...

И ВНЕЗАПНО исчез из виду.

— Идите прямо, — послышался его голос из-под земли. — Вход сразу перед нами.

Оба космонавта осторожно двинулись вперед, Норб был впереди, и почувствовал, что земля идет под уклон. Затем снег резко осыпался, и Норб увидел в земле косое отверстие. Он прошел в него.

Там стоял Кельвин, окруженный группой людей. Большинство из них были такими же стариками. Норб отметил, что все они худые и изможденные. Но среди них было несколько детей.

— Добро пожаловать в столицу Земли, — сказал Кельвин. — Последние оставшиеся в живых на нашей славной планете приветствуют вас.

— Вы все здесь живете? — спросил Дженнес.

— Все сто два человека, — ответил Кельвин, махнув рукой. — Вы видите перед собой хранителей бессмертного наследия Человечества. Так нас называли, когда оставляли нас здесь. — И он оглушительно расхохотался.

Внезапно откуда-то из глубины пещеры появился высокий человек. Как и остальные, он был одет в меха каких-то животных, а ниспадающие седые волосы венчала корона из блестящего металла. Когда он подошел, космонавты увидели, что он и в самом деле очень высок.

— Я Макнейл, — сказал высокий человек.

Норб глянул на него снизу вверх и решил, что он метра три, не меньше, от блестящей короны до обмотанных мехом ступней — то есть самый высокий из всех, кого он когда-либо видел.

— Добро пожаловать на Землю, — сказал Макнейл. — Я король.

Норб с Дженнесом переглянулись. В космическом руководстве ничего не было сказано о том, как следует вести себя в присутствии короля.

— Наше почтение, Ваше Величество, — неуверенно начал Норб. — Мы представители звездолета «Хогсмит» с Веги II.

— Зовите меня просто Макнейл, — сказал король. — Я тоже имею удовольствие встретить вас. Я ждал гостей из космоса целых двадцать лет — с тех пор, как сломался наш передатчик. Жаль, что мы не вышли встречать вас, но когда я увидел ваш корабль, то решил, что лучше будет скрыть все следы присутствия нашего города, пока мы не узнаем, безопасны ли вы. Думаю, вы заметили нас, прежде чем мы успели все замаскировать, потому что вы явно знали, где нужно высадиться. — Макнейл повернулся к стоявшему поблизости Кельвину. — Эй, старик, ты кое-что заслужил!

Король оторвал от своего воротника полоску меха и обвил ею шею Кельвина, где, как заметил Норб, уже было много подобных полосок. Кельвин улыбнулся, поклонился и стал поглаживать новую полоску.

— Кельвин — наш самый почетный рыцарь, — пояснил Макнейл. — Старый пес прожил так долго, что уже десять раз был посвящен в рыцари. Я надеялся, что прилетевшие сожрут тебя, когда ты вышел встречать их, старпер, — и он игриво ткнул Кельвина пальцем в бок, отчего старик пошатнулся.

— Он сказал нам, что вас всего сто два человека, — сказал Норб.

— Верно. Раньше было больше, но мы постепенно вымираем. Жизнь здесь не легка, а Земля с каждый годом становится все холоднее. Я думаю, мы продержимся еще не больше века, после чего Земля станет действительно мертвой планетой. Пойдемте, я покажу вам комнату, где мы можете жить, пока гостите у нас.

НОРБ И ДЖЕННИС последовали за высоченным королем вниз по извилистому коридору. Дженнес был все еще слишком поражен увиденному и шел вперед в тишине.

— Мы прилетели потому, — сказал Норб, — что не были уверены, остался ли еще кто-либо на Земле. Но теперь вам больше не придется бороться с холодом. Мы хотим забрать вас с собой, на Вегу, и все оставшееся время вы проживете в тепле и уюте.

— Боюсь, что уже слишком поздно, — сказал Макнейл. — Забудьте об этом. Вот ваша комната. Сегодня вечером люди исполнят для вас танец сбора орехов. Мы придем за вами, когда настанет время.

Король показал им небольшую комнату, вырезанную в стене пещеры, и скрылся в коридоре.

— Думаю, ты был прав, — сказал Дженнес, когда они остались одни.

Норб улыбнулся напарнику.

— Наверное, Длинноносый. Просто замечательно найти снова истоки цивилизации, не так ли? Когда мы увезем их с собой на Вегу, то можем забрать всю их деревню и превратить ее в живой музей, чтобы сохранить остатки первобытной культуры землян. Мукинник будет нескованно рад этому.

— Вообще-то, мне тут как-то не по себе, — сказал Дженнес. — Сначала Кельвин велел нам предостеречься, теперь Макнейл заявил, что им слишком поздно улетать. Я чую в этом какую-то проблему.

— Мой отец наказывал мне прислушиваться к людям с длинными носами, — заявил Норб. — Он чуют даже проблемы там, где их нет и в помине.

— Думай как хочешь, Кендон. Ты так взволнован, что находишься на Земле, что не видишь ничего дальше кончика своего носа, который, к слову, очень маленький.

Норб растянулся на соломенном тюфяке и ничего не ответил. Прогулка через снег была утомительной, и ему хотелось немного поспать.

КАЗАЛОСЬ, ПРОШЕЛ лишь миг, когда раздался робкий стук в стенку из комнатушки. Внутрь на цыпочках вошла девушка. Она была вся закутана в меха, исключая ее симпатичное, хотя и грязно-

ватое, личико с высокими скулами. Лет ей было, судя по виду, около восемнадцати.

Норб молча ждал, когда она справится со страхом.

— Танец сейчас начнется, господа, — прошептала она. — Макнейл считает, что вам будет интересно.

Передав сообщение, она резко повернулась и убежала в коридор.

— Пошли, раз зовут, — сказал Дженнес. — Нас наверняка уже ждут.

— Идем.

Они пошли по коридору в том направлении, откуда доносился звук барабанов. Все сто два жителя Земли собрались в самой большой комнате подземного поселения. Они сидели единой группой, не считай Макнейла, который стоял впереди, и двух барабанщиков, сидевших в сторонке и терпеливо бьющих в барабаны из натянутых шкур.

— Мы готовы начинать, — сказал Макнейл. — Мы регулярно проводим эти танцы, но впервые у нас появились сторонние зрители. По этому поводу все очень взволнованы.

МАКНЕЙЛ СЕЛ у одной стены и попросил вегиан присоединиться к нему.

— Это единственный оставшийся у нас вид искусства. Остальным нам пришлось воспрепятствовать, потому что они бесполезны, но от этого, по крайней мере, люди получают хоть какую-нибудь тренировку.

— А что это за танец?

— Это историческое театрализованное представление. Оно показывает историю Земли с самого ее расцвета до старости. Кстати, это напомнило мне... вы все еще думаете забрать население Земли с вами на Вегу?

— Да, — сказал Норб.

— Забудьте об этом. Мы не можем улететь. И не пытайтесь заставить кого-нибудь из детей улететь с вами.

— Но почему, Макнейл? Мы предлагаем вам бесплатный перелет и все удобства Вселенной на теплой планете, а вы отказываетесь. Вам что, так нравится жить в этой промерзшей дыре?

— Пожалуйста, шепотом, — сказал король. — Я не хочу встремовать своих подданных. Нет, разумеется, нам здесь не нравится. Но здесь не так плохо, как кажется на первый взгляд. Земля замерзала в течение тысячелетий, и мы привыкли к холодному климату. Но не в этом причина, почему мы останемся здесь. Вы узнаете ее во время танца. Кажется, они уже готовы начинать.

БАРАБАНЩИКИ ЗАСТУЧАЛИ в хитром ритме, и земляне в центре комнаты начали медленно двигаться. Они передвигались

сложным образом, все быстрее и быстрее, извивались друг вокруг друга, точно змеи.

— Это Земля, какой она была раньше, — сказал Макнейл. — Переполненный дом Человечества.

Норб и Дженнес глядели, а движения становились все более быстрыми, земляне танцевали в сложном ритме, и па их все усложнялись.

Внезапно барабаны ударили, точно взорвались, и один из землян, вырвавшись из толпы, убежал в пустой угол комнаты.

— Первое межпланетное путешествие, — прошептал Макнейл.

Остальные танцоры продолжали двигаться плотной массой. Затем опять барабанная дробь, и второй танцор отделился и направился в другой угол.

— Второе путешествие, — шепнул Макнейл.

Танцоры двигались во все более головокружительном темпе, потом третий и четвертый разбежались по углам. Барабаны били, как бешеные.

— А вот началось массовое бегство, — сказал Макнейл. — Большой взрыв, направленный вовне, оставил Землю почти безлюдной.

Барабанщики совсем взбесились, пока танцоры один за другим убегали из центра по углам, и там их скопилось больше, чем в середине комнаты. Оставшиеся в центре теперь начали двигаться более медленно.

В середине комнаты оставалось лишь десяток землян, из первоначальных девяносто девяти. Они продолжали плясать, но все медленнее и медленнее. Затем один из них вырвался и убежал в самый дальний угол. За ним другой. Третий...

НАКОНЕЦ, В ЦЕНТРЕ осталось только три человека, медленно вращавшихся друг вокруг друга. Движения их становились все более стесненными, они корчились так, словно их ноги приклеились к полу. Медленно они опустились на холодный пол и остались лежать, все еще извиваясь. Движения затухали, теперь они лишь слегка шевелились пальцами ног. И вот, один за другим, совсем замерли.

Это было словно сигналом для всех танцоров. Они начали кричать, петь, трое из середины вскочили и присоединились к ним. Танец закончился.

Норб и Дженнес сидели, словно застыв от мороза.

— Вот наша последняя форма искусства, — сказал Макнейл. — Что вы о ней думаете?

— Все это замечательно, — сказал Норб, медленно приходя в себя.

— Но я не совсем понял символику в конце. Почему трое послед-

них не убежали, чтобы присоединиться к остальным на других планетах?

— Мне казалось, это очевидно, — сказал Макнейл, — но, возможно, я видел этот танец уже много раз. Смотрите, они улетели бы, но не могут, планета не позволяет им.

— Как это? — удивленно спросил Дженнес.

— Земля — очень одинокий мир, вегиане. Она больше не получает от Солнца много тепла и знает, что умирает. Но она не хочет умирать в одиночку. Почти все люди покинули ее, и она изо всех сил цепляется за последнюю сотню. Прошли уже века с тех пор, как землянину разрешили покинуть планету. Земля не хочет, чтобы мы улетали, и крепко держит нас.

— Не говорите так, Макнейл, — сердито сказал Дженнес. — Я знаю, вы думаете, что мы считаем вас дикарями, но это не значит, что вы должны этим кичиться. Есть много других причин, почему вы не хотите улетать. И не надо заваливать меня мифологией. Мы знаем...

ВНЕЗАПНО ЗЕМЛЯ конвульсивно содрогнулась, и Дженнес полетел на пол.

— Землетрясение, — спокойно сказал Макнейл. — Оно теперь проходит всякий раз, когда Земля сердится — и я думаю, что вы рассердили ее, очень рассердили. Мне кажется, вам лучше вернуться на свой корабль, прежде чем не начались настоящие проблемы. Кельвин, проводите их к кораблю.

— Погодите. Прежде, чем вы позволите нам уйти, мы хотим поговорить со своим командиром и узнать, что считает он.

— Не думаю, что он сумеет повлиять на нас, — сказал Макнейл. — Но пожалуйста, если вам так хочется.

Дженнес включил и начал настраивать радио. Это довольно простое дело для такого опытного пилота, как Дженнес, но сейчас руки его дрожали, поэтому настройка заняла больше времени, чем обычно. Наконец, он связался с «Хогсмитом», и в динамиках раздался знакомый голос Мушенника.

— Как дела? — спросил командир. — Мы видели, как вы идете в ту дыру вслед за землянином. Что там у вас происходит?

— Поговори сам, — шепнул Дженнес Норбу.

Норб занял его место у радио.

— У нас проблемы, командир, — сказал Норб. — Ну, мы нашли землян — их тут сто сто два человека, и они утверждают, что это все население планеты.

— Они здоровы?

— Здоровее нас. Тут примерно минус пять градусов, и я думаю, что это поддерживает их в форме.

— Они дикари?

Норб оглянулся. Вокруг него тесно сгрудилась толпа любопытных землян.

— Нет, Мукинник. Но они... ну, и не совсем цивилизованы.

Норб услышал, как протестующе фыркнул Макнейл.

— Что вы имеете в виду? Вы предложили им покинуть Землю?

— Да, — сказал Норб. — Я рассказал им о Веге, но они не хотят лететь.

— Не хотят? Почему?

— Мы разговаривали со здешним королем, и он сказал, что дух Земли одинокий, он умирает и не хочет, чтобы все его покинули. Кажется, король имел в виду, что они бы не прочь перебраться в теплое местечко, но застряли здесь навсегда.

— О-о... — протянул Мукинник, он был явно разочарован. — Выходит, они не полетят?

— Нет.

На мгновение наступила тишина.

— Ну, и не пытайтесь заставить их, — сказал, наконец, Мукинник.

— Не хватало нам еще вмешиваться в туземные обычай. Проще бросить все это, как безнадежное дело, и вернуться. Отчет мы потом пригладим. По крайней мере, мы нашли легендарных землян.

— Да, — сказал Норб, — по крайней мере, мы нашли их. Ладно, мы немедленно уходим к катеру. Готовьте воздушный шлюз, чтобы принять нас.

ПОХОД ПО глубокому снегу туда, где блестел вертикально стоящий двухместный катер, был долгим и мучительным. Сопровождающий их Кельвин — старик оказался неутомимым — с явным изумлением смотрел на космическое суденышко.

Норб и Дженнес начали подниматься по пандусу к люку катера. Кельвин остался внизу, глядя на них.

— Пока, старик, — сказал Норб.

— Пока, — повторил, точно эхо, Дженнес. — Мы будем помнить о тебе на Веге. Там хорошо и тепло. Знаешь, старик, как мог бы ты жить в том теплом климате!..

— Знаю, — мгновенно ответил Кельвин. — Но я принадлежу этой планете. Прощай, Длинноносый. Прощай, Квадратноголовый.

— Прощай, Кельвин, — сказал Норб, несколько раздраженный таким прозвищем.

— Не торопитесь улетать, — сказал Кельвин. — Я хочу отойти тот вашего корабля, прежде чем вы... Если вы вообще улетите. — Старик кудахтающе захихикал и побрел по снегу к своему народу.

Норб смотрел, как он уходит.

— Ну... ну... — Он откашлялся. — Странные эти люди, земляне. Холод сделал их сильными и... и благородными на вид.

— Что-то ты стал сентиментальным, — сказал Дженнес. — Ладно, сейчас взлетаем.

Норб уставился в иллюминатор, где мерцающее багровое солнце садилось за горизонт, и вскоре должно было начать темнеть. Дженнес потянулся к рычагу пуска.

— Эй!..

НОРБ ПОВЕРНУЛСЯ и увидел, что напряженный Дженнес пытается потянуть пусковой рычаг, но рука его почему-то не сгибалась в локте.

— Что-то случилось. Я не могу согнуть руку. Иди сюда и потяни рычаг сам.

Норб поспешил к пульту управления.

— Я никогда этого не делал... — пробормотал он.

— Это ничего, — сказал Дженнес, сморщившись от острой боли в руке. — Просто потяни рычаг на себя.

Норб вытянул руку. Но не коснулся рычага.

— Я... Я не могу этого сделать.

С растущим ужасом он уставился на Дженнеса.

— Да, можешь, — сказал Дженнес, продолжая растирать руку, чтобы она начала сгибаться. — Бери и тащи его на себя.

На лбу Норба вспыхнули бусинки пота. Он попытался выпрямить руку, чтобы коснуться рычага.

— Вокруг словно невидимая стена, — сказа Норб. — Я не могу даже коснуться его.

Он сделал еще одну попытку, затем опустился в кресло, полный гнева и разочарования.

Дженнес тронул его свободной рукой.

— Я тоже не могу этого сделать.

Он посмотрел на Норба, а Норб посмотрел на него.

— Ты знаешь, что я думаю? — спокойно спросил Дженнес.

Норб кивнул.

— Я думаю то же самое.

Он предпринял еще одну попытку схватиться за рычаг, но ничего не вышло.

Норб в замешательстве уставился в иллюминатор на отражение багрового солнца на снегу. Дженнес молча глядел на него.

— Но это же просто сумасшествие! — взревел он, наконец. — Ты же не веришь во все эти истории про духа Земли?

— Вспомни, Дженнес, я ведь сентиментален.

— Сейчас не время для препирательств. Почему мы не можем дотронуться до рычага?

— ПОТОМУ ЧТО *оны* верят в духа Земли, — медленно сказал Норб. — Возможно, земляне загипнотизировали нас во время танца и оставили постгипнотическую команду не касаться рычага. И нет ни какой физической причины, не позволяющей нам дотронуться до него.

А мы не можем сами разгипнотизировать себя?

Дженнес подошел к Норбу у иллюминатора и тоже стал глядеть на снег.

— Я просто предполагаю, что они это сделали. Потому что, что бы там ни было, это сделали они. Да... Но *кто знает*, может, может, это и действительно сама Земля!

Дженнес уставился на него.

— Нет! — закричал он, бросился к пульту и попытался схватить рычаг, но из этого ничего не вышло. — Это должен быть гипноз, — сказал он. — Я могу протянуть руку, но, когда уже почти касаюсь рычага, то отдергиваю ее. Я просто не могу заставить себя дотронуться до него.

— Может, — сказал Норб, — если ты протянешь руку, а я подойду сзади и случайно толкну тебя...

— Попробовать стоит, — кивнул Дженнес.

Он протянул руку как можно ближе к блестящему рычагу и замер. Норб, как бы небрежно прошелся мимо него, посвистывая, и внезапно сильно толкнул его в спину.

Дженнес закричал и скрючил пальцы.

— Бесполезно. С таким же успехом вокруг рычага действительно могла вырасти стена.

Норб нахмурился.

— Глянь-ка в иллюминатор, — сказал он. — Вон туда, где дерево.

Кельвин сидел, скрестив ноги, в снегу, метрах в ста от корабля и смотрел на него, словно что-то ожидал.

— Все они знают, что здесь происходит, — сказал Дженнес. — Держу пари, он хочет сейчас про себя.

ОН РЕЗКО выхватил из шкафчика какую-то длинную трубу и ударил ей по рычагу.

Корабль остался стоять.

А рычаг сломался.

— Что ты наделал? — сказал Норб. — Как ты теперь собираешься взлететь? Ты умеешь ремонтировать стартовый механизм?

— Не очень-то, но не об этом мы должны сейчас беспокоиться. Я собираюсь связаться с Мукинником и попросить, чтобы они сели и забрали нас.

— А что, если и *оны* так же застрянут здесь?

— По крайней мере, материально мы не проиграем, и у нас будет компания.

— Это не очень хорошая идея, Харл, но, кажется, я снова становлюсь сентиментальным.

— Молчи уж, — буркнул Дженнес и связался с «Хогсмитом».

— Я думал, вы возвращаетесь, — сказал Мукинник. — Мы вас ждем.

— Мы застряли. Не можем поднять катер.

— А какие проблемы? Механическая поломка. Или, — вздохнул Мукинник, — дух Земли не позволяет вас взлететь?

— Мы сломали стартовый рычаг.

— Воспользуйтесь запасным, он находится под кожухом.

Они открыли кожух. Рычаг действительно там был. Вот только дотронуться до него они не могли.

— Мы не можем коснуться его, — сказал Норб. — Думаю, земляне внедрили в нас постгипнотический запрет взлетать.

Дженнес взглянул в иллюминатор.

— Кельвин все еще здесь. Почему бы нам не привести его сюда и не заставить дернуть этот чертов рычаг?

— Не годится, — сказал из динамика Мукинник. — Мы ведь должны будем его потом как-то вернуть.

— Что же делать? — спросил Дженнес.

— Пока ничего. Я пошлю вниз другой катер, чтобы вытащить вас, идиотов.

НЕКОТОРОЕ ВРЕМЯ спустя второй катер опустился в снег возле первого. Норб видел, что Кельвин с явным интересом наблюдает за его посадкой.

Два тепло одетых космонавта спустились из люка по пандусу и направились к Норбу и Дженнесу.

— Давайте быстрее, — сказал один из них. — Мукинник не хочет напрасно тратить время. Киннир возьмет вас к себе в катер, а я приведу ваш.

Норб и Дженнес прошли во второй катер с Кинниром. Киннир сел за пульт управления, громко зевнул и попытался тронуть стартовый рычаг, но потерпел неудачу.

— Мы что, *все спятали?* — рявкнул он.

— Похоже, что это заразно, — сказал Норб и глянул в иллюминатор. — Тебе не кажется, что Бартл долго возится с нашим катером?

Кельвин поднялся и медленно побрел к ним по снегу.

— Есть ли из этого какой-нибудь выход? — спросил Киннир. — Да-вайте свяжемся в Мукинником и попросим, чтобы он прилетел за нами на «Хогсмите».

— Ты думаешь, он станет рисковать *сам* застрять здесь?

— Не может же он оставить здесь четырех человек?

— Значит, ты плохо знаешь Мукинника, — сказал Норб и помахал в иллюминатор Кельвину.

Старик с готовностью подошел и остановился у пандуса.

— Какие-то проблемы, космонавты? Мне казалось, вы собирались улететь.

— Мы не можем взлететь, — сказал Норб.

— Да? Что-то с двигателями?

— Нет. Вы ведь знаете, в чем тут дело?

Кельвин улыбнулся.

— Мы с радостью примем вас в нашей деревне, — сказал он. — Мы всегда рады притоку новой крови.

— И нет никакого выхода?

— Земля — Одинокая Планета, — сказал Кельвин. — Ей нужна компания.

Норб оглянулся и осмотрел рубку. Дженнес что-то говорил в микрофон, и ему отвечал сквозь помехи голос Мукинника.

— Ну, как там?

— Они не прилетят, — сказал Дженнес. — Командир сказал, что присуждает нам всем медали за храбрость и оставляет здесь.

— Оставляет? Но почему?

— Он хочет быстрее покинуть орбиту. Боится, что дух Земли заставить его посадить весь «Хогсмит», и тогда никто не улетит. А ты знаешь, как ненавидит Мукинник холодную погоду.

Норб почувствовал, как по спине пробежал холодок.

— **ЭТО ПЛОХО**, — сказал Кельвин. — Хорошо было бы, если бы большой корабль тоже был здесь. Мы могли бы жить в нем вместо пещеры.

— Да, это плохо. Мне действительно жаль всех вас, — сказал Дженнес.

Из другого катера прибежал Бартл. Ему рассказали, что произошло.

Потом они все вышли наружу и принялись вглядываться в темнеющее небо. Серебристая точка «Хогсмита» все еще была на орбите. Норб повернулся и ушел внутрь.

— Они улетают! — закричал снаружи Дженнес.

— Все быстрее в катер! — отчаянно завопил Норб. — Последняя попытка!

В маленький катер набились все, кроме Кельвина. Старик остался снаружи у пандуса.

Норб попытался схватить рычаг, но не смог к нему прикоснуться.

— Вот и все, — сказал он. — Что ж, собирайтесь. Надеюсь, вам понравится вечная зима, новоиспеченные земляне.

Они тихо спустились по пандусу, и Кельвин повел их по снегу к маленькому поселению землян. Теперь у них было все время в мире, чтобы найти ответы. А воздух почему-то показался им более теплым и нежным, словно Земля была счастлива, что теперь стало сто шесть человек, которые будут жить с ней, и все они вместе с планетой умрут в один день.

The lonely one, (Science Fiction Stories, 1956 № 7), пер. Андрей Бурцев

СЕКРЕТНОЕ ОРУЖИЕ ТИТИПУ

МИФ БУДУЩЕГО

(под псевд. Келвин М. Нокс)

В ТИТИПУ БЫЛ час ТиВи, он наступал днем каждое воскресенье. Все воловьи шкуры, являвшиеся дверьми в лачугах из волнистого железа, составляющих славный город Шингтон, были нараспашку. Все семьи сидели на пеньках и кучах травы вдоль стен, и в тишине глядели на темные квадратные коробки с единственным стеклянным окошком.

Древняя легенда гласила, что когда-то за этим окошком появлялись интересные картинки, из таинственных глубин которой великие вожди говорили со своим народом. На памяти ни единого живущего человека картинок уже не появлялось, даже на памяти его отца или деда, впрочем, какая у дедов вообще может быть память...

Через некоторое время, когда крики брошенных в темноте младенцев становились невыносимыми, матери шли их успокаивать. В уголках спали старики и женщины, но неспящие расталкивали их. В других углах хихикали парочки, и временами без всякого энтузиазма восклицали девчонки: «Держи-ка при себе руки!»

Но никто не возражал против часа ТиВи. Это был закон. А, кроме того, это было пристойно, обслуживание ТиВи длилось, по крайней мере, шестую часть послеполуденного времени.

— С КАЖДЫМ поколением они становятся все более неугомонными, — шептал Самый Старый Старейшина, подсовывая под себя снятую с плеч овчину, чтобы помягче было на пне, на котором он восседал возле самой большой хижины. Это был Стул Пресервidenta, такой особый пень был приготовлен для него всюду, куда бы он ни пошел, поскольку он был Пресервидентом Королевских Штатов Мерики. Пресервидентом всегда был Самый Старый Старейшина, будучи, очевидно, лучшим сохранившимся среди мужчин.

— Они устали, — прошипел сын Пресервidenta, а по совместительству министр обороны.

— Наш епископ только вчера сказал мне, — беззубо прошамкал старик, — что мудрые древние смотрели ТиВи не только днем в воскресенье, но и каждый вечер по семь-восемь часов.

— Возможно, в те времена там действительно показывали картины, — проворчал министр обороны.

— Наш епископ считает, что картины появляются от надлежащего почтения, — порицательным тоном сказал старик. — Я и сам частенько поднимаюсь посреди ночи, чтобы дополнительно уважить ТиВи. Я жду, что однажды в этом маленьком окошке вспыхнут картины прошлого, и я увижу наших отцов-основателей, Кортеж Линкольнов, выходящий из священных пещер Айрапорта в Привиденсе, что означает Небеса, и как они идут в хижины Квонсета, неся с собой не только наш Государственный гимн, но и название нашей страны. В легендах говорится, что ТиВи всегда были готовы показывать их. Нужно лишь с надлежащим рвением производить уборку, называющуюся обслуживанием ТиВи.

Самый Старый Старейшина сделал паузу, поскольку снаружи, с Капитолийского Холма, донеслось пение. Он вздрогнул и поднялся на ноги.

— Гимн, — сказал он.

Со вздохами облегчения люди вышли наружу и закрыли двери хижин воловьими шкурами.

Капитолийский Холм был холмиком в центре Шингтона. На вершине его стояла хижина из обычного волнистого железа, полунакрытого тем, что называлось Куполом. Никто не знал, каково назначение Купола, но всегда было так, что Капитолий был с Куполом, и отец, и даже дедушка его был с Куполом, и так велось с Начала Времен.

Епископ Титипу стоял у подножия холмика, лицом к площади. У него была внушительная фигура, невзирая на академическую сгорблленность и редкие седые волосы. Он с достоинством носил свою академическую мантию из овчины. В Шингтоне было лишь несколько подобных одеяний, поколения назад их завезли сюда из помойки под названием Браун по другую сторону залива Наррагансетт, расположенного в дне езды в восточном направлении.

Позади епископа стоял хор в платьях из воловьих шкур, скопированных с мантии епископа. Они с вожделением пели государственный гимн:

Пусть гордо развевается наш гордый-гордый флаг,
Всем супостатам мы дадим пинков — вот так!
Железным сапогом раздавим супостатов,
Ни стены не помогут им, ни латы!
И пусть они дрожат, презренный овцы,
Идут с оружьем наши молодцы!

Когда кончилось Песнопение, епископ произнес несколько прavильно подобранных слов на ереси Долины Коннектикута:

THE SECRET WEAPON OF TITIPU

A FABLE OF FUTURITY

by RALPH SPENCER

Illustrated by LUTON

— Люди из тех краев, члены племен Долины, они называют себя по-разному — квакерами или пуританами — старыми словами, значение которых затерялось в горниле атомных войн. Но они дали этим словам новую интерпретацию Недостоверной Традиции, которая распространилась среди них. Эта Традиция — или, я бы сказал, легенда — формирует неортодоксальный тезис, что наша древняя столица была не здесь, в Шингтоне, который мы всегда знали и который явно был главной столицей Титипу под архаичным названием Род-Айленд. Так вот, ересь племен Долины утверждает, что столица Королевских Штатов была далеко на юге, в великом Лонг-Айленд-Соунде, хотя (тут он позволил себе привнести в речь толику юмора) никто и слыхом не слыхивал о таком острове. Поэтому можете быть уверены, что племена Долины вовсе не оказывают никакой преданности ни Шингтону, ни Конгрессу Королевских Штатов, который располагается здесь и который всегда правил Союзом, чьей главной поддержкой всегда были Титипу... я с сожалением должен констатировать, что его почти что единственной поддержкой.

ЕПИСКОП ОГЛЯДЕЛСЯ и увидел, что толпа с интересом внимает ему. Со слишком уж большим интересом. Явно пришло время уничтожить ересь.

– Все это не только бессмысленно, но и опасно для веры, поскольку всегда имеют место странные доктрины, даже изменнические доктрины. Смотрите сами: их легенды произвольно берут созвучие названия одного южного города нашему Шингтону – Вашингтон, и утверждают, что Вашингтон и был нашей столицей. В наших архивах хранится полностью опровергающая этот аргумент изодранная карта, выпущенная под подписью «Эссо», явно являющегося знатным сановником Церкви в древние времена, и на этой карте наш Шингтон явно расположен на Род-Айленде, и где его и называют, – он сделал паузу, после которой голос его триумфально пронесся над собравшимися: – Вашингтон! Наш город и есть Шингтон, и в этом нет и быть не может никаких сомнений!

Епископ так увлекся своей речью, что игнорировал бормотание за своей спиной:

– Старый епископ никогда не умел вовремя остановиться, когда пускался в академические споры. А я жрать хочу!

– Сама легенда, на которую опираются еретики, утверждает, что Вашингтон был столицей Соединенных Штатов, что созвучно истинным Королевским Штатам. Но всего лишь созвучно. Таким образом, они выдают свое невежество, поскольку в старой речи слово или частица ООН аннулировала то, что следовало за ним, поэтому их традиция уже содержит в себе внутреннее доказательство, что речь ни в коем случае не идет о Королевских Штатах!

ТОЛПА ЗААПЛОДИРОВАЛА, хотя мало кто чего понимал, ведь все это были слабограмотные, невежественные люди.

Епископ, хорошо сведущий в психологии толпы, моментально убрал с лица улыбку и поспешно закончил:

– Агенты ереси Долины, как мне достоверно сообщили высокопоставленные лица безопасности, работают среди нас в организации под названием «мирный фронт».

– Никакого мира с овцекрадами из Долины! – заорал кто-то в толпе.

Раздались бурные аплодисменты и одобрительный свист среди собравшихся на площади жителей Шингтона.

– Конгресс готов проголосовать! – закричал некто в овчинном тулупе, появившись на мгновение в дверях Капитолия на вершине холма.

– Не забывайте слова Гимна! – крикнул епископ, поднимаясь на холм. – Чтите Сенат, а я прослежу за остальным. Под угрозой образ жизни Мерикан.

Епископу мешала мантия, поэтому он остановился, скинул ее и повесил на руку. Так он, министр обороны и отец секретаря добрались до куполообразной хижины из волнистого железа, а другие, заинтересованные гражданскими делами, пыхтели следом за ними.

Они практически заполнили галерею, которая от зала парламента была отделена оградой.

На ограде сидел Линк, потомственный Разветвитель Железной Дороги, глядя, как внутри все заполняется Широкими Массами. Широкие Массы, как известно исстари, помогали Конгрессменам в дебатах.

В ПАЛАТЕ Сената собрался ныне весь Конгресс. После того, как ураган уничтожил вторую Палату, устоявшую даже перед древними атомными бомбами, все поняли, что деление Конгресса на два здания лишь задерживало законодательство, и вот теперь они, наконец, встретились все вместе.

В зале заседаний парламента разбросали охапки сена, чтобы дать места двадцати сенаторам и конгрессменам, глядящим на Спикера, который уже занял пень в конце хижины.

У многих законодателей были окровавленные головы и шишки под спутанными волосами, а некоторые носили на перевязи оружие. Рядом с одним сенатором лежали грубые кости, смастеренные из раздвоенных веток.

— Должно быть, они недавно занимались дебатами, — сказал министр обороны.

Пресервидент оценивающе глянул на собравшихся.

— Старшие участники, унаследовавшие свое положение, противостояли испытаниям государственного учреждения лучше всех, — с удовлетворением объявил он. — Большинство синяков и шишек я наблюдаю у тех, кого мы приговорили к сроку в Конгрессе за пьянство и дебоши.

— Политика требует навыков, — мудро заметил на это епископ.

Их прервал Спикер, открывший заседание.

— Законопроект об ассигнованиях лежит на полу в ожидании третьего чтения, — громогласно заявил Спикер. — Он должен определить размеры выплат в размерах одной овцы в неделю штату Пентагона для гарантии, что работы над секретным оружием Титипу будут продолжены до успешного завершения. Председатель Комитета по Ассигнованиям признал это.

КОНГРЕССМЕН СОБРАЛ свои кости, поднялся с их помощью и, опираясь на них, встал, покачиваясь.

— Наша справедливая страна в опасности, — начал он раскатистым голосом. — Возглавив группу налоговых инспекторов, от-

правившихся вечера в Долину Коннектикута, мы собрали около пятидесяти овец с ягнятами, но их изменнически отобрали у нас, выскочив из засады, состоявшей почти из сотни дубинок против наших двенадцати. Среди овец я узнал по мордам нескольких украшенных у меня во время набега, который племена Долины совершили неделю назад. Каждый год они посягают на нас. Я уже вижу, что бесполезно пытаться снова установить над ними власть, Непосвящением их в Рыцари, а нужно сконцентрировать всю нашу энергию на подготовке и приведении в готовность нашего долгожданного секретного оружия, что должно занять первое место и первую очередь. Мы должны, по крайней мере, укрепить линию границы, через которую они не смогли бы пройти.

— Чепуха! — заорал какой-то здоровенный детина с перевязанной головой, вскакивая на ноги и не ожидая, пока ему дадут слово.

— Сенатор выступает по этому вопросу? — тактично спросил Спикер.

— Выступает, — заорал детина и швырнул в Спикера камень, который угодил ему в живот и сбросил с пня. — Нам не нужно новое оружие, лучше просто прекратить взымать налоги!

— Но без налогов нам будет нечем поддерживать наше Правительство, — закричал председатель Ассигнований.

— Правительство — это чушь свинячья! — заявил перевязанный детина. — Нам оно не нужно. Племена вот имеют только главного вождя и несколько вождей-секретарей. И никаких еженедельных овец Пентагону — там вообще есть лишь один человек, — министр обороны.

— Ересь! Это все подрывная деятельность западной ереси! — закричал с галереи епископ.

Спикер снова сел на пень, держась рукой за живот.

Обе стороны изложили свои доводы, поэтому дебаты закончены. Вы готовы голосовать? — простонал он.

В зале заседаний все вскочили, во все стороны полетели охапки сена.

ТЕ СЕНАТОРЫ и Конгрессмены, которые носили академические мантии, сняли их и аккуратно свернули. Каждый законодатель выбрал дубинку из стоявших вдоль стен комнаты, и обе стороны встретились посреди помещения. Они были примерно равны по силе.

— Отдавайте свои голоса! — велел Спикер, поспешно убираясь подальше в угол.

С криками энтузиазма правящая партия и сторонники мира набросились друг на друга, началась рукопашная, замелькали ду-

бинки, воздух наполнила густая пыль, так что стало трудно различить отдельных Мудрых Правителей.

— Порядок, порядок, порядок! — выкрикивал из угла Спикер, достав свою дубинку и исподтишка охаживая ею по головам ближних своих.

Скандирование Спикера все же привело к тишине, пыль улеглась и Конгресс снова устроился на полу, осматривая свои ушибы, кроме председателя Ассигнований и представителя сторонников мира. Председатель еще не выдохся и, стоя у стены, хорошо орудовал дубинкой в правой руке, раз за разом опрокидывая на пол своего противника на костылях.

— Какой мастер парламентских дебатов этот председатель, — оценивающе заметил Самый Старый Старейшина.

Однако лидер мирных раз за разом поднимался и даже один раз чуть не пробил костылем оборону председателя.

— Мериканский образ жизни в опасности! — закричал Самый Старый Старейшина. — В качестве Пресервидента, я накладываю свое вето!

Он перепрыгнул оградку с той гибкостью, которая еще раз продемонстрировала его право на высшую должность, схватил с пола дубинку и обломал ее о голову сторонника мира, который упал на пол и на этот раз уже не поднялся.

МИНИСТР ОБОРОНЫ, епископ и Самый Старый Старейшинаели тушеную баарину из первой овцы, представленной по новому ассигнованию. Остальные овцы были уже в Свином Загоне, который, в качестве объекта страха и почитания, находился на первом (и единственном) этаже Пентагона — тоже хижине из волнистого железа, но обнесенной с пяти сторон каменной стеной. Мясо готовилось там на штамповочном прессе, занимавшем весь центр хижины.

— Мы чуть было не упустили эту овцу, — заметил Пресервидент. — Голосование было близко к провалу. Я никогда еще не накладывал вето, помня, что мой дед при этом лишился жизни. Он полез в самую гущу, а член оппозиции сумел подняться с пола позади него. Это было еще до того, как твердо установилось национальное единство и все еще существовали разногласия между потомками Дойля Картеса и потомками древних сенаторов и конгрессменов, так что тогда тут проходили те еще голосования.

— Великим деятелем древней истории был ваш дедушка, — сказал епископ. — Я помню, что он рассказывал мне много легенд об огромных разрушениях и секретном оружии, используемым обеими сторонами.

— Да уж, — закивал Самый Старый Старейшина, беря новую порцию баранины на палочке и кладя ее на горячий штамповочный пресс, чтобы она поджарилась. — У него, бедняги, не было технического склада ума, иначе мы бы уж давно имели это секретное оружие. Он все время читал книги, у него даже было несколько штук, которые теперь кто-то украл. Но он все время твердил, что секретное оружие древних, которое называлось по-всякому, — «атомные бомбы», «водородные бомбы», и «кобальтовые бомбы» — могло пробиться сквозь любую защиту, по-видимому, даже через овечий тулул, защищающий владельца от обычных дубинок. Он также думал, что секретное оружие разрушило все хижины, кроме наших здесь, в нашей столице, — добавил он, словно эта мысль только что пришла ему в голову. — Таким образом, победила наша сторона, и у нас все еще есть Шингтон.

— Я помню, он считал, что большие мусорные кучи в Провиденсе и Паутукете — это остатки древних поседений, — сказал епископ.

— Нет, теперь я уверен, что это не так, — сказал министр обороны застенчиво, потому что ему не нравилось спорить с епископом. — Как вам известно, я долгое время работал над оружием, и если я кажусь довольно бесцеремонным и невежливым, так это от подавленного волнения, потому что моя работа начала приносить результаты. — Министр обороны подождал, пока удивление не исчезло с их лиц, а затем продолжал: — Что касается секретного оружия, то можете получить мое честное слово, слово эксперта, что речь не идет о разрушении хижин. Моя задача, видите ли, состояла в том, как сделать то, что могли древние, а именно, найти, что может легко прорубать овчины и останавливать дубинки. Что касается мусорных куч, то, по моему мнению, эти кучи обвалившихся скал или отходы из странного твердого камня, обычно известного под названием *сталь*, не являются ни мусорными свалками, ни остатками жилья.

— О, я никогда не соглашался с дедом, что это было жилье, — поспешно вмешался Пресервидент. — Там же нет ничего похожего на хижины из волнистого железа или даже на долбленики западных племен.

— Совершенно верно, — заметил епископ. — Но почему это не свалки?

— Из-за распространенности *стали*, — все еще вежливо ответил министр обороны. — Каким же внутренним целям мог служить этот материал, что его изношенные части, в таких странных формах, нужно было непременно выбрасывать? Нет, я утверждаю, что эти кучи — ненужные отходы чрезвычайно плодовитого производства секретного оружия древних!

— Замечательные археологические исследования, как сказал бы ваш прадед.

— Сынок, может, ты и прав, — сказал Самый Старый Старейшина.
— Но ведь ты поискал в этих ненужных кучах тайну оружия?

— Поискал, — с гордостью ответил министр обороны. — И нашел способ обрабатывать *сталь*.

— И в виде чего? — спросил Самый Старый Старейшина.

— А, я знаю! — воскликнул епископ. — В форме ослиной челюсти. Одна из наших религиозных историй повествует об огромном количестве воинов, убитых именно ослиной челюстью героям по имени то ли Сэм, то ли Сэмсон. Я всегда ломал над этим голову, ведь такая челюсть не казалась эффективным оружием. Но если это повествование просто аллегория, символ, например, кобальтовой бомбы...

— Несомненно, вы правы, но я этого не знал и работал в другом направлении, — с определенным самодовольствием заявил министр обороны. — И вот теперь это оружие готово, но, традиционно, оно будет засекреченным в преддверии грядущего законодательства о новых ассигнованиях.

ОН ПРОШЕЛСЯ по хижине, порылся в груде соломы в углу Пентагона и достал на свет оружие.

Оба его собеседника были глубоко впечатлены. Пресервидент протянул руку, чтобы потрогать это чудо-оружие, и из пальца у него брызнула кровь.

— Очень сильное оружие, — сказал стариk, сунув пораненный палец в рот. — Наверное, это и есть кобальтовая или водородная бомба, которую ты открыл вновь.

— Я даже немного волнуюсь о моральных проблемах, — высказался епископ. — Имеем ли мы право привнести такое средство разрушения в мир? Подумайте о потерях человеческих жизней.

Но Самый Старый Старейшина хлопнул сына по плечу.

— Многих не нужно и убивать! Простое владение этим оружием делает нас неуязвимыми. Мы укрепим власть правительства Рыцарей Штатов сначала по Мысу Коддерс, а потом и по всему восточному заливу Наррагансетту. И затем, обезопасив себе тылы, разгромим племена долины.

— В любом случае, племена теперь будут знать свое место, — кивнул епископ.

— Мы пойдем на них, — заявил министр обороны, ослепленный перспективой абсолютной победы. — Мы победим всех в долине, а если окажется, что кто-то живет и за горами, победим и их.

— Поосторожней, сынок, — предостерег его Самый Старый Старейшина. — Мировая война и так достаточно велика. Не может быть

никаких земель за пределами Беркшира. Мой дед никогда не слышал о них. Там край мира.

— Я хотел бы дать название своему оружию, — покраснев, сказал министр обороны. — Я чувствую, что это пророческое, историческое событие, и у меня есть имя, подходящее для поэзии.

— Поэзии! — задумчиво протянул епископ. — Песни! Вот именно! Как хранитель письменных архивов и устной саги, я помню вид этого типа атомной бомбы, хоры и менестрели воспевают его, в течение бесчисленных эпох это было самым смертоносным орудием войны. Да, у него уже есть имя, и его можно опять с гордостью произнести.

Он торжественно надел свою мантию, а двое других склонили головы, в то время как епископ пропел:

— Слава секретному оружию Титипу! Слава мечу!

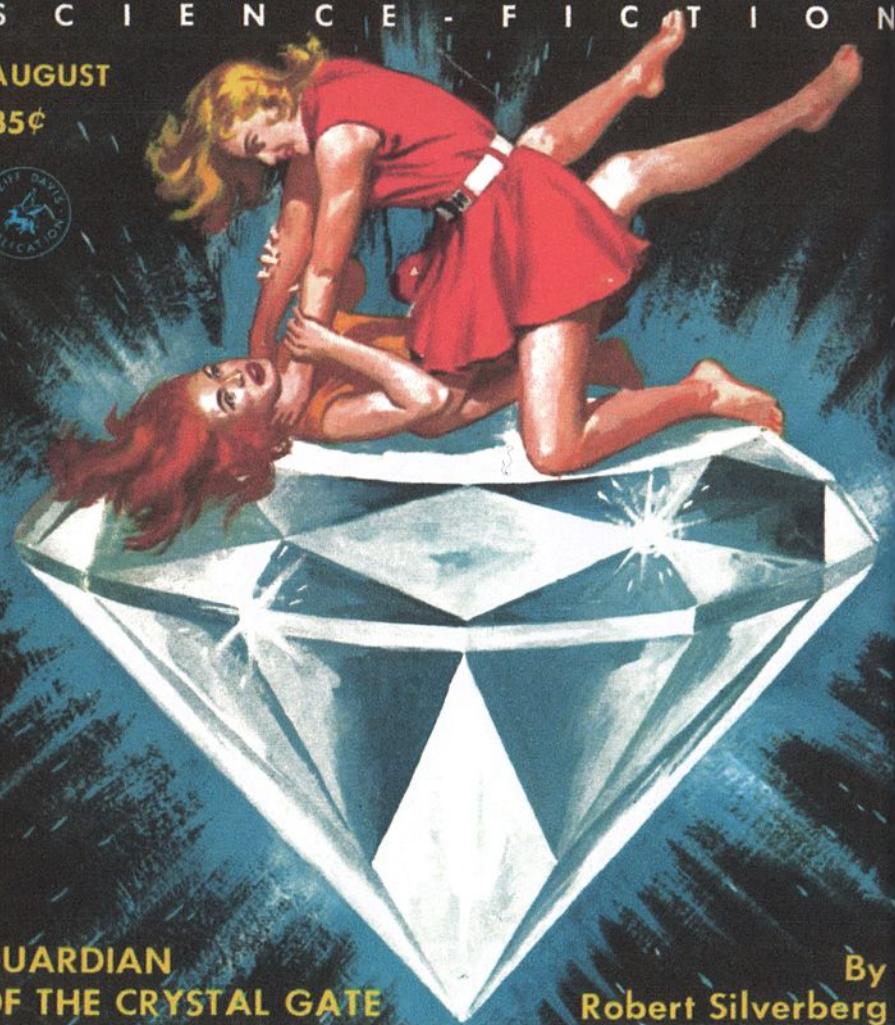
*The secret weapon of Titipu, (Science Fiction Stories, 1956 № 7), nep.
Андрей Бурцев*

fantastic

SCIENCE-FICTION

AUGUST

35¢

GUARDIAN
OF THE CRYSTAL GATE

By
Robert Silverberg

О, КАПИТАН МОЙ, КАПИТАН

(под псевд. Ивар Йоргенсен)

КАПИТАНУ МАРТЕЛЛО был известен квадратный сантиметр своего корабля. Прослужив на корабле двадцать лет, думал капитан, расхаживая взад-вперед по маленькой каюте и стискивая в руке радиограмму, прослужив двадцать лет, вполне можно узнать все особенности своего корабля. А также, себя самого.

С Юпитера на Землю. Длина маршрута – 370 300 000 километров. Капитан снова взглянул на депешу. Двадцать лет туда-сюда, с Юпитера на Землю, с Земли на Юпитер, и каждый полет длится 370 300 000 километров, а теперь вдруг – все. Капитан глубоко вздохнул и пошел к дверям каюты (краска на стенах которой давно уже начала отслаиваться, а скучная старая обстановка давным-давно устарела и требовала перемены), думая о том, что скажет экипажу.

– Доброе утро, капитан.

Мартелло поднял взгляд. Это был Салливан – один из большинства членов команды, который был принят на борт корабля одновременно с тем, как Мартелло занял пост капитана (20-го мая 2079 года, прошептал Мартелло внутренний голос), и все еще оставался на своем посту. Как и прочие члены команды, Салливан был невысоким, коренастым, широким, почти что квадратным, лысым и с неизменным космическим загаром. На нем была одна лишь набедренная повязка, но при жаре в носовом отсеке ничего другого и не требовалось. Салливан отлично приспособился к космосу: крепкий, несгибаемый, мощный автомат, словно созданный самой Природой для работы в «жарких» отсеках. *На земле он был бы всего лишь жалкой обезьянкой, уродцем*, подумал Мартелло, но здесь, на Корабле (когда-то, давно, у корабля было название, но за двадцать лет курсирования между Юпитером и Землей оно было всеми забыто, так что звали его теперь просто Корабль), *он отлично вписался в окружающую среду*.

Теперь же все кончено, подумал Мартелло. *Меня отправляют в отставку. Я должен провести свой последний рейс с тем, чтобы навсегда остаться на Земле.*

– Соберите команду, – сказал Мартелло Салливану. – Давайте сюда всех как можно быстрее. У меня важное сообщение.

– Будет сделано, кэп, – сказал Салливан (все формальности давным-давно исчезли, капитан и команда слились в единый механизм, бесперебойно перевозивший товары между Юпитером и Землей).

O' Captain, My Captain

By IVAR JORGENSEN

For twenty years this crew had roamed the System. But now it was over and the time had come for them to return to Earth—where they would be considered freaks. They shrank from the torment and loneliness, yet their greatest concern was: How will they receive our Captain?

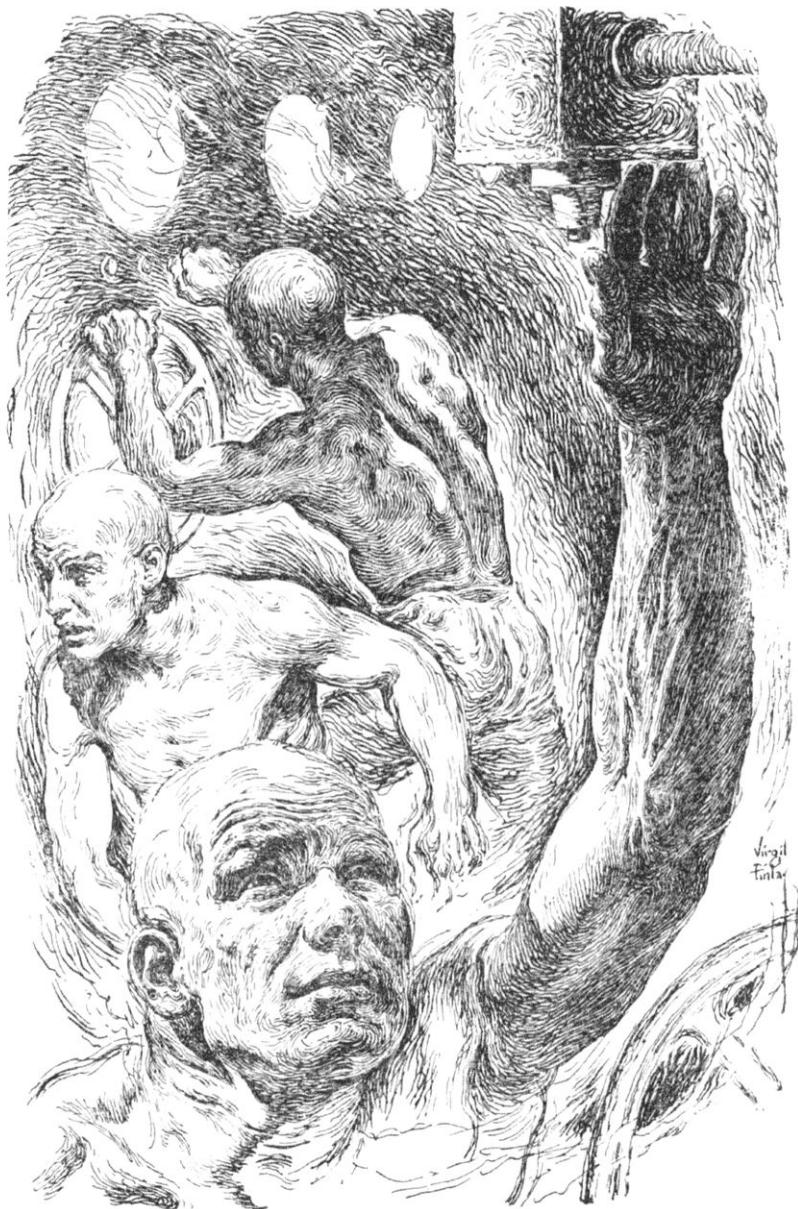
И Салливан исчез в слабо освещённом коридоре, ведущем в машинное отделение.

Мартелло расхаживал взад-вперед. На Земле никого из команды ничего особенного не ждало, с космосом будет покончено, и все это тут же поймут. Нет там местечка для потрепанного капитана космического парома, мрачно подумал Мартелло, такого, как я.

— Что случилось, кэп?

— Да, что произошло? — один за другим спрашивали появляющиеся члены экипажа, и Мартелло пристально разглядывал их.

Большинство из них, как и Салливан, прослужили на Корабле с самого начала, еще даже до Мартелло, и за это долгое время люди стали просто продолжением дюз и прочих корабельных устройств и механизмов. Салливан оттрубил в Космическом Паромном сообщении более сорока лет, причем все это время на борту Корабля. А это означало несколько часов во время загрузки на Юпитере, затем десять дней пути до Земли, потом несколько часов разгрузки-загрузки на Земле и снова десять дней на обратный полет. Теоретически, после каждого перелета команда полагалася двухдневный отпуск, и Мартелло вначале настаивал, чтобы весь экипаж пользовался им. Но людям это явно не нравилось, и, спустя какое-то время, Мартелло понял, почему. Корабль был их миром. Вне Корабля они были лишь кучкой уродцев, над которыми смеялись и на Земле, и на Юпитере. Кроме того, паромов вечно не хватало, а команда некуда было податься на время отпусков. Поэтому они перестали брать их, и постепенно двухдневные отпуска после рейсов стали лишь воспоминаниями, а потом и они стерлись из памяти. Корабль для экипажа был Миром, и ни у кого не возникало же-

Stoically, they rode the ship toward their destiny.

лания его покидать. Их жизнь состояла из загрузки, десяти дней полета, разгрузки и еще десяти дней на обратный путь, и никто не хотел никаких изменений.

Но теперь, подумал Мартелло, настало время перемен. Обычная жизнь подходит к концу. Капитан смотрел, как экипаж стоит и терпеливо ждет, что он скажет. Постороннему, возможно, показалось бы, что все они на одно лицо и похожи, точно горошины из одного стручка, но только не Мартелло. Двадцатилетний опыт службы на Корабле напоминал ему, что шрам над правым глазом принадлежит Стевелмену, а длинный, глубокий рубец через грудь – Келлеру.

– В чем дело, капитан Мартелло? – слились воедино их голоса.

– Боюсь, у меня дурные вести, – сказал Мартелло звучным, насколько у него получилось, голосом. – Надвигается нечто очень серьезное.

В голове у Мартелло мелькнула мысль, что будет делать экипаж, когда, по прилете на Землю, Корабль поставят на вечный прикол. А, скорее всего, он просто пойдет на переплавку. Все эти уродцы, коротышки, лысые, продубленные космосом, некоторые совсем нагие и постоянно потеющие от тяжелой работы возле камер сгорания, как смогут они выжить в мире, который вообще не знают, и в котором нет для них места? *И для меня там нет места*, мысленно добавил Мартелло, но тут же оборвал эту мысль.

– График, капитан, – тихонько шепнул Салливан, и Мартелло сообразил, что экипаж весь в сборе, все покинули рабочие места и уже пять минут ждут, что он скажет. Пять минут, оторванных от Священного Графика работ. Мартелло чуть улыбнулся. Что ж, он должен сказать им все.

– Мое сообщение будет коротким, хотя и не приятным, – сказал Капитан, не сводя глаз со своего экипажа. – 25 августа 2099 года паром Земля-Юпитер будет заменен передатчиком материи. И это означает, что всех нас уволят.

Мартелло увидел, как по лицам команды пробежала волна гнева вперемешку со страхом. Все что-то забормотали, и их бормотание слилось в сердитый, монотонный гул.

– Тихо! Это еще не самое плохое. Все мы знаем, что, рано или поздно, это должно случиться, с паромом Земля-Марс это произошло еще несколько лет назад. Но, по крайней мере, марсианским паромщикам дали другую работу.

– А с нами что будет? – выкрикнул Келлер.

– Хороший вопрос, – сказал Мартелло, с тревогой глядя на взъерошенные лица людей.

Он почувствовал укол жалости, жалости к членам своего экипажа, настолько приспособленными к жизни на корабле, насколько же беспомощными во внешнем мире, которому они не нужны.

– Мы должны доставить Корабль на Землю и разгрузить. Это будет наша последняя разгрузка. Корабль будет списан – я думаю, его просто разберут и отправят в переработку, а мы все станем пенси-

онерами Паромного сообщения. Для управления на обоих концах передатчика материи требуются всего четыре человека, и мы там не нужны. Тем более, что Земля собирается заменить все космические маршруты этими передатчиками, как только будут установлены их полюса на всех планетах. Так вот обстоят дела, люди.

— Но мы не согласны с таким положением! — закричал Салливан, и басистый голос его загрохотал в тесной кают-компании. — А что, если мы откажемся садиться на Землю? Мы могли бы навсегда остаться на Корабле, а, в случае необходимости, стали бы пиратами.

Даже сквозь густой космический загар на его лице пропустила багровая краска гнева, а шрам, который он получил во время взрыва дюзы в 84-ом, сделался ярко-белым на коне кожи.

— Нет, — тихо сказал Мартелло. — Не считая того, что я не хочу разрушать репутацию нашего Корабля и всей Паромной службы, ничего подобного не получится. Может, сейчас идея пиратства кому-нибудь и понравится, но вы попытайтесь отыскать корабль в космосе. Во-первых, легче иголку найти в стоге сена, а во вторых, вскоре в космосе вообще не останется никаких кораблей, так кого же будут грабить пираты? Невозможно же взять на абордаж луч передатчика материи.

Салливан тут же утих. Слишком долго он был лоялен к Мартелло, чтобы теперь пытаться спорить с ним, но Капитану было очевидно, что старый паромщик рассержен и очень опасен. Мартелло взглянул на висящий на стене большой хронометр.

— Наступает время начать торможение. Салливан, возьмите своих людей и начинайте работать, а с остальными я хочу еще поговорить.

И капитан Мартелло шагнул к ним.

— Таково положение вещей. Так что вы будете делать — разумеется, в рамках закона?

— А почему бы не попросить, чтобы они продали нам Корабль, капитан? — раздался голос у него за спиной.

Это был Бэннемен, самый младший из экипажа, появившийся на борту лет десять назад. Он еще не совсем облысел и покернел от космических лучей, прорывающихся сквозь экранирование.

— Смотрите, мы не хотим остаться на Земле, а они не хотят видеть там нас. Мы не приспособлены к жизни на Земле. Некоторые из нас не были за пределами космопорта двадцать лет с лишним. Так почему бы нам не купить Корабль у правительства и остаться жить в нем? Мы могли бы тратить наши пенсии на еду и топливо.

— Да, — добавил Стевелмен, и Мартелло тут же вспомнил, что Стевелмен первым перестал брать отпуска, предпочитая вместо этого оставаться на Корабле. — Мы могли бы даже организовать собственное частное паромное сообщение, — продолжал Стевелмен. — Например, для тех, кто не доверяет передатчикам материи.

Мартелло прислонился к стене. На секунду это предложение даже показалось ему вероятным. Но только на секунду.

— Не думаю, что правительство пойдет на это, — сказал он. — Они хотят выжить нас из космоса, и им не понравится, что мы будем летать, куда захотим. Еще ни одному кораблю никогда не позволили этого. Так почему же позволят нам? Нет. Послушайте меня: все вы взрослые люди, мужчины, и должны принять это, как мужчины. Мы приведем Корабль на Землю, разгрузим, а затем передадим его, кому нужно. А затем выйдем в мир, которому придется слегка потесниться, чтобы освободить для нас место. Вам еще не поздно забыть Корабль и спокойно жить на планете.

Мартелло внимательно оглядел их. Все были явно недовольны, но все любили и уважали своего капитана, и привыкли ему подчиняться.

— А теперь возвращайтесь по рабочим местам. Давайте, заставим наш старый ящик прибыть на Землю в рекордные сроки.

Все разошлись. Капитан Мартелло вернулся в свою каюту и запер за собой дверь. Теперь никто не будет беспокоить его.

Прекрасный совет, подумал Мартелло, перебирая длинную шеренгу вахтенных журналов, стоящих на полке, журналов, накопившихся за двадцать лет курсирования по космосу. *Все вы взрослые люди. Так я сказал им. Я разговаривал с ними, как отец. Да, как отец.*

Капитан Мартелло взял наугад один из вахтенных журналов и полистал его, рассеянно улыбаясь. *Двадцать лет я вел свой экипаж за ручку, я нянчил и лелеял их. Но кто поведет за ручку меня? Что я собираюсь делать, когда мы вернемся на Землю? И если на этот вопрос не может ответить капитан, то чего тогда ждать от сопливого юнги?*

В зеркале — единственная уступка Мартелло своему врожденному тщеславию — отражалось крепкое, как железо, мускулистое коренастое тело и блестящая лысина. *30 августа 2088 года у меня выпала последняя прядка волос. Выпала прямо сюда, на вахтенный журнал.*

Мартелло полистал страницы журнала и нашел эту запись: «Сегодня остатки моих волос пали жертвой космических лучей. Теперь я знаю, что покинул Землю навсегда. Они должны меня понять». Страницей далее была одна из бесчисленных записей о прошедшем полете, заполняющих все журналы Мартелло. «Сегодня вели на Юпитере, разгрузили десять ящиков. Я понятия не имею, что в них. Может, во всех них респираторы. А может, зеленая помада — я слышал, что у земных женщин за последний год возник на нее жуткий спрос. Конечно же, юпитерианки не хотят отстать от этой моды. Экипаж снова проголосовал за то, чтобы отказаться от двух-

дневного отпуска, так что сегодня вечером загружаемся – и в обратный путь. В среднем, за Земной год мы делаем больше тридцати перелетов, это стоит записать. Возможно, я попрошу за это медаль».

Мартелло поставил журнал обратно на полку и, сев, чуть повернул регулятор, повышая в каюте уровень кислорода. Каюта давно уже казалась ему домом. На Корабле Мартелло был боссом, мудрым, уважаемым, непогрешимым лидером. Даже больше, чем просто боссом, – Богом. А на Земле?

Как давно это было. Возможно самоубийство (он думал о нем в двадцать лет) было бы лучше, чем бесконечные перелеты между Юпитером и Землей. Но можно привыкнуть и к ним, привыкнуть и даже полюбить их. Только, в конечном итоге, безопасности ради, придет конец кораблям и полетам, и вот теперь настало это время... Осталось лишь вернуться на Землю. Вот только там, подумал Мартелло, я уже никогда не буду Богом, а стану просто смешным уродцем.

С экипажем все будет в порядке. Они не такой чувствительный народ, чтобы заранее беспокоиться о том, что и как там будет. *Но их положение отличается от моего*, думал Мартелло, откинувшись в гамаке и прикрыв глаза. *Завтра разомкнется замкнутый цикл полетов, и капитан с экипажем будут выброшены на Землю. Остается лишь одно: смириться и постараться привыкнуть к этой перемене.*

Кто-то забарабанил в дверь. Громко и настойчиво.

– Проснитесь, капитан! Мы садимся!

Мартелло вскочил с гамака. Впервые за двадцать лет капитан проспал и не смог лично проконтролировать посадку Корабля на Землю. Разумеется, Салливан мог пустить Корабль по спирали приземления не хуже, а, может, даже лучше него, но Мартелло всегда присутствовал при посадке. До сих пор. А теперь установленный Порядок уже начал ломаться.

Мартелло выбрал самую красивую форму из трех, висящих в шкафу, и переоделся. Каждые десять дней он надевал парадную форму, наблюдая за разгрузкой. Корабельные влагопоглотители давно уже не работали, как надо, и Мартелло обливался потом, но упрямо надевал форму лишь затем, чтобы подчеркнуть разницу между капитаном и его экипажем. У экипажа не было вообще никакой нужды носить что-либо в жаре тех отсеков, где они работали. Но привычка ходить раздетыми вступала в свои права постепенно, нерешительно, примерно через пять лет после того, как капитан занял свой пост.

Одевшись, капитан вышел из каюты и стал наблюдать за разгрузкой – очередная рутинна. Салливан уже расставил всех по местам, так что Мартелло не было никаких причин вмешиваться. Салливан

проследил, чтобы все люди были должным образом одеты перед тем, как они вышли из Корабля, и что каждый ящик был проверен, как положено. Мартелло, внезапно почувствовав, что ему слишком тяжело поддерживать стальной, непреклонный внешний вид космического капитана в порту, опустился на выступ переборки и стал наблюдать за разгрузкой.

— Разгрузка закончена, капитан, — доложил Салливан и, чуть помолчав, добавил: — Снаружи собралась целая толпа.

— Вероятно, охотники за сувенирами, — проворчал Мартелло. — Каждый из них хочет оторвать себе кусочек Корабля на память.

Салливан ничего не ответил на этом.

— Какие последуют приказы?

Мартелло почувствовал сильное желание оставаться одному, один на один с Кораблем, и чтобы никого не было рядом.

— Выведите экипаж наружу и закройте за собой люк.

— Вы остаетесь? — спросил Салливан, все еще стоя на пороге шлюза.

— У меня еще остались кое-какие дела, так что мне потребуется еще несколько минут, — буркнул Мартелло, страстно желая, чтобы Салливан, наконец, ушел.

Но коротышка продолжал упрямо стоять на пороге шлюза.

— Выйдите, — сказал Мартелло, сидя. Ссунувшись, на выступе.

— Я могу что-нибудь сделать, капитан?

— Выйдите!

Салливан отступил на пару шагов, затем вновь подошел к Мартелло.

— Капитан... Я понимаю, что вы сейчас чувствуете. — Он протянул руку и тронул запястье Мартелло. — Но пойдемте... Пойдемте со мной...

Неожиданно прия в бешенство, Мартелло ударил Салливана тыльной стороной ладони. Салливан отлетел, стукнулся в стенку и медленно поднялся на ноги. Мартелло глядел на него. Впервые за двадцать лет капитан ударил члена команды, не считая инцидента на следующий день после того, как Мартелло принял под свое командование Корабль.

— Я знаю, что вы сейчас чувствуете, — тихонько повторил Салливан, повернулся и ушел, а Мартелло остался в полумраке, уставившись в пустоту.

Проплыло, казалось, еще двадцать лет. Весь золотистый ореол, окружавший капитана Мартелло, вся его власть, достоинство и непогрешимость, все, казалось, обратилось в шлак и пепел. Все, что было у него в душе, что наполняло его все эти годы, внезапно исчезло, и внутри осталась лишь пустота.

Открылся люк, это вернулся Салливан. А снаружи капитан Мартелло услышал шум огромной толпы.

— Все ждут вас, капитан. Вы должны выйти.

Медленно, нехотя, капитан Мартелло встал и вслед за Салливаном медленно переступил порог люка. Впервые со времени получения звания капитана он встал на твердую почву Земли, впервые за двадцать лет. И он не чувствовал в себе радости от возвращения.

Снаружи ждала огромная толпа, и она взревела, когда Салливан, а следом за ним и капитан Мартелло появились и корабельного люка. Впереди их ждала небольшая группа офицеров в великолепной парадной форме. Мартелло узнала среди них генерал-майора, который в 2079 году дал ему должность капитана на Корабле. И еще он был изумлен тем, что приходится на должность капитана корабля ставить женщину, но она отвечала всем требованием, прошла все тесты и проверки, заслужила высшие баллы на экзаменах, так что у него не было другого выбора. Генерал-майор — она давно уже забыла его имя, — был в великолепной парадной форме маршала, и поспешил к ней навстречу с микрофоном в руке.

Он что-то говорил о ней, но она не могла связать его слова во что-то внятное. Он говорил о ее беспрецедентном подвиге, о том, что эта женщина-капитан пробыла в космосе больше двадцати лет, о ее несгибаемой воле, о том, что ее паром, летающий по маршруту Земля-Юпитер-Земля побил все рекорды, что имя ее овеяно славой, и что книга, которую она теперь, несомненно, напишет, сделает ее еще более знаменитой во всем мире, и еще много чего другого, в то время, как радостный, приветственный рев толпы становился все громче и громче. Толпа снова и снова ревела ее имя.

В толпе было много женщин, и капитан Мартелло посмотрела на них. Это были высокие, стройные, длинноволосые, симпатичные женщины. Настоящие женщины. А капитан Мартелло перестал считать себя женщиной и даже мысленно думал о себе в мужском роде. Маршал все продолжал говорить, а Мартелло увидел, что его — ее! — экипаж стоит неподалеку, сбившись в кучку, и выглядит покоренным, донельзя изумленным.

В толпе были настоящие женщины, и они превозносили ее за то, что она тоже была женщиной — женщиной, несмотря на мышцы, ум и лысину, как у любого мужчины, долго пробывшего в космосе. И когда закончил свою речь маршал, начали говорить они, эти женщины, и они говорили, что она — герой, о котором никогда не забудут. А Мартелло невольно отметил — отметила! — что даже сейчас они то и дело сбивались и говорили о ней, как о мужчине.

Но внезапно она поняла, что все ее недавние страхи не обоснованы. Не будет она пенсионером, над которым все станут смеяться и которому не найдется места на Земле. Нет, ведь она уже стала ге-

роем. Героиней! Конечно, она никогда не сможет занять свое место среди других женщин, но это еще не причина для страхов, скорее, это весьма веская причина для торжества.

На китель ей нацепили медаль, но она даже едва заметила это.

Двадцать лет назад она сделала выбор. Она бросила Землю и образ жизни земной женщины, и приняла решение всегда вести себя так, словно она была мужчиной. Теперь она поняла, что это было единственным возможным для нее шаблоном поведения. Если бы она осталась на Земле, то, со своим невзрачным ростом и некрасивым лицом, просто стала бы очередным гадким утенком, который никогда не превратиться в лебедя. Но она нашла иной путь и превратилась в нечто уникальное.

Салливан подошел к ней и преувеличенно четко отдал честь.

— Я никогда не мог сказать вам это на Корабле, — сказал он, — но я думаю, что вы прекрасны, капитан.

И по его тону капитан Мартелло поняла, что он имел в виду не ту красоту, которую мужчина находит в женщине, а красоту, которую можно найти лишь в богине.

— Пока мы еще не демобилизованы, мистер Салливан, вы должны обращаться ко мне «капитан» или «сэр», — холодно сказала капитан Мартелло.

Но на глазах у нее были слезы, и она даже попыталась улыбнуться — давно забытое умение, — когда приветственные крики стали еще громче.

O captain, my captain, (Fantastic, 1956 № 8), пер. Андрей Бурцев

a DAMON KNIGHT shocker: The Indigestible Invaders

Infinity

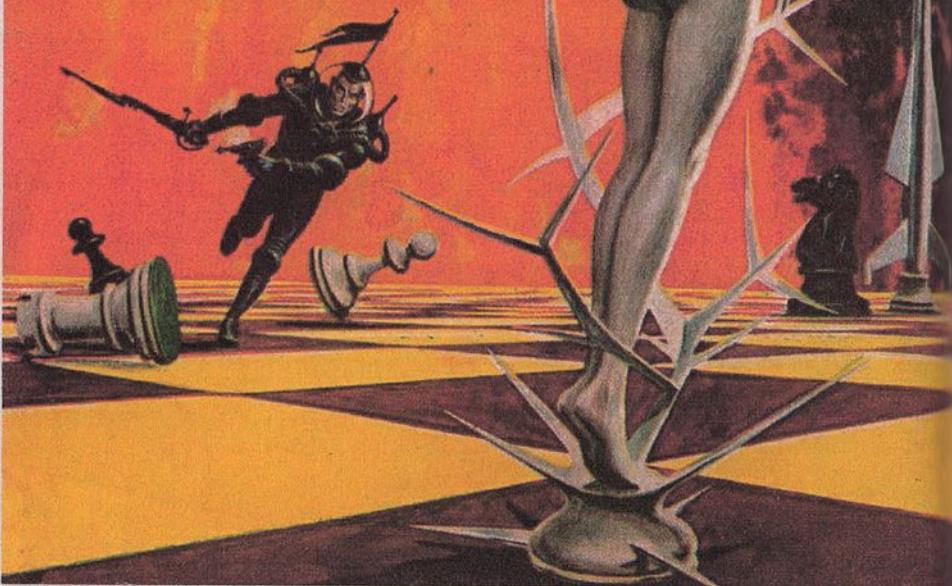
SCIENCE FICTION

PDC

October 35¢

A Novel You'll
Remember!

Lower Than Angels
by ALGIS BUDRYS

ПРЫГУН

ГЛАВА I

ЗАЗВОНИЛ ВИДЕОФОН, но Куэллен не шевельнулся. Он был в определенном настроении и не хотел нарушать его, вставая из кресла.

Он продолжал покачиваться в своем пневмокресле, глядя, как крокодилы медленно плывут по темной воде реки. Через некоторое время телефон замолчал. Куэллен сидел, радостно бездельничая, вдыхая теплую вонь гниющей растительности и слушая жужжание насекомых в неподвижном воздухе. В каком-то роде они были напоминанием из прошлого, они символизировали жизнь, которую он вел до того, как перешел в Тринадцатый Класс. В воздухе тогда висел устойчивый гул людей. Людей, роившихся в огромном улье города, а Куэллен терпеть не мог этого гула.

Куэллен швырнул в воду камешек.

— Получите! — крикнул он.

Тут же два крокодила беззвучно скользнули к тому месту, где плеснула вода. Но камешек уже утонул, подняв черные пузырьки, и крокодилы, стукнувшись носами, отплыли друг от друга.

Куэллен повторил про себя, словно молитву, список имен тех, кто звонил ему. *Марок*, подумал он. *Нет, только не Марок. Не Колл, не Спеннер, не Брогг, не Миккен. Но особенно, не Марок.* Куэллен вздохнул, думая обо всех них. Какое облегчение сидеть здесь, бездельничать и не слышать их голоса, жужжание их голосов, когда они ворвутся в кабинет! А лучше всего, быть как можно дальше от Марока. Ведь больше не нужно волноваться насчет кучи грязных тарелок и груды книг, захламляющих комнатушку, в которой они жили прежде, не нужно больше слышать его сухой, низкий голос, бесконечно бубнящий по видеотелефону, в то время как Куэллен пытался сосредоточиться.

Нет. Только не Марок.

Но, с сожалением подумал Куэллен, мир, в котором он надеялся жить, пока возводил свой новый дом, так и не возник. В течение многих лет он с беспримерным терпением ждал того дня, когда он получит Тринадцатый Класс, а вместе с ним право жить одному. И вот теперь, когда он уже достиг своей цели, жизнь преподносила ему один страх за другим.

Куэллен бросил в воду еще один камешек.

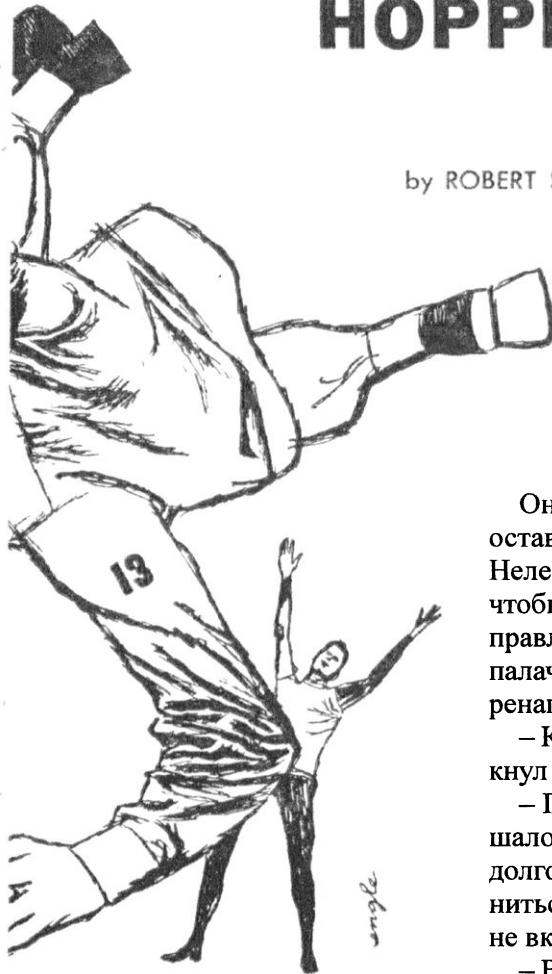
*Maybe you can't change the
present by changing the past—but a
fair exchange is still no robbery...*

Illustrated by ENGLE

И, наблюдая, как на темной поверхности воды расходятся концентрические круги ряби, он снова услышал в другом конце дома пронзительный звонок. Постоянно таящееся в нем беспокойство обернулось мрачным предчувствием. Куэллен поднялся из кресла и поспешил направился к видеофону.

HOPPER

by ROBERT SILVERBERG

Он включил связь, но оставил экран погашенным. Нелегко было устроить так, чтобы любые звонки, направленные в его дом в Аппалачах, автоматически перенаправлялись сюда.

— Куэллен слушает, — буркнул он.

— Говорит Колл, — послышалось в ответ. — Что-то я долго не мог до вас дозвониться, Куэллен. Почему вы не включили экран?

— Видео не работает, — ответил Куэллен, надеясь, что остроносый Колл не почуяет запах лжи в его голосе.

— Вы можете немедленно приехать ко мне? — спросил Колл. — Нам со Спеннером нужно срочно встретиться с вами. Вы поняли, Куэллен?

— Да сэр. Что-нибудь еще, сэр?

— Нет. Мы все расскажем, когда вы приедете, — и Колл решительно прервал связь.

Куэллен некоторое время глядел на пустой экран, кусая губу. Возможно, они ничего *не знают*. У него ведь все организовано. Но появилась настойчивая мысль, может, они все же раскрыли тайну Куэллена? Зачем бы Колл так срочно затребовал его? Куэллен вспотел, несмотря на кондиционеры, не впускающую внутрь большую часть жары Конго.

Его понизят до Двенадцатого Класса, если узнают. Или, более вероятно, даже до Восьмого. И остаток жизни он будет гнить в крошечной комнатушке, с двумя-тремя другими людьми, самыми здоровыми, самыми вонючими, самыми неприятными людьми, каких только они сумеют найти.

Куэллен бросил долгий взгляд на зеленый шатер деревьев, согнувшихся под тяжестью листвы. Потом с сожалением обвел взглядом две просторные комнаты, с прихожей и верандой. И теперь, когда уже все будет во-вот потеряно, он почти смаковал гудение мух. Вздохнув напоследок, он ступил в *стам*.

ПОЯВИЛСЯ ОН в крошечной квартирке для Тринадцатого Класса в Аппалацах, где, как все думали, он жил. Быстрыми, отработанными движениями сбросил домашнюю одежду и надел деловой костюм, и, убрав халат, превратился из Джо Куэллена, владельца незаконного жилища в сердце резервации в Африке, в Джозефа Куэллена, начальника криминального отдела, или в просторечии КримСека, стоящего на страже порядка и законности. Затем он поймал быстролодку и направился в центр, на встречу с Коллом, внутри весь сжимаясь от страха.

Когда он вошел, его уже ждали. Маленький, остроносый Колл, глядевший на мир, как какой-то огромный грызун, сидел лицом к двери, почти совсем спрятавшись за стопами бланков. Напротив него за столом сидел Спаннер, нагнув толстенную бычью шею над еще большими стопами сообщений и записок. Когда Куэллен вошел, Колл протянул руку к стене и щелкнул вентилем кислорода, поставив его на отметку 3.

— Что-то долго вы добирались, — сказал Колл без всяких предисловий.

— Простите, — пробормотал Куэллен, — но мне нужно было переодеться.

— Как бы мы не переодевались, ничего для нас не изменится, — проворчал Спаннер, словно продолжая уже начатый разговор. — Что случилось, то случилось, и мы ни на что уже не сможем повлиять.

— Садитесь, Куэллен, — сказал Колл и повернулся к Спаннеру. — Я думал, что мы уже обсуждали все это. Если мы вмешаемся, то все станет еще хуже. Почти тысячу лет мы работали под прикрытием, а наша организация была строгой секретной.

Куэллен тихонько вздохнул с облегчением. Чем бы они ни были озабочены, это не имело отношение к его незаконному африканскому убежищу. Теперь, когда его взор не застилали страх и ожидание кары, он внимательнее взглянул на двух своих начальников. Очевидно, они спорили уже долго. Колл был более высокой копией Куэллена, а Спеннер более сильной.

— Ладно, Колл, — прорычал Спеннер. — Я могу даже согласиться, что это еще сильнее запутает прошлое. Я со многим готов согласиться.

— Ну, это уже что-то, — проворчал похожий на крысу Колл.

— Не прерывайте меня. Я все равно думаю, что мы должны его остановить.

Колл впился взглядом в Спенnerа, и Куэллен заметил, что лишь его присутствие заставляет Колла скрывать свой гнев и раздражение.

— Но почему, Спеннер? Почему? Мы ведь уже сдерживаем рост пролетаров, их уже стало меньше на четыре тысячи, и это лишь начало. Вот здесь написано, что за первые три столетия их возникло более миллиона, после чего численность их продолжала расти. Погодите о населении, от которого мы избавляемся! Это же замечательно! Мы *не можем позволить* этим людям оставаться здесь, когда у нас появилась возможность избавиться от них. Когда история утверждает, что мы уже избавлялись от них прежде.

Спеннер что-то проворчал и посмотрел на сообщения, стопами лежавшие перед ним. Взгляд Куэллена метался от одного к другому.

— Ну, ладно, — медленно произнес Спеннер. — Я согласен, что нужно избавляться от всех этих пролетариев. Но мне кажется, что мы просто обманываем себя. Вот мое мнение: я считаю, что если мы будем и дальше позволять всему этому продолжаться, как вы говорите, то это изменит все прошлое. Я не стану спорить, так как вы выглядите очень уж уверенным. Кроме того, вы думаете, что хорошо использовать этот метод сокращения населения. Я с вами в этом согласен. Мне нравится перенаселение не больше, чем вам, и я признаю, что в наше время создалось нелепое положение. Но, с другой стороны, если кто-то начинает за нашими спинами незаконно и неэтично пользоваться путешествиями во времени, то этот «кто-то» должен быть остановлен. А вы что молчите, Куэллен? Это ведь ваша сфера, знаете ли.

Внезапное обращение к нему было как удар. Куэллен изо всех сил пытался понять, о чем вообще они говорят, поэтому лишь слабо улыбнулся и покачал головой.

— У вас нет никакого мнения? — резко спросил Колл.

Куэллен взглянул на него. Он не мог вынести жесткий взгляд Колла, поэтому уставился на скулы управляющего.

— Совсем никакого мнения, Куэллен? Очень жаль. Это плохо характеризует вас.

Куэллена пробила дрожь.

— Я... я стараюсь не отставать от последних достижений. Просто я был очень занят последними проектами...

Он замолчал. *Мои нетерпеливые помощники, вероятно, знакомы с этой ситуацией*, подумал он. *Ну, почему я не связался с Броггом?*

— А знаете ли вы, что с начала года уже четыре тысячи пролетов исчезли неизвестно куда?

— Ну, сэр... Э-э... я имею в виду, конечно, сэр. Просто у нас еще не было возможности провести расследование.

Плохо, Куэллен, очень плохо, сказал он сам себе. *Разумеется, ты ничего не знаешь об этом, потому что все время торчишь в своем заокеанском убежище. А вот Брогг, вероятно, знает об этом все. Он очень эффективен, этот трудяга Брогг.*

— Ну, и как вы думаете, куда они могли деваться? — продолжал Колл. — Может, вы думаете, что они попрыгали в статы и отправились куда-нибудь искать себе работу? Например, в Африку?

Это был болезненный укус. Куэллен вздрогнул, пытаясь сделать вид, что не понял намека.

— Я понятия не имею, сэр.

— Выходит, вы не читали книги по истории, Куэллен. Подумайте, что было самым важным событием в истории цивилизации за последние десять веков?

Куэллен подумал. А действительно, что? Он всегда был слаб в истории... Он почувствовал, как лоб покрывается потом. Колл небрежно щелкнул регулятором, еще чуть повышая уровень кислорода с почти оскорбительной небрежностью.

— Тогда я сам вам скажу, что это появление прыгунов. И это — *тот год*, в котором они начали появляться.

— Разумеется, — сказал Куэллен, сердясь на себя.

Все знали о прыгунах. Напоминание Колла было сильным ударом.

— А в этом году кто-то вздумал пользоваться путешествиями во времени, — сказал Спеннер. — И он стал перебрасывать прыгунов куда-то в прошлое. Четыре тысячи безработных уже переброшены туда, если мы не поймаем его в ближайшее время, то он запрудит прошлое всеми безработными работягами в стране.

— Итак, — нетерпеливо сказал Колл, — вот вам моя точка зрения. Нам известно, что они уже оказались в прошлом, об этом написано в наших книгах по истории. Так что теперь мы можем расслабиться и позволить неизвестному «некто» переправить в прошлое всю шваль из нашего времени.

Спеннер резко повернулся и оказался лицом к Куэллену.

— А вы что думаете? — прорычал он. — Что нам делать? Поймать этого злодея и прекратить отправку прыгунов в прошлое? Или сдаться так, как говорил Колл, и пусть все идет, как идет.

— Мне потребуется время обдумать это, — сказал Куэллен с внешним подозрением.

Последнее, что ему хотелось бы сделать, так это принять точку зрения одного начальника и встать, таким образом, против другого.

— У меня есть идея, — сказал Спеннер Коллу. — Почему бы нам не поймать этого проходимца и не заставить его передать свою машину времени правительству? Тогда мы могли бы взять все дело в свои руки и взымать с прыгунов, отправленных в прошлое, плату за возвращение. И все было бы прекрасно: мы поймали бы проходимца, правительство получило бы на блюдечке путешествия во времени, пролеты вернулись бы, не изменив прошлое, а мы бы еще получили небольшой доход.

Лицо Колла прояснилось.

— Прекрасное решение, — сказал он. — Блестяще, Спеннер. Итак, Куэллен...

Куэллен напрягся.

— Да, сэр?

— Начинайте быстренько действовать. Отыщите этого изобретателя и устраните его, но не прежде, чем он передаст вам тайну путешествий во времени. А как только вы сделаете это, правительство сможет заключить соглашение с прыгунами.

ГЛАВА II

ТОЛЬКО ВЕРНУВШИСЬ в свой кабинет и сев за свой, хотя и маленький, но личный стол, Куэллен снова почувствовал себя важной персоной. Первым делом он связался с Броггом и Миккеном, и оба помощника немедленно появились в кабинете.

— Рад видеть вас, — кислым тоном сказал Брогг.

Куэллен открыл чуть побольше вентиль и пустил в кабинет кислород, пытаясь подражать снисходительному взгляду Колла, который сделал то же самое десять минут назад.

Миккен молча кивнул. Куэллен пристально уставился на обоих. Брогг знал его тайну, Куэллен треть своей зарплаты платил ему за молчание о втором, тайном доме Куэллена. Большой Миккен ничего не знал и знать не хотел. Он выполнял приказы, поступающие непосредственно от Брогга, а не от самого Куэллена.

— Думаю, вы знаете о недавних исчезновениях пролетов, — начал Куэллен.

Брогг принес с собой толстую стопку миникарточек с записями.

— Я как раз собрался связаться с вами по этому поводу, — сказал он. — В этом году исчезли уже четыре тысячи пролетариев.

— И какие действия вы предприняли для раскрытия этих исчезновений? — спросил Куэллен.

— Ну, — протянул Брогг и принялся расхаживать взад-вперед по маленькому кабинету, потирая выдающуюся челюсть, — я решил, что эти исчезновения непосредственно связаны с хронологическими записями внешности прыгунов в конце двадцатого века и последующие годы. — Брогг указал на книгу, лежащую на столе Куэллена. — Вон эта книга по истории. Я положил ее специально для вас. То, что написано там, подтверждает мои слова.

Куэллен провел пальцем по подбородку и подумал, каково себя чувствовать, когда у тебя на лице столько жира, сколько у Брогга. Брогг обильно потел, весь его вид умолял пошире открыть кислородный вентиль. Куэллену нравилось это чувство собственного превосходства, поэтому он пальцем не шевельнул.

— Я уже принял во внимание эти факторы, — сказал он. — И разработал план действий.

— А вы согласовали его с Коллом и Спаннером? — нагло спросил Брогг.

Когда он говорил, челюсти у него тряслись от силы собственного голоса.

— Согласовал, — сказал Куэллен с такой силой и так сердито, чтобы это дошло даже до Брогга. — Я хочу, чтобы вы разыскали парня, который отправляет прыгунов в прошлое. Доставьте его сюда. Я хочу, чтобы его поймали, прежде чем он успеет еще кого-нибудь отправить в прошлое.

— Да, сэр, — покорно сказал Брогг. — Пойдемте, Миккен.

Второй помощник нехотя поднялся со стула и последовал за Броггом. Куэллен насмешливо наблюдал в окно, как они появились на улице и исчезли в густой толпе. Затем с облегчением щелкнул кислородным вентилем, открыв его на всю мощь, и откинулся на спинку кресла.

ПРОШЛО НЕКОТОРОЕ время, прежде чем у Куэллена возникло желание узнать побольше. Ему нелегко было преодолеть апатию, потому что больше всего хотелось плечом на все и вернуться в Африку.

Он схватил проектор и стал пролистывать указанную историческую книгу.

Первые признаки вторжения из будущего появились в 1960-м году, когда несколько человек в странных одеждах появились в той части Аппалачей, которая тогда называлась Манхэттеном. В отчетах говорилось, что в течение следующих десяти лет такие

люди стали появляться с увеличивающейся частотой, и все прибывшие заявляли, что прилетели из будущего. Давление косвенных улик, в конечном итоге, заставило людей двадцатого века признать, что они в самом деле подверглись мирному, но раздражающему вторжению путешественников во времени.

В книге было написано еще много чего, но Куэллену хватило и этого. Он выключил книгопроектор. Жара в кабинете угнетала, несмотря на кондиционер и кислородный вентиль. Куэллен с тоской глянул на стены кабинета, которые, казалось, сжимались, грозя его раздавить, и с тоской подумал о темной реке, бежавшей перед крыльцом его африканского убежища.

— Я сделал все, что мог, — пробормотал он и высунулся из окна, чтобы поймать быстролодку, чтобы улететь в свою квартирку, полагающуюся Тринадцатому Классу. Попутно он рассмотрел идею возложить целиком на Брогга это дело с исчезновениями, а самому махнуть обратно в Африку, но решил, что это будет чревато последствиями.

ДОМА КУЭЛЛЕН обнаружил, что в холодильнике пусто, а поскольку его пребывание в Аппалачах угрожало стать долгим, если вообще не постоянным, то он решил пополнить свои запасы. Он повесил на дверь табличку «Не беспокоить» и спустился по аппарели в продуктовый магазин, чтобы снабдить себя запасами на случай долгой осады.

По пути он заметил человека с землистым лицом, идущего по пандусу в противоположном направлении. Куэллен не узнал его, но это было не удивительно. В перенаселенных Аппалачах каждый не знал почти никого, не считая хозяина продуктового магазина да парочки соседей.

Человек с землистым лицом с любопытством посмотрел на Куэллена, словно что-то пытался сказать ему взглядом. Затем, проходя мимо, толкнул Куэллена плечом и одновременно сунул ему в руку записку. Куэллен развернул ее после того, как тот уже исчез, поднявшись выше, и прочитал:

«Нет работы? Обратись к Ланою».

Больше в записки ничего не было, да и быть не могло. И тут в Куэллене взыграл дух КримСека. Как большинство правонарушителей в государственном учреждении, он был энергичен в судебном преследовании других правонарушителей, а в записке о Ланое был какой-то привкус незаконности. Куэллен развернулся, подумав было догнать человека с землистым лицом, но тот уже исчез. Вероятно, свернул куда-то с пандуса. *«Нет работы? Обратись к Ланою».* Куэллен подумал о том, кто такой этот Ланой и что у него за

волшебное средство, но тут же решил связаться с Броггом, чтобы тот решил этот вопрос.

— О, да это сам КримСек! — радушно воскликнул шарообразный хозяин продуктового магазина. — Давненько вы нас не посещали, КримСек. Я уже было подумал, что вас продвинули по службе. Но это ведь невозможно, верно? Вы бы уведомили меня, если бы получили повышение?

— Да, Гриви, уведомил бы. Я действительно давненько к вам не заходит. Очень был занят в последнее время, — сказал Куэллен и тут же нахмурился, сердясь на себя.

Было вовсе не нужно, чтобы слухи об его отсутствии разнеслись по всему сообществу. Он сделал заказ, велел, чтобы продукты отправили к нему на квартиру, и вышел из магазина.

Через мгновение он был уже на улице и смотрел, как толпа текла перед самым его носом. Люди были в одеждах всех цветов и фасоном. И они непрерывно говорили. Мир стал одним большим ульем, причем ульем переполненным, а ежедневно рождалось еще больше людей. Куэллену страстно захотелось очутиться снова в своей тихой хижине, которую он построил за громадные деньги, при этом еще и натерпевшись страха. Но чем дальше он наблюдал за крокодилами, тем меньше ему нравились толпы, роящиеся в переполненных городах.

Тут все незаконные виды деятельности были направлены, не как в случае Куэллена на старание избежать невыносимого существования, но на теневые порочные и непростительные поступки. Такие, как вот этот Ланой, думал Куэллен, трогая пальцами записку в кармане. Как ему удается скрыть свои действия от соседей по комнате, кем бы они ни являлись? Разумеется, Ланой не мог принадлежать к Тринадцатому Классу.

Куэллен вдруг почувствовал странное родство с незнакомым Ланоем. Как и Куэллен, он вел свою игру. Он был хитрым и наверняка очень умным. Подумав это, Куэллен отправился дальше.

ГЛАВА III

ЗВОНОК БРОГГА заставил Куэллена поспешило вернуться в свой кабинет. Там его уже ждали оба помощника КримСека, а с ними еще кто-то, высокий, угловатый, бедно одетый и со сломанным носом, который торчал на лице, словно клюв хищной птицы. В кабинете Брогг без спроса открыл кислородный вентиль.

— И кто этот парень? — спросил Куэллен.

Казалось невероятным, чтобы этот бедняк, явно из пролетариев, судя по одежде и особенно по носу, имел какое-то отношение к прыгунам.

— Смотря кого вы имеете в виду, — ответил Брогг и подтолкнул незнакомца локтем. — Ну, скажи КримСеку, кто ты такой.

— Меня зовут Бренд, — ответил пролет странным, неожиданно тонким голосом. — Четвертый Класс. Я не хотел ничего плохого, сэр... просто он обещал мне собственную квартиру, работу и кислород...

Брогг снова пихнул его локтем, заставив замолкнуть.

— Мы нашли этого типа в питейне. С ним была еще парочка человека, и он говорил им, что скоро у него появится работа.

— Так мне обещали, — пробормотал Бренд. — Я просто должен дать ему двести кредитов, и он пошлет меня туда, где у всех есть работа. И я мог бы переводить деньги сюда, чтобы содержать свою семью. Это звучало так хорошо, сэр...

— Имя того, кто тебе это обещал, — резко спросил Куэллен.

— Ланой, сэр. Его зовут Ланой. — Услышав это имя, Куэллен испытан легкое потрясение. — Кто-то дал мне эту записку и велел встретиться с ним.

И Бренд протянул смятую мини-карточку. Куэллен развернул ее и прочел: «*Нет работы? Обратись к Ланою*».

— Очень интересно, — пробормотал он, полез в карман и достал записку, которую ему сунули на пандусе.

«*Нет работы? Обратись к Ланою*». Записки были совершенно идентичны.

— Ланой уже послал туда много моих друзей, — продолжал Бренд.

— Мне сказали, что все они получили там работу и теперь счастливы, сэр...

— Куда он послал их? — тихо спросил Куэллен.

— Не знаю, сэр. Ланой сказал, что скажет мне, когда я дам ему двести кредитов. Я забрал все свои сбережения. Я уже направлялся к нему и заглянул на минутку в питейню, когда... когда...

— Когда мы нашли его, — вмешался Брогг. — Он говорил всем подряд, что идет к Ланою, чтобы получить работу.

— Гм-м... — протянул Куэллен. — Так ты знаешь, где эти прыгуны, Бренд?

— Нет, сэр.

— Ну, это неважно. Ты просто отведешь нас к Ланою.

— Но я не могу. Это будет нечестно. Все мои друзья...

— Тогда мы заставим тебя отвести нас к Ланою, — сказал Куэллен.

— Но он собирался дать мне работу! Я не могу этого сделать. Пожалуйста, сэр!..

Брогг взглянул на Куэллена.

— Дайте мне попробовать. Говоришь, Ланой хотел дать тебе работу? За двести кредитов?

— Да, сэр.

— А что, если мы скажем, что дадим тебе работу просто так. Вообще бесплатно. Ты только приведи нас к Ланою, и мы отправим тебя туда, куда он хотел тебя послать, но только бесплатно. И твою семью пошлем вместе с тобой.

Куэллен усмехнулся. Ему пришлось допустить, что Брогг оказался лучшим психологом, чем он сам.

— Это справедливо, — сказал Бренд. — Я отведу вас. Мне весьма неловко, ведь Ланой был добр со мной... но раз вы говорите, что отправите меня бесплатно, то я отведу вас...

— И правильно сделаешь, Бренд, — сказал Брогг.

— Я отведу.

Куэллен завернул кислородный вентиль.

— Тогда идем прямо сейчас, пока он не передумал.

Брогг сделал жест Миккену, который вывел Бренда из кабинета.

— Вы идете с нами, сэр? — спросил Брогг, и в голосе его за подобострастным тоном крылась насмешка. — Вероятно, идти придется в самый грязный район города.

Куэллен передернул плечами.

— Вы правы, — сказал он. — Идите вдвоем с Миккеном. Я буду ждать вас здесь.

КАК ТОЛЬКО они ушли, Куэллен позвонил Коллу.

— Мы идем по горячему следу, — сказал он. — Брогг и Миккен отыскали человека, знакомого с нашим объектом, и сейчас он ведет их к нему.

— Прекрасная работа, — холодно ответил Колл. — Должно быть, вы провели интересное расследование. Но теперь, пожалуйста, не-которое время не беспокойте нас. Мы со Спанинером обсуждаем изменения ведомственного статуса.

И он повесил трубку.

А это что еще значит? — тут же подумал Куэллен.

Теперь он был практически уверен, что Колл знает об Африке. Броггу, вероятно, предложили большую взятку за информацию, больше, чем дал ему Куэллен за молчание. Конечно, Колл мог посу-лить ему продвижение по службе, но более вероятным была угроза понижения в должности.

Нарушение закона Куэлленом было уникальным. Насколько он знал, больше никто не догадался найти выход из перенаселенных Аппалачей, этого города-осьминога, раскинувшего свои щупальца по всему востоку Северной Америки. Из двухсот миллионов жите-лей Аппалачей только Джозеф Куэллен, КримСек, был достаточно умен, чтобы найти никому неизвестный и никому не принадлежав-ший кусочек земли в сердце Африки и построить там себе второй дом. У него была стандартная для Тринадцатого Класса квартира-

ка-кабинка в Аппалачах, а еще особняк для Класса превыше Двадцатого, о каком и не мечтало большинство смертных, возле темной реки в Конго. Там было хорошо, просто сказочно хорошо для человека, душа которого истерзана насекомым существованием в Аппалачах.

Единственной проблемой была — где взять деньги, чтобы заткнуть людям рты. Были люди, которые знали, что Куэллен живет роскошной жизнью в Африке вместо того, чтобы ютиться в квартирке десять на десять в Северо-Западных Аппалачах, как и подобает представителю Тринадцатого Класса. Кто-то — вероятнее всего, Брогг — предал Куэллена. И Куэллен стоял теперь на очень тонком льду.

Понижение в должности. У него отнимут даже привилегии иметь крохотную квартирку, и он вернется к сожительству с соседом, как жил когда-то с вечно недовольным всем Мароком. Но это было еще не самое плохое. Пока он не достиг Двенадцатого Класса, то жил в общежитии с несколькими соседями. Затем, после получения Двенадцатого Класса, количество соседей уменьшилось до одного Марока, но тот был хуже всех, потому что раздражал Куэллена своим нытьем.

В принципе, Марок был неплохим товарищем, похожим на самого Куэллена. Но он трепал Куэллену нервы своим нытьем, своей неряшливостью, своей бесконечной болтовней по видеофону и вообще, своим постоянным присутствием. Куэллен мечтал о том дне, когда получит Тринадцатый Класс и станет жить один, без соседа по комнате. Но он все рано не мог избавиться от толп на улицах.

Знает ли Колл? И что он делает, когда узнает?

Зазвонил видеофон. Это был Брогг.

— Мы взяли его, — сказал Брогг. — Возвращаемся обратно.

— Прекрасно. Хорошая работа.

Куэллен тут же связался с Коллом.

— Мы поймали этого человека, — сказал он. — Брогг и Миккен везут его для допроса.

— Хорошая работа, — ответил Колл, и Куэллен заметил слабую, одобрительную улыбку, появившуюся на губах коротышки.

— Между прочим, я только что заполнил требование на вас, — небрежно добавил он. — Несправедливо позволить начальнику Отдела КримСек жить в квартирке Тринадцатого Класса, когда он заслуживает, по меньшей мере, Четырнадцатого.

Так, значит, он все же не знает, подумал Куэллен. Но тут же у него появилась другая мысль: как же можно переселить человека в новую, несоответствующую его классу квартиру так, чтобы никто не заметил? Может, Колл просто заманивает его еще глубже в ловушку? Куэллен, прижав ладони к вискам, дрожал, ожидая Брогга, Миккена и... Ланоя.

— **ТАК ВЫ ПРИЗНАЕТЕ**, что отправляли людей в прошлое? — спросил Куэллен.

— Несомненно, — с легкостью ответил маленький человечек.

Глядя на него, Куэллен чувствовал иррациональное биение гнева в висках.

— Разумеется. Я и вас могу послать туда всего лишь за двести кредитов.

Брогг со сложенными руками стоял позади арестованного. Куэллен навис над столом.

— Вы — Ланой?

— Это мое имя. — Человечек был маленький, черноволосый, суетливый, напоминающий кролика своими тонкими, словно постоянно что-то жующими губами. — Несомненно, я — Ланой.

От него исходила какая-то теплая уверенность. Он сидел на стуле, скрестив ноги и откинув назад голову.

— Ваши парни отыскали меня довольно-таки мерзким способом, — продолжал Ланой. — Вы обманули этого бедолагу, заставив его привести вас ко мне, но вашим парням не стоило меня бить. Я, зна-

ете ли, не совершил ничего противозаконного. Я могу ведь подать иск.

— Вы изменили целую тысячу лет прошлого!

— Вовсе нет, — спокойно сказал Ланой. — Они уже были изменены. Я только проследил, чтобы прошлое изменилось так, как оно изменилось, если вы понимаете, что я имею в виду.

Куэллен встал, но тут же обнаружил, что крошечный кабинетик и так переполнен, поэтому тут же сел обратно. Он чувствовал какую-то странную слабость в присутствии этого хитреца.

— Но вы согласны, что отправляли людей в прошлое, делая из них прыгунов. Зачем?

— Чтобы заработать на жизнь, — улыбнулся Ланой. — Конечно же, вы понимаете это. Я обладаю очень ценным процессом и хочу удостовериться, что получаю от него все, что могу.

— Это вы изобрели путешествия во времени?

— Это неважно, — ответил Ланой. — Главное, я управляю ими.

— Почему же вы сами не слетаете в прошлое, чтобы совершить там кражу или сделать нужные ставки, чтобы заработать на жизнь?

— Я бы мог, — признался Ланой. — Но этот процесс необратим, нет никакого способа вернуться обратно в настоящее. А мне здесь нравится, так что, спасибо.

Куэллен почесал затылок. Ему здесь *нравится*? Казалось невероятным, что здесь вообще кому-то нравится, но, по-видимому, Ланой говорил то, что думал.

— Послушайте, Ланой, — сказал Куэллен, — я буду с вами откровенен. Мы хотим забрать у вас машину времени. Причем, немедленно.

— Простите, — сказал Ланой, — но нет. Это частная собственность. Вы не имеете на нее никаких прав.

Куэллен подумал о Колле и Спеннере и одновременно рассердился и испугался.

— Когда я закончу с вами, вы пожалеете, что не воспользовались своей машиной и не вернулись лет так на миллион назад, — прорычал он.

Ланой оставался спокойным, а Куэллен с удивлением увидел, что Брогг ухмыляется.

— Ну же, КримСек, — сказал маленький хитрец, — успокойтесь. Вы начинаете злиться, а это ведь нелогично.

Куэллен понял, что Ланой прав, но уже не мог совладать с собой.

— Я буду держать вас под замком, пока вы не скниете, — прорычал он.

— Интересно, где именно? — спросил Ланой. — Кстати, вы неозвращаете немножко прибавить кислороду, а то что-то у вас душновато.

К своему удивлению, Куэллен открыл вентиль пошире. Брогг заметил это удивление и промолчал. Миккен тоже ничего не сказал.

— Если вы арестуете меня, я уничтожу вас, Куэллен. В том, что я делаю, нет ничего незаконного. Вот, смотрите сюда, видите — я зарегистрированный изобретатель. — И Ланой достал из кармана вполне официальную карточку.

Куэллен не знал, что сказать. Ланой явно выигрывал, а Брогг наслаждался замешательством своего начальника. Куэллен покусал губу, пристально глядя на маленького человечка и пылко жалея о том, что не сидит сейчас на берегу Конго и не кидает в крокодилов камешки.

— Так или иначе, я собираюсь положить конец этим путешествиям во времени, — наконец, заявил Куэллен.

— Я бы не советовал этого делать, Куэллен, — сказал Ланой и хихикнул.

— Для вас я КримСек, Ланой.

— Я бы не советовал этого вам, *Куэллен*, — повторил Ланой. — Если вы остановите сейчас прыгунов, то перевернете прошлое вверх тормашками. Все эти люди *уже* появились в прошлом. Так записано в истории. Многие из них женились, у них появились дети, и потомки этих детей живут сегодня. Откуда вы знаете, Куэллен, что вы сами — не потомок прыгуна, которого я хочу переслать в прошлое на будущей неделе... А если этот прыгун не появится в прошлом, Куэллен, то вы просто перестанете существовать, исчезните, как снятый со свечи нагар. Как вы думаете, это приятный способ совершить самоубийство, КримСек?

Куэллен хмуро смотрел на него. Брогг молча стоял позади Ланоя, и теперь Куэллену стало очевидно, что его помощник все это время подкапывался под Куэллена, а теперь Ланой убирает последний камень преткновения с пути этого здоровья. Марок, Колл, Спаннер, Брогг, а теперь вот Ланой — все они станут с удовольствием наблюдать за провалом Куэллена. Это был молчаливый заговор. Куэллен проклял в душе все двести миллионом сбившихся в кучу жителей Аппалачей и подумал о том, испытает ли он когда-нибудь хотя бы секунду одиночества.

— Прошлое не будет изменено, Ланой, — сказал Куэллен, чувствуя, как хрипит его голос. — Вас мы запрем, машину вашу заберем и сами проследим, чтобы вернулись в прошлое все прыгуны. Мы не идиоты, Ланой. Мы станем внимательно отслеживать, чтобы все осталось так, как есть.

Секунду Ланой смотрел на него почти что с жалостью, точно на редкую бабочку, приколотую булавкой.

— Так вы хотите сыграть, КримСек? Почему же вы сразу не сказали мне это? В таком случае, я вынужден буду предпринять какие-то шаги, чтобы защитить себя.

Куэллену страстно захотелось куда-нибудь спрятаться.

— И что вы будете делать?

— Может, мы побеседуем конфиденциально, Куэллен, — сказал Ланой. — Я ведь могу сказать то, что вы не захотели бы довести до сведения ваших подчиненных.

Куэллен взглянул на Брогга.

— Вы обыскали его?

— Он чист, — ответил Брогг. Можете ничего не опасаться. Мы будем в приемной. Пойдем, Мик...

Тяжело ступая, Брогг вышел из комнаты, за ним молча последовал Миккен.

ПОСКОЛЬКУ В КАБИНЕТЕ осталось лишь два человека, Куэллен машинально протянул руку, чтобы немного прикрыть кислородный вентиль.

— Оставьте его, Куэллен, — сказал Ланой. — Мне нравится свободно дышать за счет правительства.

— Какую вы ведете игру? — сердито спросил Куэллен.

Ланой был совершенно порочным существом, оскорбляющим гордость и достоинство Куэллена.

— Я буду говорить с вами прямо, КримСек, — сказал Ланой. — Я хочу получить свободу и продолжать заниматься своим делом. Все это мне нравится. Этот то, что хочу я. Вы хотите арестовать меня и захватить мой маленький бизнес. Это то, что хотите вы. Все правильно?

— Да.

— Так что у нас возникла ситуация противодействия взаимоисключающих желаний. Из двух сил победит та, что сильнее. Сильнее я, так что вам придется отпустить меня и забыть о расследовании.

— А кто сказал, что вы сильнее, Ланой?

— Я сильнее, потому что вы слабы. Я много чего знаю о вас, Куэллен. Я знаю, как вы ненавидите толпу и как любите одиночество и свежий воздух. Этот весьма неловкие стремления и желания в нашем мире, не так ли?

— Продолжайте, — сказал Куэллен, в душе проклиная Брогга — никто, кроме него, не мог рассказать это Ланою.

— Поэтому вы либо отпустите меня, либо окажетесь в Классе Двенадцатом, а то и Десятом. Вам очень не понравится это, КримСек. Вам придется делить комнату с кем-нибудь еще, а сосед может прийтись вам не по душе, но деваться от него будет некуда. Потому что сосед может все дложить о вашем долгом отсутствии.

— Что значит, отсутствии? — хриплым шепотом спросил Куэллен.

— Но вы ведь будете отсутствовать здесь, когда сбежите в Африку, Куэллен.

Это все, подумал Куэллен. Все кончено. Брогг продал меня с потрохами. А поскольку Ланой владел этой тайной, то Куэллен был в полной власти этого мерзкого кролика.

— Мне очень не хочется так поступать с вами, Куэллен, — тихо сказал Ланой. — Вы ведь неплохой человек, застрявший в мире, который вы не создавали и который не особенно любите. Но дело обстоит так — либо вы, либо я, а вам прекрасно известно, кто в таком случае всегда побеждает.

Шах и мат.

— Ладно, — прошептал Куэллен. — Я вас отпускаю.

— Я так и думал, что вы поймете меня, — сказал Ланой. — Сейчас я уйду, и вы больше не тронете меня. Тогда и Колл не узнает о вашем маленьком убежище.

— Убрайтесь! — сказал Куэллен.

Ланой встал, кивнул Куэллену и вышел из кабинета.

ГЛАВА IV

КОГДА ЛАНОЙ уже ушел, появился Колл. Куэллен, закрыв руками лицо, увидел его краешком глаза и на миг подумал, что это вернулся Ланой. Затем резко поднял голову.

— Я хотел взглянуть на арестованного, — сказал Колл, — но что-то не вижу его.

— Я уже отправил его в камеру, — слабым голосом ответил Куэллен.

— Я проверю, — сказал Колл. — Мне он любопытен.

Он ушел, но тут же появился Брогг.

— Надеюсь, хорошие новости? — улыбнулся Брогг, как всегда, лоб здравияка был покрыт капельками пота.

— Хорошо, спасибо.

Куэллен умоляюще взглянул на помощника. *Если бы только меня хоть на пару секунд оставили одного!..*

— Но здесь я его тоже не вижу, КримСек, — продолжал Брогг. — У меня было несколько вопросов к нашему другу Ланою, но я не могу его найти.

— Я не знаю, куда он делся, Брогг.

— Вы в этом уверены, КримСек? Где он, Куэллен? — тон помощника стал вдруг угрожающим.

— Не знаю, — огрызнулся Куэллен, подумав о том, что Брогг впервые назвал его не по званию, а по имени. — Уходи.

Брогг улыбнулся какой-то хитренской улыбкой и ушел, осторожно прикрыв за собой дверь. Куэллен развалился в своем пневмокресле, покачиваясь из стороны в сторону. Теперь все кончено. Если он не найдет Ланоя, его карьере придет конец, а если найдет — Ланой сдаст его. Куда ни кинь — везде клин!

Куэллен чуть ли не на цыпочках вышел в приемную, где Брогг впился в него странным взглядом, затем вышел на вечно переполненную улицу, поймал первую же быстролодку и полетел в свою квартиру. Как хорошо было оставаться совсем одному! Он несколько раз прошелся взад-вперед, затем направился к *стату*.

Все, что оставалось, этот шагнуть в него, и он окажется в Африке, на берегу реки с крокодилами. Там его никогда не найдут, и он сможет остаток дней провести тихо и мирно.

Фигня все это, мрачно подумал Куэллен. Нет там никакой безопасности, в этой Африке. Брогг знает о ней, и Ланой знает. Уж кто-то из них двоих быстренько выдаст его. Нет, Африка не безопасна.

Кроме того, Куэллен почувствовал в себе что-то новенькое – ощущение, что он обманут, что он всю жизнь вел мучеником в перенаселенном мире. Сунув руки в карманы, он стоял перед *статом* и прокручивал в голове последствия своего нового ощущения. Мир, который сам не создавал – так сказал Ланой.

И вся его вина вдруг куда-то исчезла, испарилась. *Пусть Колл сам расхлебывает все это*, подумал Куэллен.

ТУТ ВСЕ И произошло.

В воздухе словно возник какой-то водоворот, и Куэллен почувствовал, что его выворачивают наизнанку и потрошат. Он плыл на фиолетовом облаке над каким-то неясным ландшафтом, а потом стал падать.

Во время падения он свернулся в клубок, и покатился по толстому зеленому ковру. Остановился и пару секунд лежал неподвижно, впившись пальцами в землю.

Затем дернул рукой, и в кулаке осталась пригоршня «ковра». Куэллен недоуменно посмотрел на нее.

Это была трава.

Затем ветерок дунул ему в лицо, принеся с собой настояще потрясение. Запах был, точно в помещении, наполненном кислорода, но ведь он лежал на улице.

Куэллен потряс головой и встал. Травянистый ковер простирался во всех направлениях, а прямо перед ним была густая чаща.

Куэллен видел деревья в Африке, но в Аппалахах их не осталось ни одного. Он смотрел во все глаза. Маленькая серая птичка, сидящая на нависающей ветви ближайшего дерева, начала щебетать, совсем не боясь Куэллена. Куэллен улыбнулся ей.

Одновременно он подумал о том, сколько же времени Колл и Брогг будут искать его, и справится ли Брогг с Ланоем? Куэллен надеялся, что нет. Брогг был негодяй, а Ланой, хотя и преступник, но джентльмен.

Куэллен пошел к лесу. Нужно отыскать реку и построить возле нее дом, подумал он. Дом тут можно построить такой величины, какой он захочет.

Никакой вины Куэллен не ощущал. Он был неудачником, заброшенным в ненавистный ему мир, и вот теперь сумел сбежать из него. А тут у него есть шансы на спокойную жизнь, все в его руках.

Из леса вышли два оленя. Куэллен ошеломленно замер. Никогда еще он не видел таких больших животных. Посмотрев на него, олени развернулись и пустились бежать.

Сердце Куэллена запело от счастья, когда он наполнил легкие сладостным воздухом. Марок, Колл, Спеннер, Брогг – все они начали исчезать, растворяться в туманной дымке. *Старый добрый Ланой*, подумал Куэллен. В конце концов, он сдержал свое слово.

Мой мир, подумал Куэллен. *А я теперь – прыгун, возможно, совершивший самый дальний перелет.*

Из леса появился высокий, краснокожий человек и остановился возле дерева, серьезно глядя на Куэллена. На нем была лишь кожаная набедренная повязка и сандалии, а в волосах торчало красивое перо. Краснокожий секунду глядел на Куэллена, затем протянул руку жестом, который сложно было бы не понять. И в груди Куэллена расплылось теплое чувство товарищества.

Улыбаясь, Куэллен шагнул к нему, чтобы подать протянутую руку.

Hopper, (Infinity, 1956 № 10), пер. Андрей Буриев

Astounding SCIENCE FICTION

November 1956 • 35 Cents

Sour Note On Palayata BY JAMES H. SCHMITZ

ИЗЫСКАТЕЛЬ

МАККЕНЗИ ИССЛЕДОВАЛ низменные подступы, ведущие к Холмам Низких Сосен в Южной Дакоте, стране урана. Это была пустынная равнина, унылая, грязная, лишенная растительности. Местность, по которой шел Маккензи, была изрыта извилистыми оврагами и поперечными каньонами. Маленький компактный счетчик Гейгера, висевший у Маккензи на плече, уютно настыривал неторопливую мелодию, вечно грозил взорваться яростной какофонией тресков, указывающих на залежи радиоактивных элементов, но никогда не выполнявший своей угрозы.

Похоже, еще один день прошел впустую. Маккензи уже неделю бродил по Бесплодным землям, спал в изодранном спальном мешке в маленькой палатке, а все приготовление еды состояло из разогревания консервов на костре. Трейлер свой он оставил в Северной Дакоте возле Биллион Бьютта, и с тех пор путешествовал пешком, надеясь, что в Бесплодных землях уж точно отыщет залежи урана.

Международные отношения постоянно балансировали на кончике иглы, так что военным требовались все новые и новые запасы урана, вот Маккензи и решил рискнуть своим невеликим состоянием и отправиться в Дакоту на изыскания. Уран где-то прячется в этих равнинах еще с каменноугольного периода, и если бы Маккензи сумел разыскать настоящие залежи, то был бы обеспечен до конца своих дней.

Была лишь одна помеха. Он ничего не находил.

Гейгер, висящий на кожаном ремне, продолжал мирно потребствовать. *Нужно использовать гамма-детектор*, уныло подумал Маккензи, бродя по отдаленному холму, который он выбрал для остановки на ночь. *Гейгер давно устарел. Но на что купить новое оборудование?*

Эта главная проблема в данном бизнесе, продолжал развивать свою мысль Маккензи. Оборудование устаревает с ужасающей быстротой, чуть ли не сразу после покупки, и если вы не находитите достаточно часто новые залежи, то не можете позволить себе заменить его.

Километра через три Маккензи остановился и сел под высоким камнем, торчащим прямо из земли. Раскурил трубку и стал посасывать ее, глядя как расплываются в воздухе облачка голубоватого дыма. Потом осмотрелся, изучая окружающую местность.

Занятие он себе выбрал такое, что приходится бродить по нежилым местам. Например, по Аляске, хотя 61-ый был прекрасным го-дом, Маккензи нашел тогда жилу, которая вполне компенсировала

ему тоскливо одиночное лето. Но тут оказалось еще хуже. Пройдено больше сотни километров, и не маячит впереди ничего хорошего. Маккензи уже начинал подумывать, что он просто спятил, приехав сюда.

Покурив, он встал и прошел еще один бесплодный километр, затем вдруг ошеломленно остановился, провел грязной рукой по грязному лицу и встревоженно нахмурился. Или у него начались галлюцинации, или впереди и вправду дом, сомнительно торчащий на низком холме впереди?

НО ЭТО действительно оказался дом, небольшой, криво построенный, с коричневым лишаем, опоясывающим покосившуюся крышу. Маккензи долго смотрел на него, в замешательстве размышляя, кто будет строить дом здесь, в Бесплодных землях Дакоты?

Существовал лишь один логичный ответ: отшельник. По всей вероятности, самое антиобщественное, неприятное, скрюченное существо, вполне способное встретить незваного гостя выстрелами из ружья, заряженного солью.

А, может, и нет. Этого Маккензи не знал, но он вообще уже неделю не видел людей. Побуждаемый наполовину любопытством, наполовину прирожденным и обычно подавляемым желанием общасться, он поднялся по извилистой тропинке на вершину холма.

Дом выглядел неважно. Его явно строил какой-то неумеха. Несколько секунд Маккензи с сомнением разглядывал дубовую парадную дверь, затем громко постучал.

— Привет вам! — крикнул он. — Я геологоразведчик, провожу тут поиски. Вы не станете возражать, если я войду?

Не последовало никакого ответа, и стоящему в тишине Маккензи показалось, что он слышит гул каких-то механизмов. Затем дверь распахнулась, и на пороге появился человек.

Был он среднего роста, немного за сорок, очень загорелый, с ярко-голубыми глазами, седеющими волосами и короткой, неопрятной, светло-каштановой бородой. Но улыбался он широко и обезоруживающе.

— Заходите, незнакомец, — сказал он. — Вы первый человек, которого я увидел за последние два месяца.

Не дожидаясь повторного приглашения, Маккензи вошел внутрь и оказался в комнате, такой же неестественной, как и пустая равнина снаружи.

По потолку проходила дуга светящейся неоновой трубки, бросая вниз нежно-оранжевый свет. Кроме нее, в комнате были и обычные настенные светильники, но они не горели. У левой стены была странная путаница какого-то машинного оборудования, выглядев-

SOURDOUGH

BY ROBERT SILVERBERG

Illustrated by van Dongen

If a device reacts to a purpose, instead of to an object—you can't use it if your purpose is to test it! Because that isn't the purpose it was designed to react to!

шего так, словно различные устройства раздербанили и свалили там кучей. Маккензи даже заморгал при виде ее.

В остальном, комната была вполне стандартная: армейская раскладушка, книжный шкаф, сооруженный из старых ящиков из-под апельсинов, где стоял пяток толстых книг и стопка журналов без обложек, а так же коротковолновое радио и выключенный телевизор. (*Какие же каналы тут можно поймать?* — ошеломленно подумал Маккензи). В дальней стене комнаты виднелась еще одна дверь, ведущая во второе помещение.

Отшельник ткнул рукой в перевернутый, некрашеный ящик и усмехнулся.

— Вот, дружище, мое гостевое кресло, — сказал он.

— Не возражаете, если я сяду? — спросил Маккензи и осторожно уселся, ящик заскрипел под его весом, но выдержал. — У меня был

тяжелый день... В общем-то, можно сказать, тяжелая неделя. Здесь на самом деле пустынно.

— Вы ищите уран? — спросил хозяин дома, кивнув на Гейгер, свишающий с плеча Маккензи.

Маккензи кивнул.

— Ага, — буркнул отшельник. — Каждое лето тут появляется пачка разведчиков. С тех пор, как пошла молва, будто в здешних холмах есть уран, вечно находится кто-то, готовый пропатать сотни километров в его поисках. А где ваш джип?

— У меня не джип, — проворчал Маккензи, не желая признавать, как низко пало его финансовое положение. — У меня «студебеккер», но он не очень-то подходит для здешних мест. Я оставил его на севере и сюда пришел пешком. В этом-то и проблема, что если бы я нашел здесь хоть немного урана, то смог бы купить джип и тогда бы принял искать уран, как надо. Вот и получается замкнутый круг.

— И единственный выход из него — внезапно разбогатеть, — кивнул хозяин дома. — Мне знакомо все это. Одно расстройство, верно?

— Не дожидаясь ответа, он вскочил и исчез в дальней комнате. — Я сварю вам кофе, — крикнул он оттуда.

— Прекрасно, — с облегчением сказал Маккензи.

«Отшельник» оказался вполне цивилизованным человеком.

Через полминуты хозяин появился снова, неся две чашечки кофе.

— Меня зовут Колвилл, — сказал он, ставя чашки на второй ящик, служащий столом. — А вас?

— Маккензи.

Несколько минут они сидели молча, затем Маккензи огляделся и сказал:

— Надеюсь, я не слишком назойлив, но...

— Я понимаю, — сказал Колвилл. — Вы хотите спросить меня, какого черта я делаю здесь, один, в этой пустыне? Ответ очень прост, и я могу вам сказать. Я здесь для того, чтобы мне никто не мешал. Так сказать, ушел от городской суэты. Я работаю над одним проектом, и для успешного его завершения мне нужно, чтобы никто не мешал. Поэтому я приезжаю сюда каждое лето — а остальное время занимаюсь преподаванием. Техасский технологический университет.

— О-о... — протянул Маккензи. — Занимаетесь исследованиями, да?

— Ага, — кивнул Колвилл. — Исследую пси-частицы... Это называется психоникой. Я профессиональный психоник.

Чтобы скрыть свои чувства, Маккензи сделал большой глоток кофе. Затем глянул на странную кучу машинерии и снова нервно на Колвилла.

— Псионика, говорите? Вы что, имеете в виду нечто вроде телекинеза? Пытаетесь приводить в движение силой мысли машины и всякие аппараты?

— Ого, я ощущаю определенный здоровый скептицизм, — сказал Колвилл, допил кофе и поднялся на ноги.

— Вовсе нет! — оборонительно воскликнул Маккензи. — Я только...

— Не волнуйтесь, — сказал Колвилл. — Подобной реакции я ожидал. Вот почему я приезжаю сюда, где меня не могут достать мои коллеги. Здесь легче работать. К тому же, я еще и геолог-любитель, а с геологической точки зрения эта местность весьма интересна.

Маккензи встревоженно побарабанил пальцами по высоким голенищам своих сапог.

— Я не хочу мешать вам работать своими глупыми вопросами, но... но... псионика всегда казалась мне просто сказками.

— Совершенно верно, — серьезно согласился Колвилл. — Это и есть сказки. — Он махнул рукой на свою кучу оборудования. — Если я вам расскажу, что могут делать некоторые из этих вещей, то вы просто поднимете меня на смех. И даже хуже. Вы можете попытаться запереть меня. Так что я не стану вам ничего говорить.

— Я приму ваши слова на веру, — сказал Маккензи. — К тому же, у меня сейчас нет настроения спорить о псионике.

— У вас свои проблемы, да? — сочувственно спросил Колвилл

— Да, проблемы, — ответил Маккензи.

Полчаса спустя, когда Маккензи закончил рассказывать о своих трудностях в поисках урановых жил, они снова вернулись к псионике.

— Все равно, я в это не верю, — упрямо сказал Маккензи.

Его все более раздражало упорное нежелание Колвилла начать отстаивать какую-либо точку зрения, против которой можно привести сокрушительные доводы. На любые его слова отшельник просто мягко говорил: «*А мне кажется*, что это будет работать...» и резко менял тему.

— Я в это не верю и никогда не поверю, — повторил Маккензи. — Машины просто не могут работать так.

— Как так?

— Без управления, без смысла... Без энергии, наконец. Вот посмотрите, — Маккензи снял с плеча счетчик Гейгера. — Вот машина — обычная машина. Когда она находится рядом с радиоактивными элементами, то начинает быстро и громко щелкать. Когда удаляется от них, то щелкает все реже и тише. И она всегда работает именно таким образом. Вы можете рассчитывать на это.

— Однако она принесла вам в последнее время мало пользы, не так ли? — улыбнулся Колвилл.

— Виноват в этом не счетчик, — парировал Маккензи. — Просто я не попал в нужное место.

— Угу... — задумчиво протянул Колвилл. — А предположим... только предположим, что я мог бы создать для вас машину, которая приведет вас в нужное место. Которая сама найдет вам уран. Вы ведь говорите, что здесь непременно где-то должен быть уран?

— Где-то должен быть, — сказал Маккензи. — Другие разведчики говорили, что находили его следы. Очень рассеянные следы, но современная горная промышленность умеет добывать уран даже из бедных руд.

— Прекрасно, — сказал Колвилл. — Так позвольте мне сделать для вас псионическую безделушку. Затем мы выпустим ее отсюда и посмотрим, что будет.

Маккензи начал было сердито отказываться, но тут же сообразил, как глупо все это звучит, и расхохотался. Что, если у отшельника действительно получится хоть что-то? Это казалось невероятным, но было неправильно заранее отказываться. Никогда ведь нельзя все знать наперед. А если «безделушка» не сработает, то, по крайней мере, уладит спор о псионике или хотя бы даст Маккензи неплохие очки.

— Ладно, — сказал, наконец, Маккензи. — Вы делаете свою штучку, я пробую ее. Но до того времени буду пользоваться старым, надежным Гейгером.

МАККЕНЗИ ПРОДОЛЖИЛ работать и за два дня обследовал местность дальше на юг, к Холмам Низких Сосен, но так и не нашел ничего стоящего.

На третий день, как было уговорено, он вернулся в лачугу Колвилла. Тот его уже ждал. На нем была прокопченная лабораторная блузка, а в комнате пахло канифолью.

Маккензи принюхался.

— Вы что используете в качестве паяльного флюса? — спросил он.
— Гнилые морские водоросли?

— Одно из моих изобретений, — ответил Колвилл, подошел к стене и достал из кучи наваленного барахла длинный, тонкий стержень.

— Вот он, — сказал Колвилл. — Настоящий, с гарантией, самодельный *псионический* прут для поисков подземных вод. Приспособленный для поисков урана.

Маккензи осторожно взял у него прут и осмотрел со всех сторон.

— Довольно хорошая проволока, — наконец, прокомментировал он.

— Спасибо, — сказал Колвилл.

Маккензи уставился на него и долго смотрел, не отрываясь.

— Да бросьте, Колвилл. Вы ведь не ожидаете, что я попадусь на эту удочку?

— Конечно же, нет, — пожал плечами Колвилл. — Я не жду, что вы тут же поверите мне. Тут дело вовсе не в вере. Почему бы вам просто не испытать его и увидеть, работает ли он?

— Вы серьезно думаете, что... — начал было Маккензи, затем замолчал, чувствуя себя идиотом.

Колвилл был прав. Нет никакого смысла спорить, работает это устройство или нет. Нужно просто попробовать его. Колвилл явно хотел над ним подшутить, так что единственное разумное поведение в данной ситуации — просто подвергнуть прут серьезному испытанию.

— И как он работает? — спросил Маккензи. — Если предположить, что он действительно *как-то* работает. Чисто теоретически.

— В местных равнинах есть уран, — сказал Колвилл, — рассеянный на ложе лигнита. Прут может обнаруживать его чисто психическими методами, с такой же, если не большей, точностью, как и ваш счетчик. Можно сказать, что все на свете излучает психоны, чтобы обозначать свое присутствие. Проблема в том, что человеческий разум не настолько чуток, чтобы улавливать эти сигналы, потому что уровень шума в наших головах слишком высок. Вот тут-то и нужен прут. Можете называть его преобразователем. Он снижает шум и повышает сигналы так, что вы способны их принимать.

Маккензи громко кашлянул.

— Вы говорите чертовски серьезно.

— Да, — просто сказал Колвилл.

Маккензи покачал головой.

— Ну, я не знаю. Вы *похожи* на нормального. Ну, предположим, мы испытаем эту штуку. Давайте пойдем и поглядим, способна ли она отыскать уран.

ОНИ ВЫШЛИ из хижины.

— В здешней жизни есть свои преимущества, — заметил Колвилл, пока они спускались по склону холма. — Здесь все не так, как в цивилизованных местах. Например, не надо запирать двери, когда уходите.

— Это да, — согласился Маккензи, оглядывая раскинувшуюся впереди пустошь. — А также нет излишне любопытных соседей. Да и вообще никаких соседей.

— Иногда ко мне заходят изыскатели, — сказал Колвилл, но вы первый, кто остался дольше, чем на чашечку кофе. Кажется, все они считают меня безумным ученым и бегут, как только позволяет приличие.

— Я тоже думаю, что вы безумный учений, — сказал Маккензи.

— Я знаю. Но вы еще можете изменить свое мнение. Вы достаточно гибкий, а остальные — нет. Они уверены, что я безумен, и их с этого не столкнешь. А если этот прут заработает, то вы перестанете так думать.

— Вовсе я в этом не уверен, — проворчал Маккензи. — Может, я подумаю, что тоже спятил?

— Возможно, — сказал Колвилл. — Ну, вот, мы пришли. Вы готовы?

Схватив за середину прута, Маккензи поднял его и подозрительно покосился на Колвилла. — Ну, и что теперь делать?

— Для начала, возьмите его за ручку, а не за середину. Держите так, словно этот теннисная ракетка.

Маккензи провел рукой по прохладному металлу, полка его пальцы не наткнулись на толстую резиновую рукоятку на конце. Он перехватил прут.

— Удобно? — спросил Колвилл.

— Нет, — огрызнулся Маккензи. — Нет равновесия. Он не лежит спокойно у меня в руке. Наверное, рукоятка слишком велика для меня.

— Вы в этом уверены? Попробуйте подвигать прутом.

Маккензи пошевелил им и помотал головой.

— Нет, все еще неудобно.

— Ладно, — сказал Колвилл. — Давайте, начнем. Попробуйте указать прутом в разных направлениях, думая при этом об уране. Возможно, вы нащупаете нужное направление, и тогда прут сам подскажет вам об этом.

Маккензи принялся махать прутом в разные стороны.

— Так можно проторчать тут всю жизнь, — заворчал он. — Он... Он... — Внезапно Маккензи уставился на тонкий прут так, словно тот превратился в его руках в живую гадюку. — Он... Ладно, теперь он в порядке.

— А вы мне не верили, — захихикал Колвилл.

Маккензи вытянул прут перед собой и смахнул бусинки пота со лба. Действительно, прут теперь лежал у него в руке вполне удобно. Он соответствовал его руке, как обувь правильного размера или как шляпа, походящая для его головы. Что-то изменилось в пруте. Ощущимо, бесспорно, явно, невозможно изменилось.

— Давайте же, — сказал Колвилл. — Руководствуйтесь своим чутьем.

Ни слова не говоря, Маккензи пошел вперед. Прут привел его вниз, в ущелье, на стенах которого явно виднелся темный слой лигнита, словно толстый, черный поток, текущий под породами, из которых состоял холм. Затем прут повел его по извилистому каньону мим худых елей, смягкими, серыми от недостатка питательных

веществ иглами, а затем по сухому ложу, состоящему из вулканической породы.

Прут действительно *вел* его. Всякий раз, когда Маккензи отклонялся от правильного пути, он чувствовал тонкие изменения в положении рукоятки, а когда возвращался на нужный курс, рукоятка снова удобно ложилась в ладонь. Молча улыбаясь, Колвилл шел за ним, ничего не говорил, лишь порой задумчиво почесывал бороду. Маккензи понял, что ему позволили самому решать, психом ли был психоник.

— И когда нужно остановиться? — спросил Маккензи после того, как они прошли еще пару сотен метров.

Солнце стояло уже высоко, и Маккензи обильно потел — причем не только от жары.

— Остановитесь, когда это скажет прут, — ответил Колвилл.

Некоторое время прут ничего не делал, только вел Маккензи все вперед и вперед. Затем, внезапно, он извернулся в руке и указал Маккензи под ноги.

— Он указал вниз! — воскликнул Маккензи.

— Он указал вниз, — согласился Колвилл. — Вот оно, нужное место. Теперь послушайте свой счетчик.

Устремив все внимание на прут, Маккензи совсем забыл, что на плече у него висит Гейгер, и не слушал его щелчок.

Но после слов Колвилла прислушался.

Счетчик словно взбесился.

СПУСТЯ ШЕСТЬ недель, Когда Маккензи застолбил участок, оформил все бумаги, привлек химиков-лаборантов, после чего продал участок за кругленькую сумму, когда было точно доказано, что тут богатые урановые залежи, Маккензи вернулся в неуклюжую лагуру на вершине холма.

Он энергично постучал в дверь.

— Колвилл?

— Входите, — послышалось из-за двери.

Маккензи открыл дверь и увидел, что Колвилл упаковывает вещи. Куча машинерии у стены исчезла, а вместо нее посреди комнаты появилась не меньшая груда картонных коробок.

— Лето кончается, — сказал Колвилл. — Пора возвращаться домой.

— Вы забираете с собой все ваши «безделушки»?

— Конечно, — сказал Колвилл. — Я сделал все, что мог. Теперь нужно возвращаться и завершать исследования так, как положено.

— Он помолчал. — Вы уже подписали контракт с горнодобывающей компанией? — спросил он чуть погодя, опутывая толстой веревкой хлипкую коробку с радиолампами.

— Потому-то я и вернулся к вам, — серьезно сказал Маккензи и присел на край какого-то ящика. — Я хочу задать вам кое-какие вопросы.

— Так спрашивайте, — сказал Колвилл.

— Послушайте, — начал изыскатель, — я сделал хорошие деньги на той жиле, что вы нашли для меня. Теперь у меня достаточно наличных, чтобы самому выбраться в люди, и потащить за собой кого-нибудь еще.

— Рад слышать это, — усмехнулся Колвилл.

— Ну, так вот. Я получил все эти деньги только потому, что вы разрешили мне воспользоваться вашей машинкой. — Он подался вперед. — Но мне хочется понять, какая вам от всего этого выгода?

— Выгода? — не понял Колвилл.

— Да, выгода, — повторил Маккензи. — Послушайте... Вы ведь — человек небогатый. Получаете, наверное, скучную зарплату в своем колледже, а на все ваши изобретения требуются деньги. Много денег. Больше, чем у вас есть. Верно?

Колвилл кивнул.

— Тогда пойдем дальше, — продолжал Маккензи. — Вы придумали штуковину, которая может делать вам деньги. Она умеет отыскивать уран — а на современном рынке это настоящие деньги. А вы что делаете? Кладете все эти деньги в мой карман вместо того, чтобы получить их самому. Я не понимаю этого, Колвилл. Почему вы такой альтруист, когда явно нуждаешься в деньгах?

Псионик медленно повернулся и посмотрел на него.

— Альтруизм? Причем тут альтруизм? Послушайте, сынок, вы знаете, как работает этот прут?

Маккензи покачал головой.

— Если это и есть ваше объяснение, то я не понимаю его.

— Тогда послушайте. Для того, чтобы прут работал, нужны три условия. Можете догадаться, какие именно?

Маккензи на мгновение задумался.

— Ну, нужен выход урановой жилы, чтобы было что искать, — буркнул он.

— Верно. Это первое условие. Нам нужен уран где-то в пределах радиуса чувствительности инструмента, что составляет примерно десять километров. Второе условие, разумеется, сам прут.

— А третье? — спросил Маккензи.

ДОВОЛЬНО ДОЛГО Колвилл молчал, и Маккензи увидел странную усмешку, полунасмешливую, полупечальную, которая чуть приподняла уголки губ псионика.

— Третье условие, — сказал, наконец, Колвилл, — это то, что в глубине души вы сам страстно желаете найти, что ищете. На-

ходка урана должна быть самым важным для вас на свете и концом всему... если вы понимаете, что я имею в виду. Именно это заставляет работать прут. Без него прут — просто набор микросхем.

Маккензи непонимающе обвел глазами комнату, затем снова уставилсь на Колвилла.

— О чём вы говорите?

— Прут не будет работать у меня в руках, — прямо ответил Колвилл.

— У меня нет этого третьего фактора.

— Что? Но вы же хотите уран так же сильно, как и...

— Не так, — сказал Колвилл. — Это вы хотите уран. Я просто не стал бы отказываться от него, а это не одно и то же. Главное для меня — мое устройство. Я хочу, чтобы оно работало. Я концентрируюсь на том, чтобы заставить его работать. И, конечно, оно не работает.

— Потому что вы концентрируетесь на машинке, а не на уране, — сказал Маккензи.

— Совершенно верно, — кивнул Колвилл.

— Гм-м... Но разве вы не можете попытаться не концентрироваться на пруте? — спросил Маккензи.

Колвилл хмыкнул.

— Предположим, я влюблён не думать о гиппопотаме, — сказал он.

— Я понял, о чём вы, — сказал Маккензи, встал и пристально посмотрел на психоника. — Выходит, ваша машинка не будет работать на вас просто потому, что вы хотите, чтобы она работала на вас. И не можете выбросить из головы мысли о ней.

— Я не могу фальсифицировать веру, — сказал Колвилл. — Так же, как и истинные стремления. Но я могу обмануть устройство, добавив четвертое условие.

— Четвертое условие? — с подозрением спросил Маккензи.

— Да, — сказал Колвилл. — *Vas*. Я не могу заставить прут работать. Но если я могу заставить работать вас, чтобы вы заставили работать прут, результат ведь будет не хуже? Таким образом, когда вы появились здесь, я устроил все так, что вы попытались заставить работать прут. И у вас все получилось.

— И я разбогател. Но все равно это альтруизм, не так ли?

— Нисколько. Я использовал вас ради своих целей. Я доказал, что прут отыщёт залежи урана, хотя точно этого не знал, пока не провёл опыт. — Колвилл улыбнулся. — Но вы именно тот человек, которого я искал.

— Что вы имеете в виду?

— Что бы вы сказали, если бы я сделал для вас еще более чуткое и лучше работающее устройство по обнаружению различных минералов, вы бы использовали его, а прибыль мы разделили бы пополам — пятьдесят на пятьдесят?

— Вы хотите объединить наши активы на взаимовыгодных условиях? — спросил изыскатель.

— Что-то вроде этого, — сказал Колвилл. — Вы бы использовали никогда не ошибающееся устройство для обнаружения различных месторождений, а у меня был бы источник налички для продолжения моих исследований. Что вы на это скажете?

МАККЕНЗИ СЕКУНДУ смотрел на этого пожилого, бородатого человека, изо всех сил пытаясь его понять.

— Но ведь вашей самой большой мечтой должна быть мечта о том, чтобы все ваши устройства работали на вас? — наконец, спросил он.

Колвилл медленно кивнул.

— Только такого никогда не произойдет, — продолжал Маккензи. — Ваши машины могут работать только в руках других людей.

— Есть некоторое удовлетворение и в помощи другим людям, — ответил Колвилл.

Внезапно Маккензи почувствовал укол жалости к нему. *Да, удовлетворение, подумал он, но не полное счастье от совершенной лично работы. Бедняга, он осужден быть альтруистом. Он не мог бы быть эгоистом, даже если бы захотел.*

— Вы будете делать машинки, а я использовать их, — вслух сказал он, словно заключая соглашение. — Прибыль мы станем делить пополам, и будем отвратительно богатыми. Мы могли бы начать с поисков в Бесплодных землях платины.

— Звучит превосходно, — кивнул Колвилл. — Вместе мы можем легко делать деньги.

Наверное, это ужасно тяжело, подумал Маккензи. У него такие мозги, а он не может заставить работать собственные устройства.

Он снова взглянул на Колвилла и не заметил на его лице ни малейших следов горечи или разочарования.

И внезапно Маккензи понял, что Колвиллу не в чем разочаровываться. Сама природа того, что делал Колвилл, противоречила любому прямому, личному успеху, и Колвилл понимал это. Это просто недостаток, свойственный природе его исследований. Поэтому Колвиллу не о чем было горевать. Придумывать обходные пути — да, но горевать — нет.

— Прекрасно, — сказал Маккензи, наконец, решив, что понял его до конца. — Конечно, я буду счастлив стать вашим партнером.

Sourdough, (Astounding, 1956 № 11), пер. Андрей Бурцев

ANC

IMAGINATION

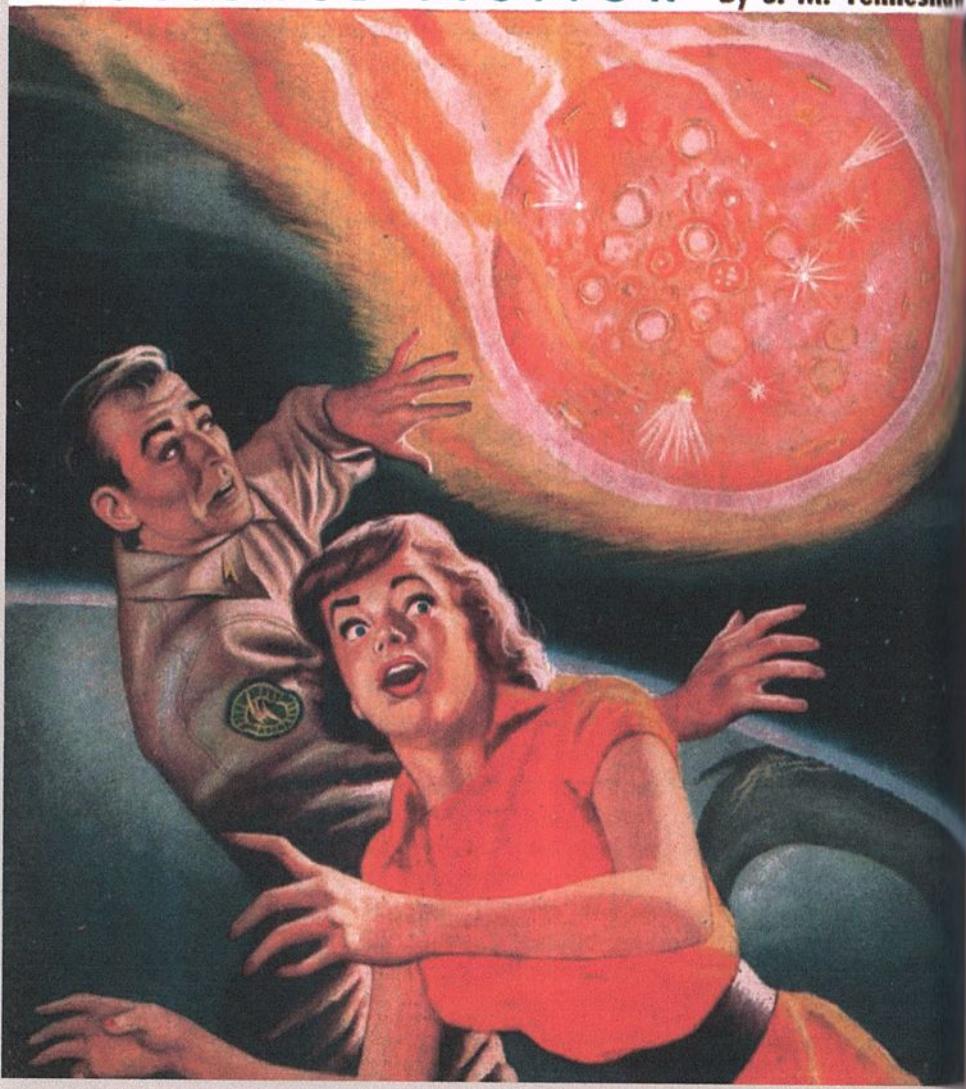
SCIENCE FICTION

DECEMBER, 1956

35¢

LAST CALL
FOR
DOOMSDAY

By S. M. Tenneshaw

ЛОГОВИЩЕ ДРАКОПТИЦЫ

ДЭН ЭЛЛИОТ сидел в душном полумраке бара «Вест-энд» на окраине Венус-сити, и усмехался своему отражению в запятнанном зеркале.

— Поздравляю тебя, — сказал он сам себе. — Теперь ты владелец «Космической иглы II».

На это ушло пять лет, но оно того стоило. Страховка от разбившейся «Космической иглы» только-только покрыла предоплату за новый корабль, и потребовалось пять лет, чтобы выплатить остальную часть суммы.

Но теперь корабль принадлежал ему. И Эллиот праздновал это событие. Единственной проблемой было то, что после окончательного расчета он остался совсем нищим, и отпраздновать это выдающееся событие мог позволить себе только в «Вест-энде».

Внезапно кто-то толкнул его в спину так, что напиток из стакана, который Эллиот держал в руке, выплеснулся на стойку.

— Смотри, что ты наделал, приятель! — послышался резкий голос. Эллиот обернулся.

— Я ничего не...

— А-а, так ты у нас умник?

Вокруг ругающихся тут же начала собираться толпа. Эллиот окинул взглядом своего оппонента — здоровенный, неопределенного вида парень со шрамом от уха до самого подбородка.

— Я не ищу проблем, — сказал Эллиот. — Но уж если...

Он не успел договорить, как кулак откинулся к стойке бара. Эллиот оттолкнулся от нее, притворился, что хочет ударить в живот здоровья, но вместо этого другой рукой нанес ему удар в подбородок. От второго удара здоровья зашатался... а после третьего началось веселье. Эллиот почувствовал удар в лицо, блокировал удар в пах, и здоровья полетел по бару, махая кулаками и стараясь ударить всех подряд. Разгорелась всеобщая драка, потасовка все разрасталась, бар заполнился криками и ругательствами, бармен испуганно нырнул за стойку.

Эллиот бросился в толпу, нашел здоровья, схватил за шиворот и повалил на пол. В ту же секунду кто-то завопил:

— Осторожно! Стол!..

Эллиот обернулся — и, как оказалось, не вовремя. Летящий по воздуху столик с отвратительным звуком ударил его по затылку, и Эллиот рухнул на пол, теряя сознание.

Холодная, влажная тряпка прошлась по его лицу, и чей-то грубый голос сказал:

— Выкиньте его отсюда. Не так-то уж он и ранен.

ЭЛЛИОТ МЕДЛЕННО открыл глаза. Он был вовсе не в «Вест-энде», а лежал в большом, хорошо обставленном офисе. За блестящим полированной столом сидел невысокий толстяк, а слева от него стоял мускулистый человек с густым космическим загаром — по виду, не обремененный глубокими мыслями.

— Как вы себя чувствуете, мистер Эллиот? — спросил толстяк.

— Да, в общем-то, ничего, — сказал Эллиот, ощупывая затылок. — Голова цела — и ладно. А что произошло?

— Просто драка. К счастью, там оказался Сэм, который и принес вас сюда.

Эллиот взглянул на своего спасителя.

— Спасибо, приятель.

Сэм мрачно пожал плечами.

Толстяк соединил вместе кончики пальцев и заботливо поглядел на него.

— Скажите, вы не тот Дэниел Эллиот, который пять лет назад разбил в джунглях космический корабль?

— Да, это я, — буркнул Эллиот.

Толстяк кивнул.

— Мистер Эллиот, насколько я понимаю, вы тогда были возле венерианского Храма Света и своими глазами видели драконтицу. Вы можете мне сказать, это робот или она на самом деле живая?

Эллиот усмехнулся. Он видел эту невероятную птицу в джунглях, где ее скрывали венерианские жрецы, поклоняющиеся ей. Но хотя видел он ее издалека, все равно мог утверждать, что она живая. Никакой робот не мог двигаться с таким изяществом.

— Она живая, — сказал Эллиот.

Толстяк улыбнулся. Улыбка у него оказалась какой-то неприятной.

— Я надеялся на это, мистер Эллиот. Мне нужна эта птица. А вы единственный, кто может привести меня к ней.

Эллиот встал и пристально посмотрел на толстяка.

— Только не я, мистер. Мне не нравятся джунгли, но еще больше не нравится мне идея похитить любимого бога венериан.

Взгляд толстяка стал жестким.

— Вы знаете, кто я?

Эллиот покачал головой. Это была его ошибка, шея еще не присла в себя после драки, и боль заставила его вздрогнуть.

— Вы разговариваете с Хоустеном Блэйном, — сказал толстяк.

Эллиот молча глядел на него. Он знал, кто такой Хоустен Блэйн. Блэйн был назначен Межпланетным Торговым Советом специальным уполномоченным на Венере.

LAIR OF THE DRAGONBIRD

by

Robert Silverberg

**Nobody on Venus knew if the dragonbird
was flesh and blood or a robot. But one thing
was certain—some men would kill to find out!**

— Вы участвовали в пьяной драке в баре, мистер Эллиот, — тихо продолжал Блэйн. — Я мог бы за это отобрать у вас лицензию пилота. Может ведь даже оказаться, что вы... ну, были пьяны, когда разбили «Космическую иглу». Разумеется, мы не можем позволить вам так запросто взять и улететь на «Космической игле II», верно?

Эллиот мгновенно все понял. Драка в баре была не случайной. Блэйн специально организовал ее, чтобы заставить Эллиота привести его к дракоптице. А этот толстяк мог сделать все, что сейчас сказал. Эллиот был все равно, что у него в кармане.

— Ладно, Блэйн, — натянуто улыбнулся Эллиот. — Когда начинаем?

— Во вторник, — сказал Блэйн. — И хочу предупредить вас, Эллиот, что мы должны защищать друг друга. Если я не вернусь из этой поездки, кое-какие бумаги в моем сейфе весьма осложнят вам жизнь. Однако если у нас все получится, вам хорошо заплатят.

— Что значит, хорошо?

— Я полагаю, — улыбнулся Блэйн, — десяти тысяч кредитов будет достаточно. В том случае, разумеется, если мы на самом деле добудем дракоптицу.

ОНИ ВЫЕХАЛИ на следующий день с севера Венус-сити, Блэйн и Эллиот. Сэм проводил их до границы города, махнул рукой и вернулся.

Первые несколько дней поездки были не так уж плохи. Небольшой джип бежал по мшистому подлеску с такой легкостью, будто катил по отличному шоссе. Гораздо лучше ехать, подумал при этом Эллиот, чем тащиться по венерианским джунглям пешком. За четыре дня они покрыли расстояние, которое пешком Эллиот преодолел за пять недель, после того, как разбил свой корабль в нескольких сотнях километров к югу.

Ночами оба по очереди стояли на страже, не спуская глаз в ожидании хищников. Здесь Эллиот столкнулся с искушением, которому едва не поддался.

Это случилось в первую ночь, когда Блэйн спал. Эллиот медленно расхаживал взад-вперед, борясь со сном. За полчаса до конца его смены Эллиот услышал какое-то слабое щебетание, идущее от покачивающих вершинами деревьев-кнутов.

Он глянул туда и мысленно выругался. С верхнего отделения толстой, липкой сети украдкой спускался венерианский фиолетовый паук размером с грейпфрут. Он висел на сети уже метрах в трех с половиной от лица спящего Блэйна — толстого лица, выглядевшего злым даже во сне.

Эллиот почувствовал, как на лбу выступил пот. Так легко было всего лишь позволить пауку завершить спуск, оказаться на морде Блэйна и ввести свой яд...

Нет! Эллиот преодолел искушение и выстрелил из бластера. Яркая струйка золотистого пламени разорвала ночь, и паук безвольно повис на своей сети.

Блэйн тут же проснулся.

— Что это было?

— Я только что спас вашу никчемную жизнь, — безжизненным голосом ответил Эллиот. — Паук. Спустился с дерева. Продолжайте спать. До начала вашего дежурства еще полчаса.

Блэйн передернул плечами, лег и мгновенно заснул.

Весь следующий день Эллиот вел машину.

Они все больше и больше углублялись в чащу листвы, являющейся венерианскими джунглями, а серое скопище зданий Венус-сити осталось далеко позади.

В джунглях царила жара, жара и сырость. Волосы Эллиота прилипли ко лбу, пот заливал глаза, пар туманил лобовое стекло. Через некоторое время он остановил джип.

Блэйн выпер пот со своих трясущихся подбородков и уставился на него.

— В чем дело?

— Садитесь за руль, — сказал Эллиот. — А я отдохну.

— Нет, — бросил Блэйн. — Вы водитель этой колымаги. Это ваша работа, то, для чего я вас нанял. Хватит болтать. Поехали!

Эллиот повел джип дальше. Ему и раньше приходилось испытывать падения, но никогда еще он не оказывался в такой глубокой, зловонной яме. И никого он ненавидел так глубоко, всей душой, как Блэйна... и при этом не мог ничего с ним сделать.

В душе Эллиота начало расти напряжение. Он был космическим пилотом, человеком с хорошей работой и отличным служебным списком. Но стоило ему разок поскользнуться — и он оказался под пятой мерзкого Блэйна... Нет, даже не под пятой, а под его большим пальцем. Эту пилюлю нелегко было проглотить. Он с радостью убил бы толстяка, но знал, что уже больше никогда ему не летать на кораблях, если он вернется в Венус-сити без спец. уполномоченного. Блэйн крепко связал ему руки, так что теперь не было смысла дергаться.

АВАРИЯ СЛУЧИЛАСЬ вечером четвертого дня. Джип бодро прыгал по мшистым кочкам между большими, покрытыми слизью деревьями, когда внезапно Эллиот увидел, как нечто, похожее на веревку или лозу, скользнула прямо наперерез машине.

— Змея! — закричал он и резко повернул руль.

Джип накренился.

— Что ты делаешь? — завопил Блэйн, но было уже поздно.

Правое колесо машины наткнулось на камень, и джип с противным скрежетом перевернулся на бок.

Эллиот был ошеломлен, но понимал, что действовать надо быстро. Он выскочил из опрокинувшегося джипа с Блэйном по пятам. Древесная змея, которая и послужила причиной катастрофы, продолжала ползти к ним, и с ее белых клыков падали капли яда.

Она метнулась вперед, чтобы ударить, но рука Эллиота оказалась быстрее. Он стиснул пальцы вокруг шеи рептилии и держал ее голову на расстоянии вытянутой руки.

Трех с половиной метровое тело змеи тут же обвило шею и грудь Эллиота, прижав его свободную руку к туловищу. Пилот ощущал сухой, неприятный запах рептилии и сплюнул. Потом, набрав как можно больше воздуха в легкие, он со всех сил стиснул шею змеи. Теперь победить должен тот, кто протянет дольше.

У Эллиота начало темнеть в глазах. Что, черт побери, делает этот толстый дурак Блэйн?

— Блэйн! — прохрипел он.

Блэйн не отвечал. Из последних сил Эллиот стиснул шею змеи, представляя, что это толстая шея Блэйна.

Что-то сухо треснуло. Змея конвульсивно содрогнулась, и кольца ее туловища бессильно спали с тела Эллиота. Эллиот стоял, дрожа от напряжения.

Как только змея упала на землю, луч толщиной с карандаш тут же прорезал воздух, сжигая твари голову.

— Вот и все, — с облегчением сказал Хоустен Блэйн.

Эллиот повернулся к нему.

— Какого дьявола вы медлили? Она же могла меня убить. Почему вы не воспользовались ножом?

Блэйн пожал покатыми плечами.

— Да вы и сами справились. А что у нас с машиной?

Эллиот подавил готовое сорваться с языка ругательство и просто отвернулся. Один только вид Блэйна вызывал у него отвращение, и ему стало жаль, что он не мог придумать способа отомстить Блэйну, не лишившись при этом пилотской лицензии или обещанного гонорара за поездку. Не мог...

Он нагнулся и осмотрел джип.

— Сломалась передняя ось, — сказал он через минуту. — Ничего особенного, но мы не можем отремонтировать ее на месте.

— Не можем?

— Да, если вы не желаете связать ось веревками, — насмешливо сказал Эллиот.

— Мы не можем вернуться, — сказал Блэйн. — Начинайте загружать рюкзак. Остальной путь мы проделаем пешком. Логовище драконтицы должно быть уже где-то недалеко.

Глаза толстяка так и сияли жадностью. Эллиот секунду смотрел на него, затем стал упаковывать вещи.

ЕЩЕ ДЕНЬ спустя они вышли на берег реки Хэзил, медленному, широкому потоку, лениво текущему почти через весь континент.

Эллиот с Блэйном спрятались в кустах.

— Посмотрите-ка туда, — сказал Эллиот, указывая на остров в сотне метров от берега.

— И что я там должен увидеть? — проворчал Блэйн.

— Там храм. Видите? Большое, белое строение. Местные жители, кстати, никогда не переплывают на ту сторону реки, хотя охота там лучше.

— Дайте, я посмотрю, — прошептал Блэйн.

Эллиот передал ему бинокль, и толстяк жадно уставился на остров.

— Что-нибудь увидели?

— Только туземцев, — ответил Блэйн, вернул бинокль, и Эллиот тоже увидел маленькие группки местных жителей с розовато-лиловой кожей, рассеянные по острову.

— Разве у них нет охранников?

— Нет, — покачал головой Эллиот. — Они твердо верят, что драконтица защитит их от любых нападающих.

— Прекрасно, — сказал Блэйн. — Тем нам проще. Чего же мы торчим тут?

Эллиот взглянул на толстяка и увидел на лице Блэйна жажду крови и страсть охотника.

— Не будьте таким нетерпеливым, — сказал он. — Сейчас почти полдень. Наблюдайте в бинокль за храмом. Если у них не изменилось расписание, драконтица появится ровно в полдень.

Минуты тянулись медленно. Блэйн то смотрел на часы, то разглядывал остров.

В тот же миг, когда секундная стрелка часов указала на цифру 12, послышался внезапный удар огромной литавры, и этот звук глухо разлетелся по воде. К храму прошла стройная процессия аборигенов, неся какое-то темное животное размером с небольшую овцу. Они положили животное на алтарь перед дверями храма.

Последовал еще один приглушенный удар литавр.

— Сейчас появится она, — пробормотал Эллиот.

Туземцы почтительно отступили, двери храма медленно раскрылись наружу.

И появилась драконтица. Пораженный вскрик Блэйна был таким громким, что Эллиот испуганно огляделся.

— Она прекрасна! — восхликал толстяк. — Она еще прекраснее, чем я думал!

— Да, — мрачно отозвался Эллиот, взял из дрожащих пальцев Блэйна бинокль и посмотрел на остров.

Драконтица с достоинством шла по небольшой площадке перед алтарем. Она была высотой почти с человека, полулутица, полу-рептилия, шагающая на сильных лапах, вооруженных алмазно-острыми, блестящими когтями. Яркий солнечный свет отражался от металлических перьев, играя на ее ярком оперении и блестя на длинных рядах чешуи, покрывающей ее длинную, лебединую шею.

— Отдайте бинокль, — рявкнул Блэйн, схватил бинокль и стал смотреть. — Боже мой, какая красавица! Она станет прекрасным трофеем!

— Трофеем? — пораженно воскликнул Эллиот. — Трофеем! Я думал, вы хотите поймать ее.

— Не стройте из себя дурака! — огрызнулся Блэйн. — Как мы можем поймать живую птицу таких размеров, а потом переть ее на своих горбах через джунгли? Нам понадобилась бы клетка из хромированной стали. Нет, я хочу застрелить ее. Мы можем забрать ее голову и шкуру — этого будет достаточно.

Эллиот нахмурился, чувствуя тошноту. Драконтица — трофей! Его мутило от одной этой мысли. Он снова взглянул на остров.

Драконтица уже принялась питаться. Она злобно рвала животное когтями и сильным клювом.

— Это будет легко, — продолжал Блэйн. — Я застрелю птицу пулей, чтобы не повредить ее, затем сожжем бластерами туземцев, чтобы не мешали.

— Что?

— Да они вообще не поймут, что их поразило. Это будет милосердная смерть. Господи, какое прекрасное создание эта драконтица!

Блэйн поднял винтовку и тщательно прицелился.

НА МГНОВЕНИЕ, казалось, все вокруг застыло. Эллиот видел, как напрягся пухлый палец Блэйна на спусковом крючке. Затем Блэйн опустил винтовку.

— Нет, — сказал он. — Я не доверяю своей меткости. Я могу повредить птицу, и никогда потом не прощу себя за это.

Он передал оружие Эллиоту. Эллиот нехотя взял винтовку, чувствуя прохладу ствола и тяжесть ружейного ложа.

— Птицу застрелите вы, — сказал Блэйн.

— Нет, я не буду, — ответил Эллиот. — Мы не договаривались, что я...

— Да плевать, о чем мы там договаривались, — вежливо сказал Блэйн. — Я не прошу вас стрелять в птицу. Я вам *приказываю*.

Горячие вспышки гнева заплясали перед глазами Эллиота. Он увидел драконтицу, пирующую на своей жертве, представил, как

ее прекрасную, благородно вздернутую голову пробивает горячий кусочек металла, представил дымящуюся винтовку в своих руках и с трудом подавил порыв повернуть винтовку и прострелить дурацкий череп Блэйна.

— Я не сделаю этого, — сказал Эллиот. — Я не буду стрелять в птицу.

— Вы дурак, Эллиот, — прошипел в ответ Блэйн. — Вы же знаете, что, если мы не добудем драконтицу, то я ничего вам не заплачу. Так почему же вы...

— Я не стану это делать, — повторил Эллиот.

— Ладно, — холодно сказал Блэйн. — Я не могу тратить впустую время, препираясь тут с вами. Птица в любую минуту может вернуться в храм. Давайте винтовку. Я сам застрелю ее, а с вами разберусь позже.

Эллиот молча вернул толстяку винтовку. Блэйн прижал ее к плечу, прицелился. Его палец снова напрягся на спусковом крючке.

Внезапно, словно в какой-то вспышке осознания, Эллиот понял, что не сможет жить дальше, если позволит этому пальцу произвести выстрел.

Неважно, что это будет ему стоить, но Эллиот не мог позволить этому толстому мяснику убить одно из самых прекрасных существ, что когда-либо жили во Вселенной, превратить богиню в *трофей*!

Выпустив разом весь скрытый гнев, который копился в нем с той первой встречи с Блэйном, прекрасно понимая, какие последствия возымеет его действие, Эллиот с силой удариł рукой по стволу винтовки в тот самый миг, когда Блэйн выстрелил.

Выстрел разорвал тишину, на острове рухнул на землю туземец. Блэйн пораженно посмотрел на него.

— Идиот! — закричал он.

Потом толстяк вскочил на ноги, разворачивая винтовку к Эллиоту. Пилот шагнул назад, и пуля просвистела на пару сантиметров выше его головы. Потеряв равновесие после выстрела, толстяк покачнулся, и Эллиот бросился на него.

ОТ ТОЛЧКА Эллиота толстяк рухнул на одно колено, но оказался сильнее, чем думал пилот. Под покрытием жира у него были крепкие мышцы. Рыча, Блэйн сумел встать и отшвырнуть Эллиота от себя.

Мертвенно-бледная ненависть искрылась в его глазах, и Эллиот почувствовал, что его собственное лицо застыло сердитой маской. Здесь, на берегу вяло текущей венерианской реки, началась схватка не на жизнь, а на смерть.

Оба мужчины принялись осторожно кружить друг против друга. Блэйн взмахнул рукой, напоминавшей обезьянью лапу, и Эллиот отступил.

— Вы знаете, что будет дальше! — закричал Блэйн. — Вы останетесь гнить на Венере до конца своих дней, если я не вернусь!

— Я рискну, Блэйн. Я не могу позволить вам убить эту птицу.

Он опустил голову и врезался в Блэйна, игнорируя град ударов, обрушившихся на его шею и плечи. Он толкнул Блэйна к самому краю воды и вынужден был отпустить его, только когда толстые пальцы схватили его за горло. Они разделились. Ногти Блэйна оставили ярко-красные полосы на шее Эллиота. Кровь смешалась с потом. Тут же прилетело целое облако венерианских комаров и зажужжало над самыми их головами.

Кулак Блэйна устремился Эллиоту в живот, но пилот увернулся, и его кулак погрузился в мягкое, как тесто, брюхо противника. Блэйн задохнулся и отступил.

Эллиот бросился вперед и обхватил Блэйна руками, причем едва сумел обхватить туловище толстяка. Затем он медленно приподнял Блэйна, оторвав его ноги от земли.

— Вот... и... все... — с трудом произнес он, поднимая тяжеленное тулово уполномоченного.

Подняв Блэйна как можно выше от земли, Эллиот опустил его, но тут же сбил с ног, когда толстяк попытался опять схватить пилота.

Блэйн тяжело рухнул наземь. Эллиот бросился на него сверху, и они покатились по берегу к реке. Лишь на самом краю Эллиот сумел остановиться и вырваться из хватки Блэйна. Тот немедленно вскочил на ноги.

Первым же ударом Эллиот пробил защиту Блэйна. Толстяк покачнулся, потерял равновесие и свалился с берега в тихую воду, дико при этом вопя. Ударившись о воду, он поднял волны, одна из которых подползла к самым ногам Эллиота.

И неожиданно тихая вода взбурлила. Под поверхностью реки поднялся настоящий водоворот, и тело Блэйна оказалось в центре стаи каких-то темных существ, похожих на ящериц. Блэйн издал лишь один короткий крик, когда острые зубы потянули его под воду. Затем на поверхность реки всплыло большое багровое пятно и, медленно расплываясь, поплыло вниз по течению. А еще секунд через десять вода опять стала тихой и почти неподвижной.

ЭЛЛИОТ СТОЯЛ на берегу реки, тяжело дыша после драки и, стараясь отдохнуть, смотрел, как улетает прочь густое облако комаров, висевшее над ними во время драки. Он смотрел на красные ленты в воде, медленно плывущие вниз по течению, и понимал, что заплатит теперь за Блэйна собственной жизнью.

Наконец, Эллиот покачал головой и отвернулся. Делать больше было нечего, и он пошел прочь от реки.

Но тут над ним в воздухе послышался какой-то шелест. Он поднял голову, глянул на небо, где сияло яркое солнце, а через миг присел, скаввшись в комок. Над ним парила дракоптица. Эллиот тут же вспомнил ее блестящие когти, которые рвали привязанное к алтарю жертвенное животное.

А затем...

Не бойся, раздался тихий, спокойный голос. Ты оказал мне большую услугу, Дэниел Эллиот.

Дракоптица легко опустилась на землю, и Эллиот увидел свет разума, пылающий в ее золотистых глазах. Казалось, что птица способна читать его мысли.

Да, я могу читать твои мысли, Дэниел Эллиот, тут же в его голосе появился телепатический ответ.

— Так ты... Значит, ты разумна?!

В ее мыслеголосе послышалась печаль, когда птица сказала:

Я последняя из моей расы. Мы правили Венерой задолго до того, как твои предки открыли огонь и научились им пользоваться. Но...

Птица помолчала, затем продолжала:

Ладно, это неважно. Тебя не касается то, что произошло. Я разрешаю местным жителям поклоняться мне. Они приносят мне еду и сохраняют для меня уют, а в ответ я гипнотизирую их врагов и охраняю их маленький остров. Это приятная, легкая жизнь, а я так стара.

— Сколько же тебе лет? — спросил Эллиот.

Несколько тысяч твоих лет, ответила дракоптица.

И ты...

Но дракоптица не дала ему договорить.

Нет, Дэниел Эллиот, я не хочу отвечать на твои вопросы. Меня только тревожит долг, ведь я обязана тебе за спасение своей жизни. Блэйн держал тебя, угрожая твоему будущему. Думаю, я могу помочь тебе и вдвойне наказать его, нарушив его планы. Только не удивляйся тому, что увидишь.

Дракоптица чуть дрогнула и внезапно исчезла. А на ее месте перед Эллиотом возникло толстое, злобное лицо, обширное брюхо и все прочее, что было Хоустеном Блэйном!

— Что ты так пялишься, Эллиот! — прорычал голос Блэйна. — Ты бы удивился, что еще можно сделать при помощи мощного гипноза.

Эллиот протер глаза. Но Блэйн по-прежнему стоял перед ним с самодовольной улыбкой на толстых губах.

— Я хочу вознаградить тебя, — снова раздался голос Блэйна. — Мы с тобой вытащим все из покойного мистера Блэйна, все до

последнего кредита, что у него есть, а еще возьмем из его сейфа документы.

— Но... Ты хочешь сказать, что займешь место Блэйна? — спросил Эллиот, чувствуя все вокруг каким-то нереальным, как в сказке.

— На время.

Толстая фигура Блэйна дрогнула, расплылась и вновь превратилась в драконтицу.

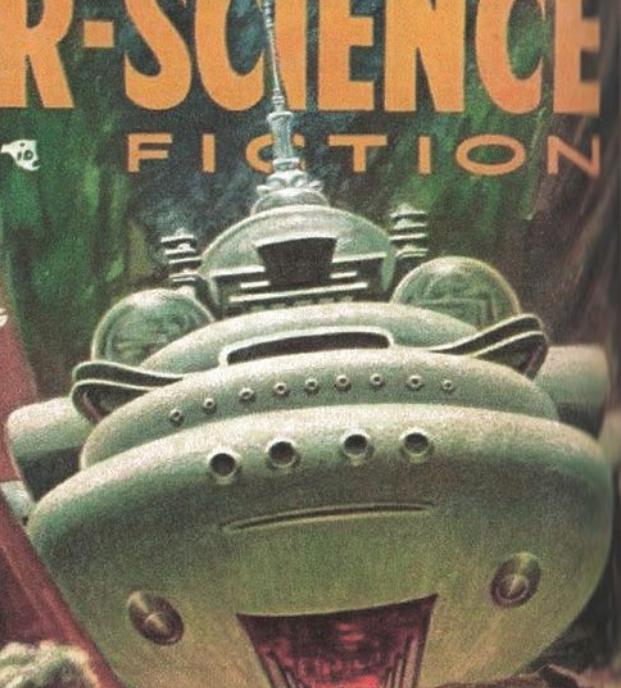
Садись мне на спину, Дэниел Эллиот. Несколько секунд спустя они уже было высоко в небе, направляясь в Венус-сити.

Lair of the dragonbird, (Imagination, 1956 № 12), пер. Андрей Бурцев

SUPER-SCIENCE FICTION

OCTOBER 35¢

DEATH'S PLANET
by ROBERT SILVERBERG

A TIME
FOR REVENGE
by CALVIN KNOX

THE CHILDLESS
ONES
by DANIEL GALOUYE

ПЛАНЕТА СМЕРТИ

Я БЫСТРО узнал о Планете Семь из Звездной Системы А, хотя это не доставило мне удовольствия. Я вытащил короткую соломинку и первым вышел из корабля Отряда Исследователей. Я успел сделать лишь три-четыре неровных шага по багрянистой траве, когда что-то выскоцило из густых джунглей и ударило меня прямо по носу.

Голова кружилась, когда я поднялся на ноги и попытался достать бластер. На этот раз я сумел разглядеть, «что это было». Было это размерами, примерно, с человека, хотя треть его составляла голова, одну шестую – брюхо и половину огромные, кривые, как у кенгуру, ноги. Еще я успел заметить белые зубы длиной с мой указательный палец, пристальные красные глаза и желтую, чешуйчатую кожу. Затем кенгуриные ноги напряглись, распрямились, и существо врезалось в меня вторично, снова опрокинув на землю.

Скафандра на мне не было, так что я не мог позвать по радио на помощь. Оставшиеся в корабле, вероятно, наблюдали за мной, в ожидании удобного случая открыть стрельбу. Я уставился на голову с острыми зубами. Ничего себе отпуск, подумал я. Не успел сбежать от обвинения в убийстве на Веллиране, чтобы быть проглашенным в этой неисследованной системе!

Но когда уже зубы, казалось, были готовы вонзиться мне в шею, существо начало вдруг подниматься с меня. Потому что, как оказалось, из джунглей вышло еще одно существо. И я понял, что получил отсрочку. Новое существо было еще более примечательным. Оно было тонким и высоким – вдвое выше человека, и с огромными ногами. Больше всего оно походило на телескоп и все было зеленым, со здоровенными, свисающими по бокам ручищами и с чем-то вроде лепестков на самой вершине. Одна из висящих рук схватила сидящую на мне тварь и подняла ее в воздух.

Я снова поднялся на ноги, спрятался в тени корабля и стал смотреть. Зубастое животное билось и извивалось, но существо-телескоп держало его крепко. Я смотрел, как оно поднимает зубастика все выше и выше, пока оно не оказалось над увенчивающими «телескоп» лепестками. А затем рука была разжата.

Лепестки широко распахнулись, принимая животное.

Послышалось чмоканье, и зубастик провалился в лепестковую глотку «телескопа», затем начал медленно проваливаться в его желудок. Я содрогнулся.

Существо-телескоп обхватило себя длинными руками, словно обнимая в радостном танце, и заковыляло обратно в джунгли. А секунду спустя меня окружили товарищи по путешествию.

— Вот так нас тут приветствуют, — только и вымолвил я.

ГИБЕЛЬ НА планете Семь из Звездной Системы А всегда быстрая, внезапная и ужасная. Даже быстрее, чем в так называемом цивилизованном Веллиране, а когда она приходит, нужно смотреть в оба, чтобы не попасть кому-нибудь на обед вместе с намеченной жертвой.

Как раз на Веллиране со мной и произошло нечто подобное.

Сам я с Земли, я родился не на одном из внешних миров, а прямо на материнской планете, Родине всего Человечества. Хотя вряд ли это что-нибудь значило. На Земле борются за выживание бесчисленные уже миллиарды населения, поэтому я, как и многие другие, предпочел улететь во внешние миры, где, как я тогда думал, можно жить свободно, счастливо и дышать свежим воздухом.

Так я попал на Веллиран. Веллиран находится в системе Поллукса, это большая, хотя и не очень плотная планета, так что сила тяжести на ней равна земной. Я обосновался на ней, прожил там восемь лет и, вероятно, жил бы и до сих пор, если бы не события, которые привели меня на Планету Семь из Звездной Системы А.

DEATH'S PLANET

by ROBERT SILVERBERG

NOVELETTE

illustrated by BOWMAN

Planet Seven on Star System A was a hideous place, a world where sudden, violent death was the rule not an exception. Nature was harsh, ruthless and cruel here

Веллиран, в основном, населен туземцами – гуманоидами с синей кожей, происхождение которых теряется где-то в безграничной Вселенной. Друг с другом они разговаривают на странном плавном языке и держатся особняком, не смешиваясь с землянами, построившими на их планете города. Они имеют какое-то обостренное почитание этики, и мне говорили, что их религия – одна из самых благородных в Галактике. Чего не знаю, того не знаю. Сам я никогда не водился с ними.

На Веллиране я управлял синдикатом по добыче шкур янгов, что приносило мне неплохой доход. Для этого я нанял шесть охотников-землян, которые бродили по материку в поисках восьминогих янгов, а также трех кожевников, четырех заготовщиков и двух упаковщиков. В лучшие времена мой синдикат считался даже средним, и я получал по двадцать тысяч кредитов в год прибыли, и заказы падали с неба до тех пор, пока земные женщины считали модным покрывать свои плечи мягкими, облегающими, черно-белыми шкурками.

Однажды утром я направлялся в банк с недельной выручкой в кармане. Утро было ясное, солнечное, а небо фантастически прозрачное, что и делало

Веллиран таким прекрасным. В общем, я был доволен своей жизнью здесь. Улицы на Веллиране никогда не бывают полны народа, так что я видел лишь нескольких тонких туземцев с нежными глазами, да пару землян.

Я дор сих пор не знаю, что произошло. У меня было такое чувство, словно меня треснули по голове и ударили молнией одновременно, а потом я вновь оказался на той же улице, и улица была все так же тиха и безмятежна.

Только в правой руке у меня появился украшенный драгоценностями нож, с которого капала

ярко-красная кровь. Красная кровь, но не земная, для земной она была слишком уж яркой. О, нет. Единственными существами в Галактике, кровь которых была красной, как пламя, являлись как раз туземцы Веллирана.

И один из них лежал у моих ног, выглядя мирным даже после смерти. Вот только умер он вовсе не мирно. Его синее тельце было изрезано ножом. Ножом, на который я тупо глядел.

ЕСТЕСТВЕННО, ЧУТЬ позже меня потащили в суд. Появившийся полицейский прошелся туда-сюда, пока я стоял с ножом в руке, так что все следствие не заняло и шести минут. Судебное разбирательство тоже не затянулось. Судья был мне не знаком, что было совсем уж плохо.

Он брезгливо посмотрел на меня со своего возвышения.

— Подсудимый Кроуфорд, вы убили веллиранина прямо среди белого дня. У вас есть какие-нибудь объяснения этого преступления?

Я поморгал.

— Нет, Ваша Честь.

А что я еще мог сказать? Что толку спорить, если меня застали с окровавленным ножом в руке.

— Данное преступление находится вне юрисдикции земного суда на Веллиране, — сказал судья. — Но, разумеется, это не означает, что вы останетесь безнаказанным.

Я уставился на него.

— Но я этого не делал. Скорее всего, это был не я.

— У веллиран есть свои способы добиться справедливости, — сказал судья. — И мы порекомендуем применить их к вам.

После чего меня отпустили.

Несколько минут я стоял возле здания суда, глядя в прозрачное небо и думая о том, как так вышло, что вся жизнь полетела ко всем чертям всего лишь за полчаса. Выручка все еще лежала у меня в кармане. Две тысячи кредитов, обеспеченных платиной с Земли. Но теперь я не собирался класть их в банк. Мне они самому теперь понадобятся. Причем очень скоро.

Кто-то явно подставил меня, но было бессмысленно кого-либо убеждать в своей невиновности. Веллиране не могли бы понять, как это подставить другого под преступление, которого он не совершал. Для них было все ясно: я убил их соотечественника, поэтому я должен умереть. Так работала справедливость по-веллирански. И я знал, что способы ее исполнения весьма неприятны.

Однако, я нашел человека, который мог мне помочь. Звали его Джейфри Халлан, и он был Экспедитором. Он упрощал людям жизнь.

Это был маленький, косоглазый человечек с острым носиком и бледным лицом.

— Вы и правда не убивали туземца? — спросил он.

— Честное слово, нет. Если только у меня не возникло вдруг времменное помешательство и теперь я ничего не помню.

Халлан пожал плечами.

— Ну, большого значения не имеет, убили его вы или нет, верно? Веллиране заинтересованы в том, что *кто-то* должен умереть за совершенное преступление, это можете быть вы либо кто-то другой.

— Так и есть. — Я взял банковскую упаковку, отсчитал банкноты и шлепнул их ему на стол. — Вот две тысячи, Халлан. Вы можете тайком увезти меня с Веллирана?

ОН ВЗЯЛ бумажки, пролистал их, изучая порядковые номера, потер подушечкой пальца по портрету в сердке, затем сказал:

— Возможно.

— Возможно?

— В городе стоит корабль Космической Разведки, он должен стартовать нынче вечером. На предыдущей планете погиб их эколог, и они попросили меня найти нового. Я связался со штабом Разведки и попросил, чтобы они привезли замену. Его зовут Пол Маркхэм, и он уже в городе.

— Ну, и...?

— Предположим, — сказал Халлан, — я проведу на борт вместо Маркхэма *вас*.

— Меня? Но ведь я не эколог! Я понятия не имею о...

— Да, не имеете, — холодно улыбнулся Халлан. — Все, что вам нужно сделать, так это попасть на борт корабля. Они направляются в неизведанные территории в области Андромеды, и если вы сумеете таким образом совершить гиперпространственный перелет, то будете спасены. Они не будут проверять ваши документы. Если возникнет проблема, я что-нибудь придумаю. А на обратном пути вы просто останетесь на какой-нибудь планете и смените себе имя. Галактика велика, веллиране не побеспокоят вас.

— А что будет с настоящим Маркхэмом?

— С ним? Он опоздает на корабль, только и всего. Есть масса способов задержать человека.

ТРИ ЛУНЫ Веллирана висели высоко в небе, заливая все оранжевым светом, когда я попал в космопорт. Весь предыдущий день я провел у Халлана. Я переписал на него все свое имущество и перевел деньги со счета. Когда я вернусь из исследовательской экспедиции, он передаст их мне в моем новом мире. Нельзя сказать,

что я так уж доверял ему, но при данных обстоятельствах был рад убраться с Веллирана живым.

Он сам привез меня на космодром, где в слабом лунном свете блестел высокий, тонкий корабль. Халлан самолично проводил меня до лифта, поднимающегося в шлюз.

– Ну, что ж, путь вам открыт, Кроуфорд… простите, Маркхэм. Летите себе спокойно, и не возвращайтесь сюда.

– Спасибо вам, Халлан. Спасибо.

Я сел в лифт и поднялся на корабль. Там меня уже ждали человек восемь-девять.

– Я Маркхэм, – сказал я. – Новый эколог.

– Добро пожаловать на борт, – ответил человек в синей с золотом форме. – Я капитан Хендрин. А это команда, с которой вам предстоит работать.

Он быстро представил меня всем: биологу, медику, антропологу, ботанику, химику и так далее – обычный состав группы Звездной Разведки.

– Мы направляемся в систему Андромеды, как вы, возможно, уже слышали, – сказал капитан Хендрин. Нам предстоит стандартная шестимесячная экспедиция. Начнем мы с системы звезды А. Наша задача – исследовать как можно больше миров за отведенный период времени.

Я усмехнулся, стараясь выглядеть настоящим ученым.

– Рад оказаться у вас на борту, капитан.

Постепенно я приспособливался к жизни на корабле и к своей новой профессии. Фактически, это было не так уж и трудно. Дела Звездной Разведки частенько описывались в художественной литературе, и из тех же книг я знал о корабельной жизни. Разумеется, я совершенно не разбирался в экологии, но, читая микрокниги из корабельной библиотеки, начал постепенно входить в курс.

А самое главное, я живым убрался с Веллирана.

Я не знал, кто подставил меня и зачем, и даже не надеялся когда-либо узнать, но все это осталось в прошлом. Я попал в ситуацию, когда мне пришлось покинуть обжитую уже мной планету, и смысла не было спорить о правах, ошибках, подставах и моральной стороне всего этого.

Полет занял три недели, первые два дня на стандартных ионных двигателях, а затем, когда корабль вышел из системы Поллукса, переход с душераздирающим визгом в гиперпространство. И три недели в небытие, вне всякого пространства-времени, пока корабль буквально проглатывал расстояние.

Затем мы покинули нашу Галактику и оказались в Андромеде. Вокруг светили такие же яркие звезды. Первые несколько минут

после того, как мы возникли в обычном космосе, я во все глаза смотрел на экране на эту звездную необъятность.

При этом я думал о том, насколько ужасающе велика вселенная. Мы летим исследовать соседнюю галактику величиной с нашу собственную, а кругом бесконечная ночь, и подобных галактик неисчислимое количество, миллионы и миллиарды, и в каждой галактике тысячи миллиардов звезд. Человечество могло до конца времен посыпать корабли Разведки и все равно не иметь возможности хотя бы раз побывать на каждом из миров.

Автопилот повел корабль к ближайшей звездной системе, произвольно названной Системой А, состоящей из одиннадцати планет, вращающихся вокруг ярко-желтой, молодой звезды, похожей на Солнце. Свои полгода мы можем провести в Системе А, а все равно не выполнить задание в полном объеме. Почти что бесконечные миры, почти бесконечное разнообразие жизни...

Я понял, что в своей предыдущей жизни, экспортируя с Велирана шкуры янгов, я выработал довольно-таки провинциальное отношение к окружающей Вселенной. Она была для меня просто большой пустотой. И вот только теперь я начал менять это свое отношение.

Одиннадцать планет Системы А вращались на экране, как яркие шарики. Две планеты имели кольца, одна находилась так близко к светилу, что на ней не могло быть никакой жизни, еще две представляли собой двойной мир, вращаясь друг вокруг друга по странной орбите, что требовало бы подробного изучения.

Но капитан Хендрин в качестве первой остановки выбрал Планету Семь в Системе А. Мы взяли курс на приземление и, пока корабль постепенно снижался, наши химики изучили атмосферу и сообщили, что она годна для дыхания.

ЗАТЕМ МЫ совершили посадку. Снова и снова проводились всевозможные проверки. Стало ясно, что наружу можно выходить без скафандров. По обычаю была проведена лотерея, мы стали тянуть соломинки, и я вытянул короткую.

Капитан Хендрин усмехнулся.

– Ну что ж, вполне справедливо, что наш эколог первым выйдет на Планету Семь. И вы будете первым, кто увидит здешнюю фауну.

Так я прошел через воздушный шлюз и ступил на почву планеты. Все верно, я первым увидел здешнюю фауну. Но и фауна эта тоже увидела меня – причем она оказалась куда быстрее.

МЕНЯ ОКРУЖИЛИ девять членов экипажа, встревоженно глядя вокруг.

– Вы в порядке? – спросил Хендрин.

— Если вы имеете в виду живой ли я, то да. Этот зубастик застал меня врасплох. Думаю, к настоящему моменту я уже был бы у него в брюхе, если бы не появился второй представитель здешней милой фауны.

Я смахнул со лба пот и уставился на темный лес. Воздух был плотным и жарким, так что дышать было трудно, а что еще неприятнее — он был очень влажным. Откуда-то из глубины чащи деревьев с острыми зелеными листьями я услышал крик: резкий, хриплый, отчаянный.

Предсмертный вопль.

— Грубый, примитивный мир, — сделал вывод биолог Лезенби. — Планета молодая. И жизнь здесь ценится дешево.

Хендрин кивнул.

— Нужно разбиться на группы, — сказал он. — И наружу выходить только хорошо вооруженными. Все должны взять бластеры. Мы понятия не имеем, что за странные создания скрываются в чаще.

Меня все еще немного потряхивало. Столь внезапно выскочивший из джунглей зубастик не принес пользы моей нервной системе.

— Может, нам стоит улететь с этой планеты, капитан? — сказал я. — Здесь слишком опасно. Наверное, лучше проверить другие планеты в этой системе.

Хендрин резко повернулся ко мне, и я увидел, как все дружелюбие стекло с него, точно вода. Впервые с тех пор, как я ступил на борт корабля, я увидел *настоящего* Хендрина. Лицо его стало лицом фанатика, человека, получившего задание и собирающегося выполнить его любой ценой. Меня аж мороз пробрал.

— Маркхэм, — сказал он, — вы с нами еще недолго, так что я прощаю вам эти слова, хотя они неуместны в устах члена Отряда Разведки, а также эколога. Когда корабль Космической Разведки опускается на планету, он остается на ней, пока задание не будет выполнено. Я поступаю так уже тринадцать лет и буду поступать впредь.

Слова его были, словно щелчки кнута. Потом он повернулся к остальным членам команды.

— Кто-нибудь еще хочет немедленно улететь?

Все молчали.

Я с несчастным видом кусал себе губы. Часть меня хотела немедленно признаться капитану, что я никакой не эколог, и вообще не являюсь членом Космической Разведки, я просто беглый экспортёр шкур янгов, который должен был скрыться из-за ложного обвинения в убийстве и в качестве удобного выхода воспользовался его кораблем. Но я понимал, что этого не стоит делать. Хендрин был весь во власти высоких принципов и не оставил бы меня в живых, если бы узнал правду. По выражению его лица я понял, что он

не пожалеет времени и вернет меня на Веллиран, если только его принципы велят это сделать.

Наверное, Джейфри Халлан понятия не имел об этом. Но что толку думать сейчас о Халлане. Я оказался перед необходимостью играть роль эколога до тех пор, как Хендрин не решит, что достаточно изучил Планету Семь в Системе А. Это было непросто.

Из джунглей донесся еще один предсмертный вопль.

— Простите, капитан, — сказал я, заставив себя казаться смущенным. — Слишком уж внезапно произошло нападение... нервы у меня...

— Ладно, Маркхэм, — сказал Хендрин, голос его был грубым, но сочувствующим. — Я все понимаю. Но чтобы я больше не слышал об отлете, пока задание не будет выполнено!

— Слушаюсь, капитан! — сказал я и даже попытался храбро улыбнуться.

Но поскольку из окружающих нас джунглей все еще неслышались звуки борьбы и убийств, я невольно подумал о том, не был ли я в большей безопасности, оставшись на Веллиране.

ЧАС СПУСТЯ, после короткого совещания на борту корабля, мы начали формальные, полномасштабные исследования Планеты Семь.

К тому времени я уже достаточно изучил план предстоящих действий, чтобы и дальше успешно выдавать себя за эколога.

Цель Отряда Косморазведки состояла в том, чтобы оценить все миры во Вселенной, коих насчитываются неисчислимые миллиарды, и привезти на Землю в Центральное Управление полный отчет. Центральное Управление — этот гигантский компьютер, дававший возможность спокойно существовать в Галактике ста миллиардам людей, который должен переварить привезенные сведения и записать отчет на ленту.

Предполагается, что мы вернемся со сведениями об еще одном мире, как о потенциальной колонии Земли, со всесторонним отчетом о природных богатствах планеты, полезных ископаемых, изобилии растительности и животном мире, а также с описанием разумной жизни на планете, дабы таковая будет нами обнаружена. Все эти данные поступят в Центральное Управление Корпуса Косморазведки, и когда-нибудь кому-нибудь пригодятся.

Мне, как экологу, нужно было изучить отношения между животными и средой их обитания на Планете Семь, после чего подготовить отчет, указывающий, как эти отношения могут быть использованы в случае колонизации планеты, какие животные как размножаются, какие растения потребляют в пищу, и так далее. В некотором смысле, это было простое задание, вот только оно

требовало, чтобы я самолично вылезал наружу и исследовал эти джунгли.

А у меня как-то не было желания это делать. Картографу Мюррею было проще. Он проводил часы в небе, в крошечном вертолете, составляя карты планеты. Если не появятся какие-либо летающие чудовища, то он будет в полной безопасности.

А я? Я оказался перед необходимостью непосредственно разглядывать жизнь на Планете Семь.

Я был объединен в пару с биологом Лезенби. Это был тощий, узкоплечий человек далеко за сорок, кроткий и молчаливый. По одному его виду было понятно, он потратил всю жизнь, скитаясь от планеты к планете и собирая морские водоросли и одноклеточные создания. Но Бартлет был в паре с химиком Дорвином, поэтому мне достался только Лезенби.

Мы спустились вниз на корабельном лифте. На этот раз, прежде чем сделать хотя бы шаг по поляне, окружавшей корабль, я осмотрелся во всех направлениях. Больше я не желал рисковать.

Но вокруг все было спокойно.

— Идемте, — сказал я Лезенби. — В пределах видимости нет никаких проблем.

Мы были вооружены тяжелыми бластерами, а также обвешены записывающей аппаратурой, а Лезенби кроме того носил на поясе пару десятков бутылочек для образцов.

Джунгли были перегружены влагой. Погода стояла ясная, но роса дождем лилась с растительности, украшая все вокруг — листья, траву, камни, землю и нас, — бисером капелек воды. Я взглянул на часы. Мы собирались пройти за час как можно больше, а затем вернуться к кораблю.

Я держал ушки на макушке. Я уже знал, что джунгли полны странных и, вероятно, опасных созданий, и хотел быть готов к встрече с ними, так сказать, во всеоружии.

И этой встречи не пришлось долго ждать.

Мы прошли минут пять, когда я услышал впереди какой-то подозрительный шелест. Я взглянул на Лезенби. Тот стоял на коленях у крошечного водоемчика и что-то собирал из воды для последующего анализа.

— Лучше бы вам приготовиться, — сказал я ему. — К нам что-то движется.

— Где? Я ничего не слышу.

— Прислушайтесь.

Тут раздался треск рвущихся лиан и ломающейся молодой полоски, а затем, гремя, как перегруженный экспресс, из чаши выскочило животное. Я схватил Лезенби за руку и оттащил его в тень шишковатого дерева.

ЖИВОТНОЕ БЫЛО метров семь длиной, глянцевато-коричневое, четвероногое, с длинной тонкой шеей и таким же длинным тонким хвостом. Весило оно тонн десять, но передвигалось очень быстро. И еще, у него не было головы.

Шея заканчивалась какой-то зазубренной раной, кровь из которой хлестала, как из брандспойта, заливая ближайшие деревья. Животное было уже мертвое, но из-за природной тупости никак не могло этого понять.

— Нужно пойти за ним, — сказал Лезенби. — Оно наверняка скоро упадет. Я бы хотел исследовать его поближе.

— М-м... — я с сомнением покачал головой. — Этот парень, может, и мертв, но готов поспорить, что в момент появится тот, кто это сделал с ним. Давайте-ка подождем.

Я оказался прав.

Из леса выскользнула так плавно, словно была на колесиках, новая тварь. Высотой она была метра три с лишним и передвигалась на двух тонких ногах, начинавшихся чуть ли не от самой шеи. Она разинула пасть, полную зубов-бритв, из которой капала кровь, прокатилась мимо нас и напала на безголовое животное, которое как раз в тот момент закачалось и упало в подлесок.

Я увидел, как хищник вцепился в несчастное передними маленькими лапками и уже разинул пасть для первого укуса. Этого я выдержать не мог. Не понимая, что делаю, я выхватил бластер и выстрелил, поставив луч на полную мощность.

Раздалось громкое шипение, какое бывает, когда кусок мяса брасаешь на раскаленную сковороду, и хищник даже не сразу сообразил, что происходит. А когда сообразил, то тут же пришел в ярость, бросил мертвое или умирающее животное, развернулся ко мне и даже пробежал три-четыре шага, прежде чем упал. Я, наконец, отпустил курок, и луч погас. Только после этого я понял, что все это время вопил, словно меня резали.

Но не прошло и пять секунд, как отовсюду — из-за деревьев, из-под валунов, из водоемчика полезли стаи крошечных созданий и набросились на неподвижные, новехонькие трупы. Все кругом окунув запах смерти.

Я отвернулся и увидел, что Лезенби с чрезвычайным ужасомглядит на меня. Пришлось сделать немалое усилие, чтобы взять себя в руки.

— Никогда не видел ничего подобного, — почти беззвучно пробормотал биолог.

— Вы имеете в виду хищника? Ужасная тварь, верно.

— Нет, — сказал Лезенби, лицо у него было побледневшее и смущенное. — Я имею в виду *вас*. С какой садистской радостью вы

убили эту несчастную зверюгу! Как вы при этом орали от ненависти! Маркхэм, это было ужасно!

— Послушайте, это же был хищник. Я был обязан убить его.

— Зачем?

Я резко замолчал. Ответа у меня не было.

— Он уже убил свою добычу, — продолжал биолог. — На нас он вообще не обратил внимания. Вашим делом было записать весь процесс питания, а не палить из этого проклятого бластера. Зачем вы открыли стрельбу?

— Я потерял голову. Что-то подсказывало мне, что нужно стрелять, вот я и стал стрелять. Глупо получилось, — сказал я.

— Глупо? Совершенно преступно! Эколог, который бессмысленно убивает вместо того, чтобы изучать...

Как раз в этот момент дерево, у которого мы стояли, обняло Лезенби и оторвало его от земли.

— Лезенби! — заорал я.

Он был связан толстым зеленым усиком, раза три-четыре обернувшимся вокруг его талии. Лицо биолога стало пепельно-серым, он был уже на три метра над землей и поднимался все выше. И, холодея, я увидел, как вершина дерева корчится и открывается, словно ненасытная пасть.

Плотоядные деревья?

— Ради Бога, освободите меня! — прохрипел Лезенби.

Я снова выхватил бластер и попытался прицелиться, но биолог дергался и извивался, пытаясь вырваться из хватки усика.

— Не шевелитесь! — закричал я. — Я не хочу попасть в вас!

Я выпалил в усик над его головой и промазал, но попал в само дерево. Дерево судорожно содрогнулось. Я выстрелил снова и на этот поразил усик.

Дерево закричало.

Это был рев и вой от боли и гнева, разнесшийся, вероятно, по всему лесу. Усик обмяк и Лезенби полетел вниз, ударяясь по дороге о ветки. Я поймал его и смягчил падение. Конец перебитого усика все еще обертывал его, точно пояс, и лицо биолога была бледно-зеленым.

Я снял с него усик и откинул в сторону. Биолог, шатаясь, поднялся на ноги.

— Спасибо, — хрюплю сказал он.

Я взглянул на дерево, которое уже застыло в прежнем положении. Оно опять выглядело совершенно невинным. Нахмутившись, я уставился в землю у своих ног, словно ожидал, что она вот-вот раскроется и проглотит меня.

— Давайте вернемся к кораблю, — сказал я. — Исследования мы можем продолжить и позже.

ОКАЗАВШИСЬ В безопасности в корабле, я позволил себе слегка расслабиться.

Хендрин, который оставался на борту и заполнял судовой журнал, вышел к нам и спросил, почему мы так быстро вернулись. Я вкратце рассказал ему, почему.

— Плотоядные деревья? — повторил он. — Нужно послать Гровера взглянуть на них. — Гровер был ботаником отряда. — Маркхэм, вы засняли нападение?

— Я был немножко занят, спасая Лезенби от дерева, — ответил я. — В тот момент было не до съемок.

Хендрин нахмурился.

— Спасение Лезенби, разумеется, было важно. Но вы должны были произвести съемку. Надеюсь, вы не собираетесь отдыхать весь оставшийся день?

— Мы немного взбудоражены, сэр, — застенчиво признался Лезенби. — Нам нужно время успокоиться, прежде чем мы вернемся...

— Ладно, — сказал Хендрин. — Даю полчаса. Но ни минутой больше. Я не хочу ломать из-за вас расписание.

Оставив капитана, мы направились в кают-компанию, чтобы выпить стаканчик-другой, прежде чем вернуться наружу.

— Он что, серьезно? — спросил я.

— Это наша работа, — проворчал Лезенби. — Так действует КосмоРазведка. Выполняет задание — и в обратный путь.

Мы еще немного посидели, и я увидел, что лицо Лезенби вновь стало обычного цвета. Он вовсе не боялся того, что избавление его от гибели произошло лишь по чистой случайности. Для него это был профессиональный риск, нечто такое, что могло произойти в ходе повседневной работы.

Потом он вдруг повернулся ко мне.

— Я хотел спросить вас кое-о-чем, когда на меня напало дерево.

— Валяйте, спрашивайте, — буркнул я.

Он секунду помолчал, затем продолжал, глядя куда-то мимо меня:

— Кто вы, Маркхэм? Я имею в виду, кто вы *на самом деле*?

Я поперхнулся последним глотком.

— Что? — просипел я сквозь кашель.

— Не стройте из себя невинную овечку, — вечно слезащихся глазах Лезенби я внезапно увидел странную силу. — Я чертовски хорошо знаю, что вы не Пол Маркхэм из КосмоРазведки. Почему бы вам не сказать мне, кто вы такой?

— Лезенби, вы... Это дерево свело вас с ума? Разумеется, я — Маркхэм!

Боюсь, хорошего лжеца из меня не получилось, потому что биолог криво усмехнулся.

— Эколог из вас не больше, чем из меня цирковой борец, *Маркхэм*. Признайтесь же в этом. У настоящего Маркхэма за плечами пять лет в Косморазведке. А вы можете быть кем угодно, но только не экологом с пятилетним полевым стажем. То, как вы убили того хищника...

Я холодно посмотрел на него. Он явно раскусил мою маскировку.

— Допустим, я не Маркхэм. И что с того?

— Ничего. Вы спасли мне жизнь, и, кем бы вы ни были, я не собираюсь вас выдавать. Но как-то необычно появление в Отряде Разведки самозванца. Я человек любопытный, и просто хочу знать, зачем вы здесь.

Я сделал глубокий вдох.

— Меня зовут Ри Карпентер. Я уроженец Земли, но последние восемь лет жил на Веллиране. Кто-то подставил меня под убийство, которого я не совершал, а ваш корабль оказался единственной для меня возможностью спешно покинуть планету. Только и всего.

— А что произошло с Маркхэмом? Я имею в виду, *настоящим* Маркхэмом?

Я пожал плечами.

— Мой друг сказал, что он устроит ему опоздание в космопорт. Не думаю, что с ним что-нибудь случится.

— И вы считаете, что я должен этому поверить? — усмехнулся Лезенби.

— Хотите — верьте, хотите — нет, — вздохнул я. — Но все это правда. Меня обвинили в убийстве туземца-веллиранина. Я никого не убивал, но доказать это не мог. Для веллиран этого было достаточно. И вот теперь я на этой дьявольской планете.

Биолог странно посмотрел на меня.

— Вас обвинили в убийстве уроженца Веллирана?

— Да, черт побери! Не знаю, как это было подстроено, но я оказался посреди улицы с окровавленным ножом в руке, а у моих ног лежал мертвый веллиранин. Но я не убивал его.

— Я уверен, что не убивали, — внезапно улыбнулся мне Лезенби. — Это напомнило мне одну очень странную историю. Я расскажу ее, когда у нас будет свободное время.

БОЛЬШЕ ОН ничего не стал говорить, хотя я сделал слабую попытку расспросов. Но тут прошли данные капитаном полчаса, и мы вернулись наружу для дальнейшей работы.

Лезенби стал очень услужлив. Когда мы осторожно, шаг за шагом, пробирались сквозь мокрые джунгли, он отпускал время от времени комментарии, которые должны мне помочь в дальнейшем

в составлении отчета, указывал на то, что я, как опытный эколог, обязан был заметить. Мы больше не встречали ни плотоядные деревья, ни других опасных хищников, но с каждой минутой, проведенной в джунглях, мне все меньше нравилась Планета Семь.

Было в ней что-то нездоровое, что-то *гнилое*. Причем во всем, в каждом проявлении здешней жизни.

— Смотрите, — сказал Лезенби, указывая на водоемчик метра в полтора шириной. В нем плавали какие-то крошечные создания.

— Ну и что? Лужа, а в ней какие-то головастики.

— Присмотритесь внимательнее к этим головастикам, — сказал Лезенби.

Я опустился на колени, а он остался стоять на страже, и присмотрелся к этой луже. В ней так и сновали головастики с блестящими мелкими зубками. Двигались они быстро, эти «головастики». И были ужасно заняты.

На дне грязной воды медленно извивалась нечто похожее на змею, сантиметров шестьдесят в длину, а головастики энергично откусывали от нее кусочки тела. Очевидно, змея хотела срезать путь и проползти через лужу, а, может, просто решила принять ванну. Но тут на нее всей толпой напали головастики.

— И так повсюду на этой планете, — сказал я. — Все животные здесь — убийцы. Растения — тоже убийцы.

— Жизнь здесь недолгая и жестокая, — кивнул Лезенби. — Нужно быть быстрым, чтобы выжить, и иметь крепкие зубы.

— Какой порочный мир, — сказал я.

— Да нет. Природа не порочна и не уродлива, к ней неприменимы любые моральные ярлыки, которые вы, вероятно, уже готовы на нее нацепить. Жизнь есть жизнь, видите ли. И на Планете Семь она не отличается от любой другой.

— Жизнь есть жизнь, — кивнул я. — Но здесь она куда более жестока.

— Вот это верно.

Я опустил взгляд на голодных головастиков в луже и содрогнулся.

— Я паршивая пародия на ученого, — признался я. — Я не могу быть холодным и бесстрастным в подобном месте, где даже деревья пытаются вас съесть. Я хотел бы поскорее убраться с этой адской планеты. Есть в ней что-то отвратительное.

Но Лезенби лишь улыбнулся.

— У вас нет истинного научного склада ума. Вы не умеете отстраняться.

— Ну, мне не придется долго притворяться ученым, — сказал я.

— Только лишь пока Хендрин не решит, что готов вернуться к цивилизации. Если я все еще буду жив к тому времени, — добавил я,

глядя, как колеблются листы гигантского папоротника поблизости.

— И если эта планета не доконает всех нас.

ВЫШЛО ТАК, что не все из отряда разделяли спокойное, истинно научное отношение Лезенби. Это стало ясно уже вечером, когда мы собрались на борту корабля, чтобы обменяться результатами дневной работы.

— Это самый противный мир, какой я когда-либо видел, — сказал картограф Мюррей.

— А вы его видели с высоты трехсот метров, — усмехнулся я. — Но если хотите узнать, насколько он противнее, попробуйте прогуляться по его поверхности.

— Уже, — ответил Мюррей. — Я опустил вертолет на землю, чтобы позволить Чангу изучить какое-то геологическое обнажение. Но мы не пробыли на земле и десяти минут, как на нас напали. Какое-то красно-синее животное величиной с небольшой холм двинулось к нам с намерением познакомиться поближе. Но до нас оно не успело дойти. На него, точно пикирующие бомбардировщики, налетели три летающие твари с острыми, коническими зубами. Они за считанные секунды вскрыли ему длинную шею и начали пиршество.

— Я так и не успел осмотреть это обнажение, — сказал геолог Чанг, который летал вместе с Мюрреем. — Мы решили не ждать продолжения спектакля.

— Везде то же самое, — буркнул ботаник Гровер. — Я пошел исследовать плотоядное дерево, которое хотело проглотить Лезенби.

— И оно напало на вас? — поинтересовался Лезенби.

— Почти что, черт побери! Не успел я к нему подойти, как оно ухватило усиком какое-то неповоротливое создание, похожее на оленя. Я записал все это на пленку. Отвратительное было зрелище.

Медик Фернандес, смуглый, грузный гигант, поднял взгляд, прервав задумчивое молчание в углу.

— Это мир не для отряда из десятка человек, — сказал он. — Нам нужно лететь дальше, а Земля пусть отправляет сюда тяжело вооруженную экспедицию. Если им вообще интересна эта планета. Мы всякий раз рискуем жизнью, покидая корабль.

— Да, — кивнул мускулистый антрополог Бартлетт. — Мы уже поняли, что эта планета не годится для колонизации, по меньшей мере, ближайшие сто миллионов лет. Так почему мы все еще здесь?

— Почему бы вам не спросить об этом капитана Хендринга, — не громко сказал Лезенби, который, как я уже знал, был весьма лоялен к капитану. — Кажется, он очень хочет подробно изучить этот мир. И я тоже. Это же замечательная, первобытная тропическая планета!

Глаза Бартлетта сверкнули.

— Замечательная? Это замечательно, кода каждая тварь в джунглях так и ждет удобного случая, чтобы закусить вами? А я бы хотел поскорее убраться отсюда — на более безопасную планету.

— Что вы сказали, Бартлетт? — раздался от двери холодный голос.

Мы все повернулись. В дверях стоял капитан Хендрин, держась рукой за край переборки.

— Вы бы не отказались повторить это в моем присутствии, Бартлетт?

Антрополог побледнел, голос его охрип, но он прямо взглянул на Хендрэна.

— Я высказал свое мнение, сэр, что мы, вероятно, достигли всего, что могли сделать на этой планете, и должны лететь дальше, так как здешний мир явно небезопасный.

— Да, я понял, — ровным, безжизненным голосом сказал Хендрин.

— Вы слышали то, что я сказал Маркхэму, когда мы уже обсуждали эту идею?

— Слышал. Но я считаю, что это самоубийство — оставаться здесь, капитан.

— Кто еще считает так? — спросил Хендрин, проводя взглядом по каюте. — Чанг? Гровер? Лезенби?

— Мне здесь не нравится, — очень тихо сказал Фернандес.

Остальные просто промолчали.

— Кажется, вы остались в меньшинстве, Бартлетт, — сказал Хендрин. — Поэтому мы будем продолжать работать здесь, как и подобает отряду Косморазведки. На этой планете работы хватит, по меньшей мере, на месяц.

Бартлетт подавил свой гнев, что потребовало от него видимого усилия.

— И чтобы я больше не слышал разговоров об отлете, — сказал Хендрин. — Это понятно?

ПОНЯТНО-ТО ЭТО было. Но я видел, что это не было поддержано или хотя бы достойно принято. Когда Хендрин ушел, Бартлетт и Фернандес принялись разговаривать шепотом в углу комнаты, а через некоторое время подозвали к себе Гровера. Я не знал, что происходит, но мог предположить, что они планируют что-то, что заставит Хендрэна изменить решение.

Честно говоря, я был слегка разочарован. Из всей команды только Хендрин и Лезенби казались мне настоящими Косморазведчиками, о каких я читал в книжках. Остальные выглядели простыми людьми, такими же, как и я сам, только с научным складом ума, но не стремящимися стать мучениками во имя Ее Величества Науки. Они уже поняли суть этого сучьего мира и, как и я, хотели поскорее убраться отсюда.

Джунгли выли и орали на нас от заката до восхода солнца. Изрядную часть ночи я потратил, рассматривая окружающий мир на обзорном экране. У Планеты Семь было две луны, маленькие, неровные куски скал, которые лили вниз бледно-серебристый свет, придававший окружающему мертвенный оттенок. И в этом свете я видел, как странные, похожие на волков животные окружили корабль и изливали на него свой гнев, а позади них крались какие-то твари с явно кошачьими повадками, потом они затеяли свару и дрались до самого восхода, как, очевидно, и было принято на Планете Семь.

Следующие два дня мы провели за сбором и изучением образцов. Я много узнал о Планете Семь, и чем больше узнавал, тем тревожнее мне становилось, и, кажется, мои товарищи по команде чувствовали то же самое.

Мы с Лезенби прогуливались по джунглям, которые у меня по-прежнему вызывали стойкое отвращение и даже биолог, казалось, начал уже менять свое мнение.

Небольшой инцидент произошел, когда мы наткнулись на какое-то толстенное, черно-серое млекопитающее, отчасти напоминающее бородавочника, отчасти вообще ни на что не похожее. Мадам лежала в болоте на боку — я говорю «мадам», потому что создание явно было женского пола. В длину она была метра под два с половиной и явно недавно родила, поскольку у ее сосков толпились и толкалось явно ее потомство.

И, пока семеро начали сосать словно семь электронасосов, мамаша спокойно подняла свою тяжелую голову и схавала двух слабаков, по одному за раз.

Я уставился на Лезенби. Биологу тоже не подставило радости это зрелище.

— Вот ваш естественный отбор, — ехидно сказал я. — Мать-природа в действии.

Секунду он смотрел на меня, затем перевел взгляд на мамашу, облизывающую свою окровавленную морду.

— Никогда не встречал подобного мира, — коротко бросил он и принял что-то строчить в своем блокноте.

Но такова была вся Планета Семь. Мы шлепали по теплому, слипистому илу, и отчет, который я должен написать в ближайшем будущем, казался мне все менее и менее лучезарным. Планета была экологическим кошмаром, бесконечной серией биологических зависимостей. Даже при помощи Лезенби я не сумел бы разобраться в них настолько, чтобы надуть капитана Хендрина.

Но, во всяком случае, пока что нам удавалось избегать плотоядных деревьев и различных зубастых хищников, чтобы провести достаточно полный обзор своего сектора. Работу продолжали и дру-

гие пары. Мюррей продолжал составлять свои карты, а Чанг, летая с ним, изучал геологию планеты. Поскольку разумной жизни здесь не наблюдалось, антропологу Бартлетту не с кем было работать по специальности, и он подался в ассистенты к химику Дорвину. Данные накапливались, отчеты составлялись.

Затем Эванс, который был у нас и радиостом, и химиком, привез из очередной вылазки то, что осталось от ботаника Гровера.

Я не стал разглядывать Гровера. Мельком только глянул, с меня и этого оказалось достаточно. Фернандес, наш медик и не настолько впечатлительный человек, схватил кусок пластика и поспешно завернул в него тело.

Появился капитан Хендрин, еще более мрачный, чем обычно.

— Что случилось с Гровером?

— Упал, капитан, — пояснил Эванс и нервно облизнул губы. — Он увидел какое-то новое растение и сошел с тропинки. Затем завопил и исчез из вида. Там была какая-то ловушка... земля казалась твердой, хотя и не являлась таковой. Это... не знаю, что это было. Может, растение, может, животное или что еще. Он крикнул всего пару раз. Я увидел что-то желтое, пенящееся и помахивающее тонкими щупальцами. Я схватил одно щупальце и дернул. И вот... — Он протянул руки, они были красные, покрыты пузырями и кровоточили.

— Что-то брызнуло мне на руки. Что-то похожее на кислоту, сэр... На кислоту.

Хендрин мгновение молчал, затем произнес:

— Бартлетт, выройте могилу позади корабля. И поглубже, кто знает, может, на этой планете есть и вампиры.

Все побрали по своим делам. Мы были ошеломлены смертью Гровера — не тем, что он умер, а тем, как он умер. Это было непонятно. Он что, попал в омут с хищными одноклеточными? И его съели живьем? Полная неизвестность.

Он был первой человеческой жертвой Планеты Семь. Кишащая тут повсюду смерть коснулась крылом и нас.

Гибель Гровера наложила отпечаток на оставшуюся часть дня. Никто после заката не стал выходить из корабля. Поднялись луны, и печальный их свет озарил свежую могилу. Мы сидели над отчетами, чтобы делать хоть что-нибудь, но думали совсем о другом.

ТОЙ НОЧЬЮ, пока я сидел у себя и корпел над примечаниями к отчету, ко мне вдруг зашел Фернандес и осторожно тронул меня за плечо. Я резко обернулся.

— Маркхэм.

— Что случилось?

— Вы можете через минуту зайти ко мне в каюту? Мне нужно с вами поговорить.

Я не стал возражать и последовал за неповоротливым медиком по узкому трапу в его личную каюту. Когда мы оказались внутри, Фернандес закрыл дверь на замок.

— Что это значит, Фернандес? — спросил я.

Он обнял меня за плечи своей ручищей.

— Терпение, друг. Все в свое время. — Пройдя по каюте, он достал бутылку с поблескивающей жидкостью и, усмехнувшись, протянул ее мне. — Сначала выпейте.

Это оказался виски, веллиранский виски, один из самых прекрасных напитков во Вселенной. Я взял бутылку.

— Откуда вы это взяли? — спросил я, снимая пробку и делая глоток. — Разве такое дозволено на борту?

— В медицинских целях, — ответил Фернандес. — У моей профессии есть некоторые преимущества. Да вы пейте, не стесняйтесь.

Дважды меня просить не пришлось. Я сделал пару больших глотков, затем сказал:

— Вы ведь пригласили меня сюда не отведать ваши запасы. Что у вас на уме, Док?

— Хендрин.

— Что?

— Сегодняшней гибели Гровера можно было бы избежать, если бы вчера мы покинули эту планету. Не знаю, что вы думаете обо всем этом, Маркхэм. Вы еще плохо знакомы с отрядом. Но все остальные прослужили вместе долгое время и теперь тяжело переживают гибель Гровера. Хотите, чтобы я замолчал, или продолжим?

— Продолжайте, — сказал я.

— Ну, так вот, вы можете знать, а можете и не знать об одном пункте в договоре с Косморазведкой, пункте, относящемся к замене вышестоящего должностного лица в том случае, когда он больше не способен управлять кораблем.

— Я знаком с этим пунктом. — Теперь я понимал, к чему клонит Фернандес. — Пока что я с вами. Продолжайте.

— Некоторые из нас — Бартлетт, Мюррей и я, — пришли к выводу, что оставаться на этой планете не пойдет на благо всему отряду. Мы не годимся для этого мира, и чистое самоубийство просто бродить пешком по здешним джунглям. Здесь должна быть команда на трех кораблях, с наземными поисковыми роботами и тяжелой артиллерией. Вы были первым, кто повергся нападению здешней фауны, так что знаете, как тут бывает. Я, со своей позиции медика, могу дать заключение, что Хендрин временно помешался. Это случается где угодно в Галактике. Мы уволим его из отряда, заприм там, где он не сможет нам помешать, и улетим с Планеты Семь. Но я не могу сделать этого без поддержки большинства. Вот почему я должен знать, на чьей вы стороне, Маркхэм.

Я нахмурился.

— Другими словами, вы предлагаете мятеж?

— Нет. Юридически лишение полномочий временно обезумевшего капитана не является мятежом. Но мы все здесь поляжем, если останемся хотя бы на месяц. Ну, как, Маркхэм? Вы с нами?

— А вы как думаете? — усмехнулся я. — Мне хочется остаться в живых так же, как и любому другому.

Я СДЕЛАЛ еще несколько глотков и покинул каюту Фернандеса. Насколько я знал, мятеж состоится дня через два, не раньше. Вероятно, Фернандес будет ждать, пока не наберет большинство голосов. Насколько мне было известно, четверо из восьми членом отряда уже выступали против Хендрина: сам Фернандес, Мюррей, Бартлетт и я. Казалось, один только Лезенби предпочел бы остаться на Планете Семь до завершения работ. Троє других, — Чанг, Эванс и Дорвин, — пока что не обозначили своей позиции, по крайней мере, мне было это неизвестно, но я предполагал, на чей они окажутся стороне. Никто из них в глубине души не был фанатиком, который станет голосовать за то, чтобы остаться в таком убийственном мире.

Весь следующий день ничего не происходило. Я мало видел капитана Хендрина, а то, что видел, мне вовсе не нравилось. Капитан был мрачен и строг, словно понимал, что назревает, и был полон решимости подавить мятеж в зародыше.

По разным причинам все работы в поле были перенесены на следующий день. Чанг захотел более тщательно изучить геологию и стал просить, чтобы его объединили с кем-то, кто ходил пешком. В напарники ему выбрали меня. Лезенби поставили с Бартлеттом, а Мюррей сел на вертолет с Дорвина. С гибеллю Гровера было нарушено равновесие отряда. До этого у нас было четыре команды по два человека, и двое оставались охранять корабль, но теперь стало три по два человека, и трое оставались в корабле.

Мы с Чангом направились параллельными путями прочесывать местность, а Лезенби с Бартлеттом находились где-то неподалеку от нас. Но джунгли были такие густые, что нельзя было никого увидеть уже через десять шагов.

Мы бродили уже полчаса, когда я услышал, как слева отозвался эхом человеческий вопль.

Чанг в это время как раз наклонился, чтобы изучить кварцевое обнажение.

— Вы слышали? — спросил я его.

— Простите, нет. Какое-то животное?

— К чертам животных! Это походило на голос Лезенби, и держу пари, что он попал в беду!

И словно в ответ на мои слова, с соседней поляны раздался еще один крик.

— Идемте, — сказал я. — давайте поглядим, что там такое.

Мы пошли вслепую напрямик, сквозь раздражающую сеть толстых лоз, в направлении криков.

— Лезенби! Бартлетт! — закричал я. — У вас проблемы?

— Да нет никаких проблем, — неожиданно близко раздался голос Бартлетта.

Я было заколебался, но тут увидел Бартлетта, полускрытое листвами папоротника, и решил все же посмотреть, что там такое. Я двинулся напрямик через гигантские папоротники, сопровождаемый Чангом.

Бартлетт стоял, глядя вниз, на землю. На Лезенби.

Маленький биолог нелепо лежал на животе и был неподвижен, как труп. Я почувствовал, что весь холдею. Неужели именно Лезенби, который проявлял такой интерес к здешним джунглям, должен был здесь и погибнуть?..

— Что случилось? — спросил я.

Бартлетт был очень бледен.

— Не знаю, — сказал он. — Что-то прыгнуло на него с дерева, и он упал. Я даже не увидел, что это было.

Наступило молчание. Затем я внезапно побледнел еще сильнее, поскольку «труп» внезапно стал корчиться, перевернулся на спину и глянул на нас. И я увидел на груди у него рану, как от ножа.

— Это он... — прохрипел Лезенби. — Не было никакого животного. Меня зарезал Бартлетт... точно так же, как в том случае на Веллиране... о котором я вам упоминал... потому что я могу рассказать вам...

Он замолчал и скорчился от боли. Лицо его исказилось. Я перевел взгляд на Бартлетта и увидел окровавленный нож, зажатый в мощной руке антрополога.

— Наверное, вы были по соседству, — с горечью пробормотал Бартлетт. — Вы добрались сюда прежде, чем он умер? Вы все слышали?

Я видел, как Чанг испуганно попятился.

— Что это значит, Бартлетт? — прохрипел я, сам не узнавая собственного голоса.

— Я убил его. Конечно, я убил его. Так же, как убил синекожего на Веллиране.

— Но почему?

— Не знаю. Я просто не знаю. Туземец не захотел отвечать на мои вопросы и угрожал сообщить о моем неэтичном поведении. Лезенби... Он пришел чуть позже. Я просто использовал вас. Я сдвинул ваше восприятие времени и сунул вам в руку нож.

Я замер с открытым ртом, слыша, как шераборятся в траве миллионы насекомых.

— Вы...

— Да, я. Это не должны были быть именно вы. Это мог быть любой, просто вы оказались там. А затем я увидел, как вы присоединились к отряду под именем Маркхэма. Ну, почему это должны были быть именно вы?

Итак, веллиранина убил Бартлетт и сунул нож в руку незнакомцу — мне. А я оказался вместе с ним на Планете Семь. Это и оказалось той «странной историей», которую Лезенби обещал мне рассказать как-нибудь потом... но теперь уже никогда не расскажет.

Я уставился на Бартлетта, стоящего по другую сторону от тела Лезенби. А затем Бартлетт бросился на меня.

Он взмахнул ножом, но я оказался быстрее. Я ударил его по запястью, отклонив нож в сторону, и схватил за руку, прежде, чем он успел нанести другой удар. Резко выкрутил руку, и нож полетел наземь.

— Чанг, помогите! Он не в своем уме! — закричал я.

Обезоруженный Бартлетт ударом отбросил меня к дереву. Краем глаза я увидел какое-то создание, выползающее из джунглей, чтобы сократить тело Лезенби. Блокировав удары Бартлетта, я нанес ему перекрестный в подбородок и добавил сильный прямой в живот.

Он отступил, ошеломленный. Я продолжал бить. Мне хотелось поскорее связать его, увезти на корабль и вернуться на Веллиран, чтобы очистить свое опороченное имя и восстановить справедливость. Но судьба распорядилась по-иному.

Бартлетт зашатался, теряя равновесие. Я нанес еще один удар, он невольно сделал три шага назад и...

И земля раскрыла жадную пасть.

С испуганным вскриком Бартлетт стал проваливаться в нее, и я увидел нечто желтое и слизистое, а потом Бартлетта опутали штук пятьдесят прозрачных, как солнечные лучи, щупальца и потащили вглубь. Брызнула какая-то желтая жидкость, затем земляной провал стал закрываться.

Я застыл, глядя на все это и чувствуя тошноту. Все объяснялось проще простого: жидкость на поверхности засохла, образуя липкую, хрупкую корку, и она треснула, когда нога Бартлетта ступила на нее. А там... там его уже поджидали с голодным нетерпением.

Я передернул плечами и отвернулся. Отогнав маленького полосатого падальщика от тела Лезенби, я взвалил труп себе на плечо и печально побрел к кораблю, чтобы оповестить остальных, что Планета Семь потребовала еще две человеческие жертвы.

УЖЕ ПОДХОДЯ к кораблю, я услышал странный звук: тонкое шипение луча бластера. Я пошел быстрее, несмотря на тяжелый груз.

Затем, выйдя на поляну, я увидел корабль. Шагах в двадцати от лифта, ведущего к люку шлюза, лежал мертвый Чанг, и в груди у него дымилась прожженная бластером дыра. А немного поближе к кораблю был Дорвин с сожженным до черна лицом. Из корабля же доносились крики и какая-то возня.

Несмотря на все, я понял, уже рванувшись к кораблю, что счет идет на секунды. Пятеро из отряда были мертвы, шестой — я — находился вне корабля. Значит, внутри оставались Хендрин, Фернандес, Эванс и Мюррей. *Будь же проклят этот мир*, подумал я на бегу.

У корабля я остановился и взглянул наверх. Как раз в этот миг открылся люк и из него кто-то полетел вниз. Мюррей. А через секунду из люка высунулась голова Фернандеса.

— Маркхэм! Где Бартлетт?

— Мертв. Что происходит?

— Мы подняли мятеж против Хендрина, но он пробился в носовые отсеки и засел там с бластером. Мы с Эвансом пытаемся его выкурить. У вас есть оружие?

— Да, — сказал я.

— Идите внутрь. Но будьте осторожны.

Я услышал шипение бластера, появился Эванс, пошатнулся и полетел из люка мне под ноги. *Седьмой труп на Планете Семь*, мелькнуло у меня в голове. *Как по заказу*.

Когда я поднялся на лифте и вошел внутрь, Фернандеса уже не было видно. Я осторожно направился к передним помещениям и тут же услышал звуки, походившие на простую драку. Рисковать я не собирался, поэтому не стал спешить. Прижимаясь к холодной, металлической стене, я шаг за шагом продвигался вперед.

Затем я увидел их в каюте — Хендрина и Фернандеса, — размахивающих кулаками, точно безумные. Бластер Хендрина валялся на полу, очевидно, разряженный. Фернандес на секунду повернулся ко мне голову и закричал:

— Маркхэм! Он безоружен! Помогите мне!

Форма капитана Хендрина свисала лохмотьями. Я подкрался к нему сзади, обвил руку вокруг шеи и резко дернул на себя. Затем сунул бластер в кобуру и скрутил его освободившейся рукой.

— Успокойтесь, капитан, — сказал я ему. — У меня под рукой бластер.

Но Хендрин продолжал попытки вырваться. Внезапно, прежде чем я сообразил, что происходит, Фернандес вырвал бластер у меня из кобуры и одним выстрелом убил Хендрина. Я отбросил тело капитана, рванулся вперед и схватил Фернандеса за запястье.

Но это было уже излишне. Фернандес сам бросил бластер и стоял, гигант, сжавшийся, точно мальчишка, над телом Хендрина.

Я поднял бластер с пола.

— Зачем вы убили его? Он бы уже никуда не делся. Зачем вы убили его, Фернандес?

Фернандес глянул мне в лицо, и я увидел в его глазах плескавшийся ужас.

— Не знаю, — очень тихо сказал он. — Я... я не знаю. Теперь все кончено.

Он судорожно дрожал. Потом тяжело опустился в кресло и стиснул руками лицо.

— Теперь все мертвы, — сказал я. — Все, кроме меня и вас. Весь отряд.

Фернандес рыдал. Неловко было смотреть, как рыдает такой гигант. Затем он заговорил.

— Я ведь медик. Я должен лечить людей. Это мое призвание. А вместо этого я... я убил его. Я не должен был этого делать. Не было смысла. Но я просто взял и убил его...

— Вы не могли ничего поделать, — сказал я. — Убийство просто витает здесь в воздухе. Этот мир сводит людей с ума.

МЫ ТРУДИЛИСЬ четыре часа подряд, и рядом с могилой Гровера возникли еще семь насыпей. А пока мы работали, джунгли вокругзывающие шумели.

Когда все было кончено, Фернандес глянул на меня с иронической усмешкой на грубом лице.

— Ну, вот и все. Теперь мы знаем все, что нужно, о Планете Семь из Звездной Системы А. Теперь можно и возвращаться. Корабль поведу я. Но...

— Что но?

— Мы кое-что забыли. По инструкции последнее, что должен сделать отряд Разведки, заканчивая исследование очередной планеты, это дать ей имя. А мы этого не сделали.

Я взглянул на джунгли — ядовитый, дымящийся, пропитанный смертью гигантский парник, — а потом перевел взгляд на восемь могил.

— Это несложно, — сказал я. — Мы назовем ее *Планета Смерти*.

Death's planet, (Super-Science Fiction, 1957 № 10), пер. Андрей Бурцев

ВРЕМЯ ДЛЯ МЕСТИ

(под псевд. Келвин М. Нокс)

ФЕНТОН НЕ собирался долго торчать на Вордиле IX. Он считал, что достаточно быстро найдет инопланетянина, который убил его брата. Вордиллиане, как и все прочие инопланетяне, были немного похожи на землян, только кожа у них была цвета лимона, а шею окружали темные, почти черные, меховые воротники, но у Фентона было достаточно подробное описание искомого объекта, чтобы отличить его от остальных.

Земной лайнер ринулся с небес, точно ястреб, камнем падающий на добычу, приземлился и высадил Фентона на космодроме в полукилометре от главного поселения. И тут же к нему примчались три ярко-желтых вордиллианина и с ужасным акцентом поинтересовались, не нужно ли ему доставить в город багаж.

Фентон почти машинально осмотрел их, ища бледно-серую полосу на лбу и чуть покрасневший воротник – приметы того, кто убил Джейми. Но это были обычные вордиллиане. Он выбрал менее страшного и отдал ему сумки, двое других растаяли в толпе пассажиров.

Носильщик остановил такси, которое везло их в город.

– Надолго прилетели? – спросил он Фентона.

– Насколько нужно, – огрызнулся Фентон, с замешательством рассматривая инопланетный пейзаж: черно-синий ковер травы и деревья с тонкими иглами по обе стороны дороги. – Я в отпуске. Решил несколько месяцев полетать по Галактике.

– Вам понравится Вордил IX, сэр.

Джейми проводил здесь отпуск, подумал Фентон, а один из этих маленьких клоунов взял и убил его.

Пока они ехали по городу, Фентон пытался припомнить, когда он последний раз видел своего младшего брата. Джейми был высоким, сантиметров на восемь выше ста восьмидесятисантиметрового Фентона, и было в нем какое-то веселое тепло, никогда не заимченное в старшем брате.

И вот теперь Джейми мертв. Но друг Джейми отправил сообщение Фентону, который жил тогда на Аквиллоне VII, и вот Фентон прилетел сюда расквитаться за Джейми.

Такси с грохотом катило по жаркому городу, состоящему из низких квадратных зданий, тянувшихся бесконечными рядами.

— В каком отеле у вас забронирован номер, сэр? — спросил носильщик.

Фентон сказал название отеля, парень повторил его водителю на вордилианском, щелкающем языке. Такси резко свернуло налево. Они тряслись по дороге, изрытой колеями, пока не остановились перед зданием, несколько более внушительном, чем окружающие. Его серые стены, казалось, были сделаны из плит ила. Над городом висела безвкусная вывеска:

ГРАНД-ОТЕЛЬ ВОРДИЛ

Земляне — добро пожаловать!

Носильщик открыл дверцу машины, поднявшуюся вверх, точно крышка паучьей ловушки, и вытащил багаж Фентона на улицу. Фентон вручил водителю восьмиугольную вордилианскую монету, получил три крохотных кусочка металла сдачи и пошел за носильщиком в отель.

Внутри стоял полный, потный землянин в одежде из легкой ткани. При виде Фентона он заулыбался.

— Вы Фентон?

— Верно. Макгилл?

Толстяк кивнул.

— Рад, что вы, наконец, добрались сюда. Я уж думал, прилетите ли вы вообще.

— Он был моим братом, — спокойно ответил Фентон.

Появился какой-то вордилианин, суетясь и звеня ключами.

— Я владелец гостиницы, — сказал он. — Вы мистер Фентон? Пойдемте, я покажу вашу комнату.

Фентон взглянул на Макгилла.

— Почему бы вам не пойти со мной? Нам нужно поговорить.

КОМНАТА БЫЛА небольшой, квадратной, фильтры непускали внутрь уличную пыль, но настоящего кондиционера здесь не водилось. *Адская планета*, подумал Фентон, *совершенно не подходит человеку для смерти*.

Макгилл сел на край кровати, обильно потея.

— Вы были последним, кто видел моего брата живым, не так ли? — спросил Фентон.

— Так. Джейми остановился в этом отеле, и мы сдружились. — Пот струйками тек по дряблым щекам Макгилла. — Я видел его перед тем, как он был убит. Какой-то инопланетянин подошел к нему в баре отеля. Они вместе ушли. Вернулся один инопланетянин.

— Что с телом?

— Местные похоронили его в лесу. Земной консул навел справки и узнал об этом. Хотите выпить, Фентон? Эта жара совершенно иссушает меня.

Фентон позво-
нил вниз и заказал
графин вордили-
анского вина и два
стакана. Когда за-
каз принесли, налил
немного Макгиллу,
себе и спросил:

— А вы точно зна-
ете, кто именно убил
Джейми?

— Разумеется. Се-
рая полоса на лбу, черный воротник имеет с одной стороны красно-
ватый оттенок. В этом нет никаких сомнений. Он сам признал это.

— Что? Да здесь что, нет никаких законов?

— Законы здесь есть, — спокойно сказал Макгилл. — И ваш брат
стал их жертвой.

Фентон залпом выпил свой стакан.

— Что, черт побери, это значит? — спросил он, наконец, толстяка.
Макгилл тоже допил стакан прежде, чем ответить.

— Ваш брат что-то совершил такое, за что его приговорили к
смерти. Он был... э-э... казнен. Местные законы не признают это
убийством.

— А жизнь землянина звезд...

— Ничего не стоит, — прервал его Макгилл. — Не верьте тому, что
написано в путеводителях. Земное гражданство не стоит здесь ни-
чего, как только у вас кончаются доллары.

— И Джейми?..

Джейми много пил в последнее время. — При воспоминаниях о
прошлом, лицо Макгилла осветила улыбка. — Он был щедрым пар-
нем, этот Джейми. Но у него было мало денег в запасе.

Внезапно Фентон почувствовал резкое отвращение к этому
Макгиллу. Толстяк был просто космическим оборванцем, бродя-
гой, которого под конец прибило на эту жаркую, пыльную пла-
нету, а Джейми оказывал ему посильную поддержку. Фентон резко
поднялся.

— Извините, но мне нужно распаковать вещи.

— Конечно, — сказал Макгилл. — Вы можете найти меня в любое
время в баре.

— Ладно, — кивнул Фентон. — А если этот инопланетянин, кото-
рого выдает красноватый воротник, появится, то сразу дайте мне
знать.

A TIME FOR REVENGE

by CALVIN M. KNOX

Illustrated by EMSH

The Vordillans were alien beings, human but alien.
They thought in different categories, and a Texan
had to respect this vital difference in their life

РАСПАКОВКА ВЕЩЕЙ не заняла у Фентона много времени. Под конец он достал игольник, вынул из кобуры и проверил обойму. Она была полна. Шестнадцать смертоносных игл ждали своего часа. Фентон убрал пистолет в кобуру, надел ее под мышку и спустился на три пролета гостиничной лестницы в вестибюль.

Найти бар было не сложно. Путеводной нитью к нему послужила вонь несвежего ликера. Макгилл сидел в баре спиной к двери, сгорбившись над стаканом. На рубашке его четко выделялось темное пятно пота.

По обе стороны от него сидели инопланетяне. Фентон бесшумно подошел к ним и легонько тронул толстяка.

– Макгилл?

– А, это вы, Фентон…

– Да, это я.

Макгилл что-то прощелкал на резком языке вордилиан, и инопланетянин, сидевший слева, пододвинулся, освобождая место. Фентон сел рядом с Макгиллом.

Макгилл пил что-то красное и густое из глиняной чаши, напоминающей соусник. Он немного отлил напитка в стакан и предложил Фентону.

– Попробуйте. Местный напиток: славная такая дрянь. Они называют его гхар.

Фентон попробовал. Пойло оказалось горьким, точно пинок замедленного действия. Фентон предположил, что если кто-то будет пить его постоянно, то через месяц лишится остатков мозгов.

– Вы знаете, зачем я прилетел на Вордил? – спросил он.

– Нет, но могу предполагать, – вежливо ответил Макгилл.

– Я здесь для того, чтобы отомстить за брата, – сказал Фентон.

– Хочу найти туземца, который убил его, и убить. Кровная месть. Вендетта.

Макгилл пристально поглядел на него.

– Вам лучше выпить еще, Фентон. В вас не хватает теплоты. Возьмите себе порцию. Это недорого.

– Нет, – резко прошептал Фентон. – Я серьезно. Законы Вордила допускают убийства… но не я. Я задолжал Джейми, по крайней мере, одно убийство. И если мне придется прошерстить всю планету в поисках его убийцы, то я сделаю это. Мой брат похоронен где-то в лесу на этом пыльном шарике, болтающемся на окраине Галактики… Черт побери, Макгилл, это *не хорошо!*

Толстяк пожал плечами и снова глотнул своего пойла. Фентон глянул на молча улыбающегося вордилианина – тощий, как и все туземцы, с острыми угловыми костями, торчащими из голых плеч, и с меховым воротником, растущим вокруг шеи, как дорогое колье. В получьмье бара все местные выглядели похожими: гротескные недолюди.

Фентон достал из кошелька десяток свежих десятидолларовых банкнот и разложил их перед Макгиллом.

– На это вы можете купить себе много порций, Макгилл.

– Да. Адская смесь, верно?

Фентон пошуршал банкнотами.

— Сотня ваша, если найдете для меня убийцу Джейми. Вы знаете эту планету и знаете, кого я ищу. Найдите его, и деньги ваши.

— Плата вперед, — пробурчал Макгилл. — Доставку гарантирую.

Фентон мгновение колебался, затем подвинул банкноты к стакану Макгилла. Быстрым движением пухлой руки Макгилл собрал их и сунул в карман.

— Спасибо, — напряженно сказал он. — Мы заключили... э-э... соглашение.

— Мне нужен убийца Джейми, — повторил Фентон. — Долго ли мне нужно будет ждать?

— Да не очень. Он сидит здесь за четвертым от нас столиком.

ЕГО СЛОВА настолько ошеломили Фентона, что несколько секунд он стоял, как вкопанный. Затем повернулся и посчитал столики. За четвертым столиком сидел один туземец, склонившись над чашей с ликером. Отсюда, тем более, в полумраке, было трудно что разглядеть, но Фентону показалось, что он различает серую полосу на лбу туземца, и что у него пушистого воротника действительно странный красноватый оттенок.

Фентон больно стиснул мясистое предплечье Макгилла.

— Вы, случайно, не решили поиграть со мной, Макгилл? Это действительно он?

— Его зовут Склезн, — Макгилл произнес туземное имя с легкостью, рожденной долгой практикой. — Именно он казнил Джейми. Я не обманываю вас, Фентон.

— Лучше и не пытайтесь. У меня в игольнике игл больше, чем понадобится для Склезна.

Макгилл слега побледнел.

— Я землянин, Фентон. Не станете же вы...

— Джейми тоже был землянином, — напомнил ему Фентон. — Это никому не помешало убить его. — Он легко поднялся со стула, стиснув стакан. — Пойду поговорю с этим туземцем. А вы оставайтесь здесь, понятно?

— У меня есть сотня долларов, которые нужно пропить. Даже для меня на это требуется время.

Фентон пересек бар, обойдя двух покачивающихся, явно пьяных вордиилан, направляясь к столику, за которым сидел единственный туземец. Склезн уткнулся в свой стакан, не интересуясь, что происходит вокруг. Фентону очень хотелось выхватить игольник и всадить в тощее тело туземца две-три иглы, не вступая в долгие переговоры, но он подавил это желание.

Это было бы несправедливо. Кроме того, тогда он не смог бы выйти сухим из воды.

Игольник холодил кожу, когда Фентон склонился над столиком туземца.

— Вас зовут Склезн? — спросил Фентон, надеясь, что правильно произносит непривычное сочетание согласных.

Абориген безучастно глянул на него и кивнул.

— Не против, если я сяду? — спросил Фентон.

Туземец пожал плечами. Фентон сел за столик лицом к вордилианину.

— Меня зовут Марк Фентон. Может, вы знали моего брата, Джейми Фентона?

Рот туземца медленно открылся.

— О, я знал его. Да.

Спокойный голос инопланетянина поразил Фентона. Он прищурился.

— Так вы знали его? Он мертв, так?

— Да.

— И как он умер? — спросил Фентон, акцентируя каждое слово так, что оно прозвучало как отдельное предложение. — Вы знаете, как он умер?

— Он был убит, — сказал туземец.

— Мне сказали, что он был убит вордилианином. Это так?

— Так.

— А *каким* вордилианином? — прошептал Фентон, чувствуя, как задрожали его пальцы.

— Его убил я, — спокойно признался Склезн. — Вы знали это прежде, чем сели за мой столик. Зачем тогда все эти вопросы, Марк Фентон?

ФЕНТОН ВОСПРОТИВИЛСЯ желанию перегнуться через столик, схватить инопланетянина за его красноватый, меховой воротник, и трясти, трясти...

— Он был моим братом, — сказал он вместо этого. — Вы знаете, что такое брат?

— У вас одни родители, да? Знаю.

— Братья должны сохранять верность друг другу. Видит Христос, я не был близок Джейми, может, поэтому он и стал летать по Галактике, пока не остановился здесь, на Вордиле. Здесь он погиб. Почему вы убили его?

— Я был должен, — просто сказал Склезн. — У меня не было выбора.

Фентон вспомнил слова Макгилла: «он был... казнен».

— Но почему? Что такого сделал вам мой брат, что вам пришлось убить его?

— Рассказывать об этом так же плохо, как делать, — ответил инопланетянин. — Я не могу сказать вам.

Фентон небрежно сунул руку за полукуртки, схватил рукоятку игольника и вытащил его из кобуры. Но оставил под мышкой, пока-

зав лишь торец рукоятки. Металл блеснул в тусклой полутьме бара. Склезн глянул на пистолет, затем отвел взгляд.

— Вы знаете, для чего я прилетел на Вордил? — спросил Фентон.

— Ваш брат умер. Вы хотите отомстить за него.

— А вы умны для аборигена. Вы попали прямо в точку.

Фентон не ожидал, что все будет так, он не был готов к долгим разговорам с убийцей брата. Быстрый выстрел на тихой улице, момент мести — вот чего он ждал. Но не этого.

— Я собираюсь убить вас за то, что вы убили моего брата, — сказал он. — Если бы тут не было столько народа...

— Нет-нет! Не здесь! — воскликнул туземец. — Здесь... невозможно.

Фентон нахмурился.

— Я и не стал бы делать этого здесь.

Внезапно он понял, что глаза всех присутствующих уставились на него — глаза *инопланетян*. Он оглянулся. На него внимательно, с любопытством глядело с полдесятка вордилиан. Фентон знал, что может убить Склезна прежде, чем кто-либо шелохнется, но тогда, через секунду все набросятся на него.

Туземец поднес свою чашу к губам. Фентон заметил, что у него шесть костячих пальцев, с длинными, зелеными, коническими ногтями. Склезн допил чашу, поставил ее на столик и сказал:

— Всему есть время, Марк Фентон. Есть время и для мести. Но оно еще не наступило.

Он встал, бросил на столик монету и, прежде чем Фентон успел шевельнуться, исчез. Фентон вскочил на ноги, намереваясь броситься за ним.

Но тут же перед ним возникла живая стена. Те вордилиане, что внимательно наблюдали за ним, соскочили со своих мест и перегородили ему дорогу. Фентон стиснул кулаки. Склезн убежал...

Мясистая рука стиснула ему сзади плечо.

— Не поднимайте шума, — произнес хриплый голос, голос Макгилла. — Не надо создавать здесь проблем. Вы же понимаете, что это плохо кончится для всех нас.

Фентон повернулся.

— Он ушел, а они не дают мне пройти.

— Естественно. Они знают, зачем вы здесь. Все это знают. Они хотят, что бы вы сделали свое дело *правильно*. Они не хотят, чтобы вы просто подстрелили его в баре, точно свинью.

Макгилл пошатывался, но голос его звучал совсем трезво. Казалось, он знал, о чем говорит. И рука его держала плечо Фентона с удивительной силой. Было такое ощущение, словно мышцы Макгилла из бериллиевой стали.

Внезапно витающее в баре напряжение исчезло. Туземцы вернулись на свои места. Фентон тут же подумал об убийце, который теперь убегал по улице.

— Далеко он не уйдет, — сказал Макгилл, словно прочел его мысли. — Он направится в лес. Вы сможете легко найти его, когда захотите. Расслабьтесь и выпейте. Давайте, я возьму вам порцию. У меня ведь есть ваши денежки.

ВЫПИВ НЕСКОЛЬКО порций местного напитка, Фентон немного расслабился и теперь мог сидеть, не шевелясь, и глядеть в опухшее лицо Макгилла, не имея желания пуститься преследовать убежавшего инопланетянина.

— Вы прожили здесь какое-то время, — сказал Фентон.

— Шесть лет.

— Да. Тогда объясните мне кое-что. Я чувствую, что меня втягивают в какой-то ритуал, но я не знаю основных правил.

Макгилл хрипло вздохнул.

— Вы должны понять, что это инопланетяне, и они мыслят не так, как мы с вами. Возможно, у нас есть что-то общее, но очень уж отдаленное. Черт, у них две руки, две ноги, и этим они *почти что* похожи на землян. Но они не земляне. Они мыслят *почти что* как мы, но все же не так. Вы следуете за моей мыслью?

— Стараюсь. Так почему они убили моего брата?

Макгилл пожал плечами.

— В этом-то все и дело. Я не знаю, почему они убили его, он был неплохим парнем. Но он где-то сделал что-то такое, что им не понравилось. Может, он даже не знал, что делает. Но они выбрали Склезна, чтобы убить его, Склезн повел его в лес на Территорию Смерти, где и убил.

— А он что, не пытался сопротивляться?

Макгилл выглядел смущенным и одновременно каким-то смиренным.

— Джейми был слишком пьян и даже не понял, что происходит.

Фентон опустил взгляд.

— Понятно, — протянул он и через секунду добавил: — Вы не могли бы узнать, что именно он сделал?

— Об этом запрещено говорить. Я не знаю.

— А что это за Территория Смерти?

— Это такое место в лесу, — сказал Макгилл. — Если человек должен умереть насильтвенной смертью, то умереть он должен именно там. Туда и направился Склезн. Если бы вы убили его здесь, он потерял бы душу или что-то в этом роде. Он будет там ждать, пока вы придетете и убьете его. Я же говорю вам, Фентон, здешние — странный народ. Он совсем чужды нам.

— Давай говорить прямо, — сказал Фентон, откидывая со лба волосы. — Джейми сделал что-то не так. Склезн убил его. И теперь Склезн на Территории Смерти ждет меня?

— Он тоже сделал кое-что не так, — сказал Макгилл. — Он убил человека. Это как цепь, которая тянется, сковывая палачей и их жертв. И я не знаю, где она закончится.

— Но это же неправильно! — воскликнул Фентон. — Нельзя же выбрать человека палачом, а потом ждать, что он тоже умрет! Даже инопланетяне...

— Склезн убил Джейми, когда Джейми был пьян. Неправильно Склезну было делать так. Таким образом, Склезн приговорен к высшей мере, и если вы войдете на Территорию Смерти, то можете потребовать его жизнь. Говорю же вам, это инопланетяне. Нам никогда не понять их.

Фентон сделал большой глоток, выдохнул, облизал губы и встал.

— Как мне добраться до Территории Смерти? — спросил он Макгилла.

ФЕНТОН ПОШЕЛ после ланча, когда белое карликовое солнце было в верхней точке неба, неистово поливая оттуда землю своими жаркими лучами. Толпа собравшихся у отеля инопланетян с интересом глядела, как он уходит, надев кобуру с пистолетом поверх рубашки и нацепив на голову пробковый шлем, защищающий от жары. Прямо-таки настоящий герой эпохи Бремени Белого Человека.

Макгилл шел рядом с ним, слегка пошатываясь. Фентон чувствовал себя совершенно трезвым. Он не потрудился даже глянуть на любопытных вордилиан, а прошел прямо сквозь толпу на пыльную, песчаную дорогу.

— Я провожу вас до леса, — сказал Макгилл, — и укажу дорогу. А там вы и сами не заблудитесь.

— А как я пойму, что добрался до места?

— Поймете. Это круг примерно тысячу шагов в диаметре прямо посреди джунглей. Там не растет ни единого дерева, даже ни единой травинки. Это Территория Смерти. Склезн будет там ждать.

— Вооруженный?

— Нет. Он ждет, что ты убьешь его. Убей его быстренько, возвращайся, упакую вещички и улетай с Вордила. Убей его быстро и чисто, и цепь смертей будет прервана.

— Ты уверен, что не хочешь пойти со мной?

— Чертовски уверен, — решительно сказал Макгилл. — Это ваша проблема, дружище. И уладить ее должны вы одни.

Они вместе пошли по городу, по извилистой, изрытой колеями дороге, ведущей в противоположном от космодрома направлении.

— Ладно, — через какое-то время сказал Макгилл. — Дальше я — пас. Идите прямо и доберетесь до места.

Он достал грязную бандану и ветер со лба пот. Вордил был не самый жаркий мир из тех, что повидал Фентон, жаркий и сухой – да, но не настолько, чтобы толстяк так потел.

Фентон достал из кошелька пять десяток и махнул ими перед носом Макгилла.

– Я дам их вам, если пойдете со мной, – сказал он.

Макгилл нерешительно мотнул головой.

– Это ваша проблема, – бесстрастно повторил он. – Мне и так надолго хватит денег на выпивку. Дальше я не пойду.

Пожав плечами, Фентон все же сунул ему банкноты.

– Ладно, все равно держите их. Спасибо за помощь. Надеюсь, увидимся вечером.

– Да, – сказал Макгилл. – Увидимся.

Он развернулся и заковылял назад, откуда пришел. А Фентон отправился вперед, к Территории Смерти.

Пока он шел, в нем все росла странность и чуждость окружающей местности. День был тихий, не считая гудения серебристых насекомых длиной сантиметров в пятнадцать, которые роились в тонких кронах деревьев, торчащих вдоль дороги, точно гигантские иглы. Трава имела плотные, почти квадратные листья-лезвия, ужасно-унывые, иссиня-черные. Вдалеке виднелся невысокий холм, утыканный, как ежик, деревьями-иглами.

Жизнь на похожих планетах развивалась весьма подобно. Вот и туземцы на Вордиле IX были *почти* людьми, деревья *почти* деревьями, а трава *почти* травой. Почти, но не совсем. Были и различия, иногда вопиющие, бросающиеся в глаза, а иногда скрытые. Птицы здесь не пели, а лаяли. Кролики, выскаивающие из густого кустарника, имели змеиные хвосты, голубые бусинки глаз и очень острые зубы.

Каково было Джейми идти этой дорогой? – подумал вдруг Фентон. Был ли он достаточно трезв, чтобы понимать, зачем его ждет инопланетянин, или ему было все равно? Фентон представил себе здоровяка Джейми, тащившегося за жилистым, тощим вордилианином, который вот-вот должен был стать его палачом.

Фентон стал нервно всматриваться сквозь деревья. Несмотря на все то, что сказал ему Макгилл, Фентон не мог полагаться, что Склезн будет просто стоять и ждать смерти, а не устроит засаду. Фентон шел осторожно, готовый в любой миг выхватить игольник из кобуры.

Но никаких опасностей не возникало. Чуждое спокойствие дня оставалось ничем не нарушенным. Дорога извивалась, как змея в приступе эпилепсии, и Фентон, проходя поворот за поворотом, ждал и не мог дождаться, когда же впереди выскочит смерть.

А затем, свернув за очередной поворот, он понял, что добрался до Территории Смерти.

Трудно было сказать, искусственная или естественная, но эта область была абсолютно бесплодна. Ни травинки, ни единого деревца. Это был круг совершенно голой земли шагов тысячу в диаметре, голая земля, настоящий чернозем.

И в самом центре круга, поразительно человеческим жестом сложив на груди руки, ждал его Склезн.

ФЕНТОН ВЫХВАТИЛ игольник и осторожно ступил в круг. Рукоять пистолета удобно лежала в ладони, указательный палец напрягся на спусковом крючке. Склезн смотрел на него, не шелохнувшись.

— Это Территория Смерти, верно? — спросил Фентон, и голос его странно сухо прозвучал в тишине.

— Верно. Я ждал вас, Марк Фентон. Это место для мести и время для мести.

Он казался спокойным, даже каким-то отстраненным, и вроде бы не имел оружия.

— Время для мести, — повторил Фентон, поднимая игольник.

Было как-то странно и необычно взять и расстрелять согласную умереть жертву. Это было не то убийство, что дало бы удовлетворение за смерть Джейми.

— Почему вы убили моего брата? — требовательно спросил Фентон. — Что он сделал?

— Я не должен это говорить, — пробормотал Склезн. — Особенно здесь! Не на святой земле!

Фентон взмахнул пистолетом.

— Я хочу знать, что такого сделал мой брат, что его пришлось убить. — И тут он усмехнулся. — Расскажите мне, Склезн. Иначе я уведу вас в город прежде, чем убью. А ведь вам бы не хотелось этого.

Инопланетянин нервно поджал тонкие губы.

— Нет. Я должен умереть здесь, на этой земле.

— Тогда говорите.

— Ладно, — устало сказал Склезн. — Это неправильно, и я буду наказан за это... Но лучше уж так, чем умереть не на Территории Смерти. Идемте. — И он направился к краю леса.

— Куда вы идете?

— Я не могу совершить грех, стоя на Территории Смерти, — сказал Склезн.

Фентон последовал за ним по голой земле в лес. Граница Территории Смерти была четкой и ясной, словно ее ежедневно пропалывали. Вероятно, так оно и было. Наконец, Склезн ступил на траву.

— Ваш брат плонул на жреца во время церемонии, — сказал он.

— Это непростительно. Он был пьян и не ведал, что творил, но все

равно за это ему пришлось поплатиться смертью. – Склезн содрогнулся и отвел взгляд.

Какое же табу заставило Склезна рассказать вслух о преступлении Джейми? – подумал Фентон.

– За это вы и убили его? – спросил он. – За пьяный поступок, когда он даже не понимал, что делает?.. Боже мой!.. Вы убили человека!

Склезн кивнул.

Внезапно на Фентона нахлынул ужасный гнев. И за такую ерунду Джейми был приговорен к смерти, и сам, пьяный, пошел на казнь, как бычок на бойню...

Палец сам собой напрягся на курке. В душе Фентона все звенело, кричало, требовало мести. И он нажал на курок.

Игла пробила мясистую часть ноги инопланетянина. Склезн охнулся и упал на землю. Игольник был отнюдь не безболезненным оружием.

Склезн уставился на свою ногу с крошечным отверстием, прошверленным через мясо и кости, мышцы и нервы.

– Я убил вашего брата быстро, – сказал он. – Сделайте то же самое для меня.

– Не волнуйтесь, – сказал Фентон. – Я не намерен вас мучить. Следующий выстрел будет смертельным.

Склезн выдохнул с облегчением и пополз, подтягиваясь руками, по траве к обнаженной Территории Смерти. Фентон усмехнулся.

– Мне очень жаль, но я не хочу, чтобы вы умерли там.

– Но...

Фентон схватил пораженного туземца за ноги и безжалостно поволок его по траве подальше от Территории Смерти. Склезн цеплялся за траву. Вонзал пальцы в землю, пытаясь удержаться, но Фентон тянул его все дальше.

Наконец, они оказались в сотне метров от Территории Смерти.

Склезн с усилием поднялся на ноги и попытался, шатаясь, пойти обратно, что-то выкрикивая на своем языке. Тщательно прицелившись, Фентон выпустил иглу во вторую его ногу.

Склезн упал вниз лицом. Фентон услышал его рыдание.

– Настало время для мести, – сказал Фентон. – Сейчас и здесь. Ты умрешь так же, как умер мой брат, в одиночестве, без исповеди, в неправильном месте. Это и будет моя месть.

Склезн закричал. Фентон нажал курок, и игольник дернулся у него в руке. Игла пробила горло Склезна. Туземец задергался, хотел было повернуться на спину, но тут же обмяк и замер.

Время для мести, подумал Фентон.

Внезапно чьи-то руки резко вывернули у него игольник.

ФЕНТОН ПОВЕРНУЛСЯ и увидел четырех туземцев, печально глядящих на него. Они держали нацеленные на него игольники. Они подкрались так, что их и слышно не было.

Несмотря на жаркий день, Фентон ощутил, как по спине пробежал холодок.

— Это было наше с ним дело. Только мое и его, — кивнул он на неподвижного Склезна. — И я убил его. За этим ведь он и пришел сюда, верно? Отдайте мне пистолет!

Один из туземцев с игольником печально улыбнулся.

— Мы пришли проследить, чтобы все было сделано правильно. Мы надеялись, что цепь прервется здесь. Этого не случилось?

— О чем вы, черт побери?

— Ваш брат... кое-что сделал. Наш человек наказал его за это. Потом приготовился к наказанию, инструментом которого были вы. Но вы подвели его, преднамеренно уничтожив душу Склезна. — Туземец кивнул на лежащее на траве тело, затем указал на Территорию Смерти. — Он должен был умереть *tam*. Тогда было бы все в порядке. Но ваша месть оказалась слишком велика, Фентон.

— Вы не понимаете. Я...

Фентон рванулся к нему, надеясь выхватить игольник, но боль пронзила его бедро, и он упал, корчась и схватившись за простреленную иглой ногу. Через секунду он замер и увидел, что инопланетяне глядят на него печально, терпеливо.

Фентон подумал о Джейми, о пьяном, ничего не соображающем Джейми, которому Склезн нанес смертельный удар. Затем он подумал о Склезне, скорчившемся на земле в сотне метров от того места, где он хотел умереть. А потом его пробила крупная дрожь.

— Цепь смерти завершится вами, — сказал туземец.

Он кивнул трем другим, они подняли Фентона и понесли вперед. Потом он почувствовал под ладонями теплую землю, голую землю без единой травинки. Лежа на этой земле, он вонзил в ее пальцы и стал ждать смерти. Туземцы были добры. Они принесли его на Территорию Смерти. Тот, что стоял над ним с игольником, выстрелил, и на миг Фентон почувствовал нелепую, неуместную благодарность к нему.

А потом этот миг прошел, и все кончилось.

A time for revenge, (Super-Science Fiction, 1957 № 10), пер. Андрей Бурцев

СОДЕРЖАНИЕ

ЗВЕРЬ С СЕМЬЮ ХВОСТАМИ	7
(В соавт. с Р. Гарреттом, под псевд. Леонард Г. Спенсер)	
The beast with 7 tails, (Amazing Stories, 1956 № 8),	
пер. Андрей Бурцев	
ВЗГЛЯНИ НА ДОМ СВОЙ, КОСМОНАВТ	51
(Под псевд. Келвин М. Нокс)	
Look homeward, spaceman, (Amazing Stories, 1956 № 8),	
пер. Андрей Бурцев	
ВСЕГДА	67
Always, (Nebula, 1956 № 3), пер. Андрей Бурцев	
СХЕМА МАКОУЛИ.....	79
The Macauley circuit, (Fantastic Universe, 1956 № 8),	
пер. Андрей Бурцев	
ОДИНОКАЯ	91
The lonely one, (Science Fiction Stories, 1956 № 7),	
пер. Андрей Бурцев	
СЕКРЕТНОЕ ОРУЖИЕ ТИТИПУ	107
The secret weapon of Titipu, (Science Fiction Stories, 1956 №	
7), пер. Андрей Бурцев	
О, КАПИТАН МОЙ, КАПИТАН.....	119
(Под псевд. Ивар Йоргенсен)	
O captain, my captain, (Fantastic, 1956 № 8),	
пер. Андрей Бурцев	
ПРЫГУН.....	131
Hopper, (Infinity, 1956 № 10), пер. Андрей Бурцев	
ИЗЫСКАТЕЛЬ	153
Sourdough, (Astounding, 1956 № 11), пер. Андрей Бурцев	

ЛОГОВИЩЕ ДРАКОПТИЦЫ	167
Lair of the dragonbird, (Imagination, 1956 № 12), пер. Андрей Бурцев	
ПЛАНЕТА СМЕРТИ	181
Death's planet, (Super-Science Fiction, 1957 № 10), пер. Андрей Бурцев	
ВРЕМЯ ДЛЯ МЕСТИ	206
(Под псевд. Келвин М. Нокс) A time for revenge, (Super-Science Fiction, 1957 № 10), пер. Андрей Бурцев	

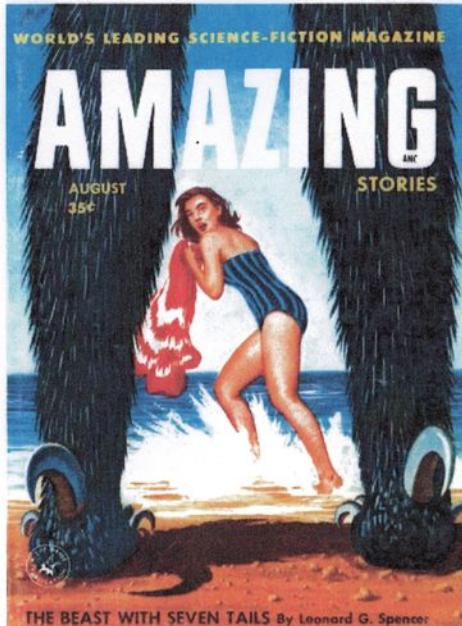
Читайте в
следующем томе:

«Монстры Нептуна»

В томе № 35 выходит очередной коллективный тематический сборник из подсерии «Дети Солнца». Том называется «Монстры Нептуна» и посвящен, как вы уже догадались, этой далекой планете. В сборник входит роман Рэя Каммингса «Крылья Икара», а также рассказы других авторов. Некоторые из них вам уже знакомы, например, Фрэнк Лонг, другие на русском появляются впервые. Но от этого они не менее, - если не более, - интересны любителям фантастики.

Библиотека англо-американской классической фантастики

РОБЕРТ СИЛВЕРБЕРГ

Логовище дракоптицы